РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ

и книгопродавцемъ В. Полаковымъ.

XV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31-го Іюля, 1842 года.

Цензоръ: *С. Куторга.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПРОТИВОЯДІЕ.

Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ Французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Трюшонъ.
Фавель, студентъ медицины.
Эрнестъ де Монжиронъ.
Пьерръ, слуга.
Маріанна, жена Трюшона.
Сосѣди.

Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ городѣ.

Комната въ домѣ Трюшона, выходящая въ садъ; двери въ глубинѣ; съ боковъ открытыя двери. Направо запертая дверь, налѣво дверь въ биллiярдную. Столъ на правой сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трюшонъ и Маріанна (*входятъ съ лѣвой стороны, разговаривая*).

Маріанна.

Ахъ, Господи, какъ вы мнѣ надоѣли!

Трюшонъ.

Что такое?

Маріанна.

Ничего! я говорю что вы мнѣ надоѣли, потому... что надоѣли.

Трюшонъ.

Вотъ именно этого-то вы бы и не должны были говорить.

Маріанна.

А вы бы не должны были этого дѣлать.

Трюшонъ.

Скажите!... Простая крестьянка, на которой я женился...

Маріанна.

А вы думаете, что за васъ бы дру-

гая пошла замужъ?... Подите! Вѣдь я знаю зачѣмъ вы на мнѣ женились!

Трюшонъ.

Женщина, которой я подарилъ свое имя...

Маріанна.

Хорошъ подарокъ! Нечего сказать, прекрасное имя: Трюшонъ!

Трюшонъ.

Мнѣ кажется, что я сдѣлалъ ужасную глупость.

Маріанна.

А я въ этомъ увѣрена, вотъ и вся разница между нами.

Трюшонъ.

Но послушай, Маріаннушка! прошу тебя, будь немножко посговорчивѣе, не огорчай твоего мужа. Ты всегда бываешь не въ духѣ, когда говоришь со мною.

Маріанна.

Да тутъ не отъ чего и веселой быть!

Трюшонъ.

Тогда какъ я стараюсь всячески угождать тебѣ. Неужели ты можешь обвинять меня въ чемъ нибудь?

Маріанна.

О! рѣшительно ни въ чемъ!

Трюшонъ.

Развѣ мое обращеніе съ тобою не всегда одно и то же?

Маріанна.

О! что до этого, вы правы! Вы всегда одинаковы, вѣчно ворчите.

Трюшонъ.

Ну, это отъ того, что ревную тебя ко всѣмъ.

Маріанна.

А мнѣ развѣ легче отъ этого! Не моя вина если мнѣ говорятъ, что я хороша собой. Разумѣется, я должна поблагодарить за это. Не прикажите ли мнѣ надѣвать покрывало, какъ Турчанкѣ, когда я выхожу изъ дому? Или уже не изуродовать ли мнѣ себя для того, чтобъ вамъ понравиться.

Трюшонъ.

О, напротивъ! это бы привело меня въ отчаяніе. Но мнѣ кажется, видишь ли ты, я полагаю... что ты ужъ черезъ чуръ ласкова со многими. Напримѣръ, вотъ съ этимъ племянникомъ префекта, Эрнестомъ де Монжиронъ.

Маріанна.

Да не вы ли сами велѣли мнѣ какъ можно лучше принимать его?

Трюшонъ.

Конечно, но...

Маріанна.

Не вы ли сами требовали, чтобы я какъ можно ласковѣе обходилась съ нимъ?

Трюшонъ.

Это правда, однако...

Маріанна.

Я не обращала на него ни какого вниманія; вы же сами расхвалили его, представили его какъ самаго любезнаго и пріятнаго человѣка, а теперь сердитесь, когда я говорю съ нимъ. Я и сама замѣтила, что онъ очень хорошъ, прекрасно держитъ себя, говоритъ очень умно, а я люблю людей образованныхъ, съ хорошими манерами. Посмотрѣли бы вы, какъ я славно принимала всѣхъ у васъ въ домѣ, если бъ вы только взяли меня въ Парижъ, когда васъ выберутъ въ депутаты. Я и сама вижу, что мнѣ многаго недостаетъ, что я не такъ хорошо объясняюсь какъ знатныя дамы, но Эрнестъ сказалъ, что научитъ меня грамматикѣ и всему, что нужно знать.

Трюшонъ.

Мадамъ Трюшонъ! Вы забываете, что только одинъ мужъ можетъ васъ учить!..

Маріанна.

Да вѣдь я для васъ же стану брать уроки. Эрнестъ сказалъ, что вы сегодня же будете депутатомъ, непремѣнно!.... Онъ объ этомъ просилъ своего дядю, префекта, и тотъ обѣщалъ почти навѣрное.

Трюшонъ.

Конечно, мнѣ очень хочется быть представителемъ нашего округа!.... Я имѣю для этого всѣ необходимыя качества,

и вполнѣ достоинъ занимать должность депутата, но не хочу, чтобы званіе мужа хоть сколько нибудь пострадало отъ этого. Вы меня понимаете!... Я увѣренъ, что ваша невинность не позволитъ вамъ видѣть опасности, но я васъ предупреждаю, и прошу остерегаться.

Маріанна.

Ну, пожалуй, пожалуй. Я не скажу больше ни слова Эрнесту.

Трюшонъ.

Нѣтъ! нѣтъ! напротивъ!..... Какъ это вы меня не понимаете!..... Надобно принимать его какъ можно лучше, называть нашимъ другомъ, покровителемъ, до сегодняшняго вечера, то есть до тѣхъ поръ, какъ меня сдѣлаютъ депутатомъ. Черезъ два часа выборы начнутся въ сосѣднемъ домѣ, и если вы вооружите противъ себя де Монжирона, то онъ можетъ повредить мнѣ, точно также, какъ прежде помогалъ: вѣдь только благодаря его стараніямъ, его дядюшка, префектъ, и согласился выбрать меня изо всѣхъ кандидатовъ.

Маріанна.

Ну, такъ успокойтесь. Я буду чрезвычайно какъ любезна съ господиномъ Эрнестомъ.

Трюшонъ.

Да кто васъ проситъ быть чрезвычайно любезной?

Маріанна.

Такъ чгожъ именно должна я дѣлать съ нимъ?...

Трюшонъ.

Боже мой! Какъ будто можно объяснить подобныя вещи. Собственное сознаніе, чувство приличія должны сказать, гдѣ надобно остановиться.

Маріанна.

Посмотримъ! Ну, напримѣръ, если онъ мнѣ предложитъ свою руку.

Трюшонъ.

Ты можешь взять ее.

Маріанна.

Хорошо. А если онъ пожметъ мою?

Трюшонъ.

Онъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ позволить себѣ подобную дерзость.

Маріанна.

Ахъ! да ужъ онъ разъ себѣ это позволилъ.

Трюшонъ.

Какъ? въ самомъ дѣлѣ?

Маріанна.

Ну, да если онъ захочетъ и въ другой разъ сдѣлать тоже—я выгоняю его и запрещу показываться мнѣ на глаза.

Трюшонъ.

Совсѣмъ нѣтъ! Господи! Ты этимъ погубишь меня, Маріанна.

Маріанна.

Ну, хорошо! я ему позволю жать мою руку.

Трюшонъ (*въ сторону*).

Какое ужасное положеніе! Я теперь двойной кандидатъ!...

Маріанна.

А если онъ захочетъ поцѣловать меня?

Трюшонъ.

Онъ никогда не дойдетъ до этого.

Маріанна.

Не дойдетъ?...

Трюшонъ.

Нѣтъ!

Маріанна.

Ну, а вчера онъ почти дошелъ до этого, и если бъ я его не оттолкнула...

Трюшонъ.

Ты прекрасно сдѣлала!...

Маріанна.

Только какъ онъ разсердился....

Трюшонъ.

Ахъ, Боже мой!

Маріанна.

И сказалъ, что если я его отвергну, онъ навсегда съ нами поссорится.

Трюшонъ.

Это ужасно!

Маріанна.

Да мнѣ это все равно! Я все таки его оттолкну!

Трюшонъ.

Нѣтъ, нѣтъ!... Развѣ ты хочешь погубить меня?

Маріанна.

Ну, такъ пожалуй! пусть онъ поцѣлуетъ меня!

Трюшонъ.

Если же.... то есть.... напримѣръ, онъ захочетъ переступить.. извѣстные предѣлы.

Маріанна.

О, тогда, само собою разумѣется: я дамъ ему пощечину.

Трюшонъ.

Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! Ты лучше убѣги и запрячься въ свою комнату.

Вмѣстѣ.

Маріанна.

Но заняться туалетомъ
Ужъ давно должна бы я!
Все пойдетъ прекрасно! Въ этомъ
Положитесь на меня!

Трюшонъ.

Да! займися туалетомъ!
Поскорѣй, душа моя!
Все пойдетъ прекрасно! Въ этомъ
На тебя надѣюсь я!

(*Маріанна уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Трюшонъ (*одинъ.*)

Лишь бы только она убѣжала и заперлась въ свою комнату! Проклятое честолюбіе!... Сдѣлаться депутатомъ!... Конечно, это очень почетное званіе, мѣсто прекрасное, которое доставитъ мнѣ большой вѣсъ въ обществѣ. Цѣлая палата народу, который разсуждаетъ — это должно быть очень занимательно! И потомъ Министры даютъ вамъ руку, да, сами даютъ руку! Но если для того, чтобы достигнуть всѣхъ этихъ почестей, моя жена должна переступить извѣстныя границы!.. Нѣтъ! сдѣлавшись депутатомъ, я въ то же время дѣлаюсь лицемъ неприкосновеннымъ!... Но до тѣхъ поръ... всѣ надо мной станутъ смѣяться! Сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго округа — это ужасно!.... Для того, чтобъ избавиться отъ этого, я готовъ дать сто, что я говорю! готовъ дать тысячу франковъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Фавель, Трюшонъ.

Фавель (*вошедшій въ главную дверь въ глубинѣ, и слышавшій послѣднія слова Трюшона*).

Я согласенъ взять ихъ! я и хотѣлъ только что просить васъ объ этомъ.

Трюшонъ.

А! это ты племянникъ!

Фавель.

Точно такъ! Какъ ваше здоровье?

Трюшонъ.

Нехорошо, очень нехорошо.

Фавель.

Тѣмъ лучше! Это до меня касается: я не даромъ студентъ медицины. Вы увеличите число моихъ паціентовъ (*въ сторону*). Онъ будетъ первымъ и по всей вѣроятности послѣднимъ.

Трюшонъ.

Зачѣмъ ты къ намъ пожаловалъ?

Фавель.

Я хотѣлъ увидѣть васъ и вашу супругу, которую я еще не имѣю чести знать.

Трюшонъ (*вздыхая*).

Мою жену.... Ахъ!....

Фавель.

Вы вздыхаете?... Ужъ не больна ли она?

Трюшонъ.

Здорова какъ нельзя больше.

Фавель.

Такъ стало быть, съ вами что нибудь случилось?

Трюшонъ.

Я въ ужасномъ разстройствѣ...

Фавель.

Возьмите для успокоенія теплыя ванны.

Трюшонъ.

Я разстроенъ морально, понимаешь ли ты?

Фавель.

А!

Трюшонъ.

Безпокойства.... опасенія, заботы...

Фавель.

По вашему имѣнію?

Трюшонъ.

Нѣтъ.

Фавель.

Да, точно! Этого не можетъ быть. Не вы ли сами говорили, что дали бы сейчасъ же тысячу франковъ. За что вы хотѣли дать тысячу франковъ? Если бы, получивши ихъ, я могъ услужить вамъ...

Трюшонъ.

Это было сказано такъ, въ минуту негодованія. Ты ничѣмъ не можешь помочь мнѣ!

Фавель.

Отчего же? Скажите!... Я по крайней мѣрѣ имѣю большое желаніе.

Трюшонъ.

Послушай! если бы вмѣсто того, чтобы быть моимъ племянникомъ, ты былъ бы своей теткой — какъ ты думаешь — могъ ли бы ты полюбить меня?...

Фавель.

Васъ?

Трюшонъ.

Ну, да, меня?

Фавель.

Не знаю, то есть... (*въ сторону*) Нельзя же изъ учтивости сказать ему истину.. (*громко*) Я понимаю васъ, почтенный дядюшка, вы ревнуете....

(*Трюшонъ дѣлаетъ утвердительный знакъ головою и вздыхаетъ.*)

Фавель.

Пеняйте на самого себя!

Трюшонъ.

Это почему?

Фавель.

А къ чему вамъ вздумалось въ пятьдесятъ лѣтъ жениться на хорошенькой и молоденькой дѣвушкѣ? Вы мнѣ писали, что она молода и хороша. Не лучше ли вамъ было жить въ кругу вашего семейства, напримѣръ со мною. Къ тому же я готовлюсь въ доктора, оканчиваю курсъ медицины, и сталъ бы даромъ лечить васъ; вы бы мнѣ оставили ваше имѣніе....

Трюшонъ.

Что жъ дѣлать?... Корыстолюбіе...

Фавель.

Корыстолюбіе.... Но вы женились на дочери мельника.

Трюшонъ.

Она была богата, сама не зная ничего объ этомъ.

Фавель.

Какимъ образомъ?...

Трюшонъ.

У отца Маріанны не было ни гроша, это правда, но я узналъ нечаянно, и главное навѣрно, что одинъ изъ его братьевъ, который уѣхалъ изъ Франціи еще въ молодости, и не присылалъ о себѣ ни какого извѣстія, вдругъ разбогатѣлъ гдѣто въ Германіи, и, что всего лучше, умеръ скоропостижно и холостякомъ. Маріанна была его единственная наслѣдница, и онъ оставилъ ей десять тысячъ ливровъ годоваго дохода.

Фавель.

И вы первый объявили ей это радостное извѣстіе....

Трюшонъ.

Напротивъ! Я не сказалъ никому ни слова. Ты знаешь, что въ одну несчастную спекуляцію на поставку раковъ для цѣлаго города, я потерялъ большую часть моего имущества. Въ этотъ годъ была повальная болѣзнь на черепокожныхъ....

Фавель.

И васъ это не убило?

Трюшонъ.

Нѣтъ. Но я былъ очень болѣнъ. У меня оставалось всего какихъ нибудь тысячи четыре дохода. Я не могъ уплачивать достаточнаго количества поземельной подати, и не могъ быть выбранъ въ депутаты. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я рѣшился на отчаянное средство, и для того, чтобы увеличить мое состояніе, предложилъ Маріаннѣ руку и имя. Она ничего не знала о своемъ наслѣдствѣ, я былъ для нее прекрасной партіей, и изъ тщеславія, чтобъ сдѣлаться женою депутата, она вышла за меня замужъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы она сдѣлалась богатой наслѣдницей.

Фавель.

И узнала, что вы получили объ этомъ извѣстіе еще прежде свадьбы?

Трюшонъ.

Да. Сказать правду, когда я женился на ней, я былъ къ ней совершенно равнодушенъ. Любовь пришла послѣ, по мѣрѣ того....

Фавель.

Какъ она получала къ вамъ отвращеніе?...

Трюшонъ.

Точно!

Фавель.

На свѣтѣ почти всегда такъ и случается! Но кто же этотъ извергъ, который угрожаетъ вашему семейному спокойствію?

Трюшонъ.

Вотъ тутъ-то эта исторія и запутывается ужаснымъ образомъ. Я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Эрнестомъ де Монжиронъ, племянникомъ нашего префекта. Онъ приходитъ къ намъ всякій день. Я, разумѣется, по долгу гостепріимства, просилъ жену мою обходиться съ нимъ поласковѣе, принимать его полюбезнѣе....

Фавель.

И вы находите, что она слишкомъ усердно исполняетъ вашу просьбу? Что жъ? Самое простое средство, попросить его не посѣщать васъ болѣе....

Трюшонъ.

Но отъ него отчасти зависитъ выборъ мой въ депутаты: онъ упрашивалъ за меня своего дядю, хлопоталъ о томъ, чтобы меня записали въ число кандидатовъ. Онъ же можетъ и погубить меня. Конечно, я имѣю постоянныя, истинныя, непоколебимыя правила. Вотъ ужъ четыре года, какъ я получаю одинъ и тотъ же журналъ, но прежде, давно.... я получалъ другой и былъ согласенъ съ его мнѣніемъ, не похожимъ на то, которое я имѣю теперь. Въ то время я имѣлъ глупость написать письмо. Въ немъ заключалось изложеніе моихъ правилъ и моего образа мыслей, въ то время еще нѣсколько вольнодумнаго, радикальнаго. Разумѣется, я теперь совершенно перемѣнился, но письмо это и теперь еще въ рукахъ одного журналиста, и онъ можетъ его обнародовать. Ты понимаешь, послѣ этого, прощай мое депутатство! Изъ бѣлаго я сдѣлаюсь чернымъ. По счастію, Эрнестъ другъ этому журналисту, и просилъ его прислать ему мое письмо. Онъ долженъ сегодня же получить его. Понимаешь?

Фавель.

Понимаю! Если вы прогоните этого господина Эрнеста, то не будете депутатомъ. Если же вы его не прогоните, то

будете.... Это ясно какъ день! А вамъ очень хочется быть депутатомъ?...

Трюшонъ.

Жить не могу безъ этого.

Фавель.

Ну, такъ вы должны рѣшиться, и не прогонять его!

Трюшонъ.

Покорно благодарю!

Фавель.

Но вѣдь это будетъ жертва, принесенная для пользы отечества.

Трюшонъ.

Премного обязанъ за совѣтъ!

Фавель.

Но, послушайте! будемте говорить серіозно. Однимъ словомъ, вы боитесь будущаго?

Трюшонъ.

Да, въ настоящемъ-то еще нѣтъ ничего важнаго....

Фавель.

По какимъ признакамъ догадываетесь вы о ихъ сношеніяхъ? Подстерегли ли вы взгляды, письма, любовныя объясненія?

Трюшонъ.

Эрнестъ видитъ жену мою всякій день. Онъ беретъ ея руку, жметъ ее, хочетъ даже поцѣловать, а сегодня, я даже нашелъ въ ея альбомѣ стихи!

Фавель.

Стихи!

Трюшонъ.

Конечно, Маріанна не въ состояніи понять хороши они или дурны.... Но онъ сравниваетъ ее съ луною, а это очень льститъ женщинамъ.

(*Онъ вынимаетъ альбомъ изъ кармана*).

Фавель.

Посмотримъ! (*Открываетъ альбомъ.*) Чей-то портретъ!...

Трюшонъ.

Маріанны. Еще вчера Эрнестъ снималъ его часа четыре.

Фавель (*читая*).

Когда я жизнь влачилъ въ томительныхъ оковахъ,
Природа пѣлая казалась мнѣ грустна;
Но въ мракѣ дней моихъ печальныхъ и суровыхъ
Вы неожиданно блеснули какъ луна!

Прескверные стихи! (*Онъ кладетъ альбомъ на столъ, и потомъ подаетъ руку Трюшону*). Добрый дядюшка!

Трюшонъ.

Что скажешь?

Фавель.

Я вылечу вашу жену. Весь курсъ леченія будетъ вамъ стоить ровно тысячу франковъ, которые мнѣ очень нужны на покупку книгъ и для того, чтобы выдержать послѣдніе экзамены.

Трюшонъ.

И ты думаешь, что медицина можетъ тутъ чѣмъ нибудь помочь.

Фавель.

Нравственная, духовная, моральная медицина, дядюшка?

Трюшонъ.

Что же ты думаешь сдѣлать?

Фавель.

Я еще и самъ не знаю? Но предоставьте мнѣ все, и я обѣщаюсь вамъ выжить отсюда этого господина Эрнеста.

Трюшонъ.

Только, пожалуйста, возьмись за это осторожнѣе; ты знаешь какъ онъ мнѣ нуженъ. Выборы будутъ черезъ два часа, и онъ можетъ возстановить противъ меня всѣхъ избирателей. Стоитъ ему только показать мое письмо.

Фавель.

Но вѣдь выживать его буду я, за что же онъ будетъ мстить вамъ?

Трюшонъ.

Да ты мнѣ родня, и онъ захочетъ дѣйствовать противъ цѣлаго семейства.

Фавель.

Кто же васъ заставляетъ объявлять, что я вамъ родственникъ? Здѣсь никто меня не знаетъ. Ваша супруга никогда меня не видала, даже теперь я вошелъ къ вамъ въ домъ, никѣмъ не встрѣченный. Не говорите никому, что я вамъ племянникъ, представьте меня какъ вашего друга.... Меня зовутъ, напримѣръ.... Виконтъ де Боншанъ!

Трюшонъ.

Хорошо но....

Въ тебѣ фамильное есть сходство,
Ты на меня похожъ: въ глазахъ,
Въ лицѣ такое жъ благородство,
И то жъ величіе въ чертахъ.
Ведешь себя ты такъ примѣрно,
Во мнѣ ты отразился весь.

Фавель.

По сходства этого навѣрно
Никто и не замѣтитъ здѣсь.

Трюшонъ.

Это почему?

Фавель.

Потому что вы гораздо лучше меня.

Трюшонъ.

И такъ, если ты успѣешь, я даю тебѣ взаймы тысячу франковъ.

Фавель.

Зачѣмъ же взаймы? Дайте просто, вѣдь это будетъ одно и то же.

Трюшонъ.

Я пойду къ женѣ и постараюсь, чтобы она пришла сюда.

Фавель.

Не предувѣдомляйте ее, однако же, ни о чемъ.

Трюшонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Прощай.

Фавель.

Ступайте, и приготовьте мнѣ тысячу франковъ.

Вмѣстѣ.

Фавель.

И теперь мой планъ намѣренъ
Я пустить сейчасъ же въ ходъ,
И заранѣе увѣренъ,
Что прекрасно все пойдетъ.

Трюшонъ.

А, теперь свой планъ намѣренъ
Онъ пустить сейчасъ же въ ходъ,
И заранѣе увѣренъ,
Что прекрасно все пойдетъ.

(Уходитъ въ дверь направо, въ которую вышла Маріанна).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фавель (*одинъ*).

Что жъ? примемся за дѣло! Конечно, я не надѣялся встрѣтить здѣсь подобное обстоятельство, но все равно! Мнѣ нужны деньги, я пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобъ занять ихъ у дяди; вмѣстѣ съ этимъ представляется случай оказать ему услугу, отчего же мнѣ имъ не воспользоваться?... А деньги мнѣ очень нужны! Конечно не для послѣднихъ экзаменовъ, потому что сперва надобно выдержать первые, а въ шесть лѣтъ моихъ занятій мнѣ рѣшительно не было времени къ нимъ приготовиться. Время идетъ такъ скоро. Наступаютъ балы, праздники, гулянья.... у меня такіе прекрасные проекты на эту зиму.... Я даже составилъ реестръ моихъ будущихъ расходовъ: столько-то на сигары, столько-то на костюмы, въ которыхъ я буду отличаться на балахъ у Мюзара. Костюмы, разумѣется, и для меня и для Фифины, этой миленькой гризетки, которая поетъ, танцуетъ и куритъ какъ драгунъ.... И къ тому же цѣль тутъ самая нравственная: возстановить согласіе въ домѣ дяди, удалить соблазнителя и доказать теткѣ моей, что она должна любить своего мужа. Конечно, это довольно

трудное предпріятіе. Надобно имѣть чертовское краснорѣчіе... Нельзя сказать, чтобы дядя мой былъ очень хорошъ собою.... Впрочемъ, все равно, главное состоитъ въ томъ, какъ взяться за это?... Ахъ, какая мысль!... Эти альбомные стихи!... Да! это будетъ хорошо. *(Онъ вынимаетъ свой бумажникъ и выписываетъ стихи изъ альбома)*. Итутъ.... это вѣрно она! *(Кладетъ альбомъ на столъ и прячетъ бумажникъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Трюшонъ, Фавель.

Фавель.

Раздѣ вы не нашли вашу жену?

Трюшонъ.

Она сейчасъ прійдетъ. Я сказалъ ей, что буду ее здѣсь дожидаться, и вмѣсто меня она встрѣтится съ тобою.

Фавель.

Положитесь во всемъ на меня.

Трюшонъ.

Я оставляю васъ, и иду къ племяннику префекта. Онъ ужъ явился, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ избирателей ждетъ меня въ билліардной, сыграть двѣ, три партіи.

Фавель *(смотря въ комнату)*.

Который изъ нихъ Эрнестъ? Высокій блондинъ?

Трюшонъ.

Да!

Фавель.

Ступайте же скорѣе къ нему, задержите его, говорите съ нимъ о выборахъ, о политикѣ, о вашей женѣ, это его займетъ.

Трюшонъ.

Вотъ и она?... Я ухожу.

(Уходитъ направо).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Фавель, Маріанна.

Маріанна *(входя поетъ)*.

Пьеръ сказалъ Жанетѣ:
Больше всѣхъ на свѣтѣ
Я люблю тебя!...

(Увидя Фавеля). Ахъ!

Фавель.

Боже мой! Какая прекрасная дама!

Маріанна *(приседая)*.

Покорно васъ благодарю.

Фавель.

Сударыня.... Конечно, я имѣю честь кланяться госпожѣ Трюшонъ?

Маріанна.

Точно такъ-съ.

Фавель.

Я еще въ первый разъ имѣю счастіе видѣть васъ сегодня; но между тѣмъ сейчасъ узналъ васъ!

Маріанна.

Право? Мнѣ кажется, что вы сказали, право, вздоръ.

Фавель.

Я не могъ ошибиться, судя по описанію, которое мнѣ было сдѣлано о васъ.

Маріанна.

Кто жъ вамъ меня описывалъ?

Фавель.

Вашъ мужъ.

Маріанна.

Такъ вы его знаете?

Фавель.

Какъ же-съ! Это старинный другъ моего семейства.... Я даже считаю его своимъ родственникомъ. Онъ, вѣрно, не разъ говорилъ вамъ о Виконтѣ Бельшанъ?

Маріанна.

Нѣтъ!

Фавель.

Это странно!... Но въ письмѣ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о своей

свадьбѣ, онъ изобразилъ васъ такими красками, что я не вѣрилъ ему до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ, что списаніе его ни сколько не преувеличено.

Маріанна (*присѣдая*).

Вы очень добры!

Фавель.

Онъ писалъ мнѣ: У жены моей такіе прекрасные глаза, такая обворожительная улыбка, такая свѣжесть въ лицѣ, такая бѣлизна.... Но я бы никогда не кончилъ, если бъ сталъ въ подробности пересказывать вамъ содержаніе этого письма.

Маріанна.

Ничего, продолжайте!

Фавель.

Я боюсь оскорбить вашу скромность....

Маріанна.

Не бойтесь!

Фавель.

А сколько тамъ было выраженій самой пламенной любви! Четыре страницы, наполненныя самой бѣшеной страстью.

Маріанна.

Неужели? Онъ бы гораздо лучше сдѣлалъ, если бы хоть половину всего этого разсказалъ мнѣ на словахъ.

Фавель.

Неужели онъ словесно никогда не объяснялъ вамъ чувствъ своихъ?

Маріанна.

Никогда!

Фавель (*въ сторону*).

Ну! трудно же мнѣ будетъ представить моего дядюшку хоть нѣсколько сноснымъ!

Маріанна.

Вамъ, вѣроятно, угодно видѣть Г-на Трюшона?

Фавель.

Помилуйте! мнѣ некуда торопиться! Подлѣ такой прекрасной особы можно дожидаться цѣлый вѣкъ.

Маріанна (*въ сторону*).

Этотъ господинъ очень хорошо объясняется. (*Громко.*) Мой мужъ тамъ, въ саду, съ гостями.

Фавель (*смотря въ дверь въ глубинѣ*).

Если я не ошибаюсь, съ нимъ Эрнестъ де Монжиронъ, племянникъ префекта здѣшняго департамента.

Маріанна.

Да!... Вы его также знаете?

Фавель.

Я видѣлъ его нѣсколько разъ, но знаю очень хорошо по слухамъ. (*Въ сторону.*) Кажется, я хорошо придумалъ. Начнемъ какою нибудь блистательною выдумкой. (*Громко.*) Пустой человѣкъ!

Маріанна.

А!

Фавель.

Самый вздорный изъ всѣхъ волокитъ. Онъ волочится рѣшительно за всѣми женщинами.

Маріанна.

Неужели?

Фавель.

Право! Но что всего замѣчательнѣе, онъ ко всѣмъ женщинамъ пишетъ одно и то же посланіе въ стихахъ, небольшое, въ четыре строчки, которыя однажды въ жизни удалось ему скропать послѣ четырехъ-недѣльной работы. Вы думаете, что я шучу; нисколько! Это сущая истина, которую я могу вамъ доказать. Какъ нарочно, посланіе это у меня въ карманѣ. Послѣдняя женщина, которой онъ адресовалъ его, была Г-жа Кокенаръ, живущая въ Парижѣ, въ улицѣ Муфтаръ, пробойная в овушка. Она же и дала мнѣ это посланіе.... Вотъ оно! Потрудитесь выслушать. (*Вынимаетъ бумажникъ изъ кармана и оторвавъ листикъ, читаетъ.*)

Когда я жизнь влачилъ въ томительныхъ окова́хъ,
Природа цѣлая казалась мнѣ грустна,

Но въ мракѣ дней моихъ печальныхъ и суровыхъ,
Вы неожиданно блеснули, какъ луна!

МАРІАННА.

Какъ луна!... Что жъ, это хорошіе стихи.

ФАВЕЛЬ.

Напротивъ, ужасно дурные! Прочтите ихъ со вниманіемъ, и вы сами увидите, съ вашимъ умомъ и проницательностію, что это сущій вздоръ. Я могу вамъ оставить ихъ для рѣдкости.... А теперь позвольте мнѣ оставить васъ. Мнѣ необходимо видѣться съ вашимъ супругомъ. Впрочемъ, я надѣюсь еще увидѣться съ вами. (*Въ сторону*). Начало сдѣлано очень удачно! Я выживу этого Эрнеста, и получу тысячу франковъ. (*Громко.*) Прощайте, сударыня! (*Раскланивается и уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРІАННА (*одна*).

Прекрасныя вещи узнала я о господинѣ Эрнестѣ. Волочится за всѣми женщинами! Эго ужасно! Я отомщу ему. Пусть-ка онъ теперь попроситъ срисовать мой портретъ въ альбомъ!

Въ этихъ альбомахъ ужасно какъ лгутъ,
Что ужъ тамъ пишутъ стихами и прозой!
Солнцемъ, вдругъ смотришь, тебя назовутъ,
Ангеломъ неба и пышною розой;
Мужъ никогда такъ не пишетъ къ женѣ,
Не говоритъ, что онъ ею лишь дышитъ.
Только досадно, что то же, что мнѣ,
То и другой сочинитель напишетъ!

Ужъ эта мнѣ госпожа Муфтаръ, которая живетъ въ улицѣ Кокенаръ, или госпожа Кокенаръ, которая живетъ въ улицѣ Муфтаръ? Я спрошу его объ этомъ!... А! вотъ альбомъ, гдѣ онъ меня нарисовалъ.... Что это!... Стихи подъ моимъ портретомъ. (*Читаетъ.*)

Когда я жизнь влачилъ въ томительныхъ оковахъ....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРІАННА, ЭРНЕСТЪ.

ЭРНЕСТЪ (*входя, въ сторону*).

А! она читаетъ мои стихи!... Не надобно мѣшать ей.

МАРІАННА (*оканчивая*).

Какъ луна!... Каково! Ахъ Боже мой!...

ЭРНЕСТЪ (*въ сторону*).

Вѣрно они ей очень нравятся.

МАРІАННА.

Слово въ слово!... Какъ ему не стыдно!... Какъ жаль! Стихи такіе хорошіе!

ЭРНЕСТЪ (*подходя*).

Извините, если я помѣшалъ вамъ!... Я нарочно оставилъ вашего мужа съ моими знакомыми и еще какимъ-то молодымъ человѣкомъ, для того только, чтобы увидѣть васъ наединѣ....

МАРІАННА.

Напрасно вы такъ торопились!

ЭРНЕСТЪ.

А, это значитъ, что я помѣшалъ вамъ, вы что-то читали....

МАРІАННА.

Ваши стихи.

ЭРНЕСТЪ.

Какъ вы ихъ находите?

МАРІАННА.

Я? почему я знаю!... Спросите объ этомъ у вашихъ Парижскихъ дамъ.

ЭРНЕСТЪ.

Парижскихъ дамъ?

МАРІАННА.

Да! да! притворяйтесь! Я вѣдь все знаю.

ЭРНЕСТЪ.

Но, позвольте....

МАРІАННА.

Я все знаю, говорю вамъ!

ЭРНЕСТЪ.

Да что же вы знаете?

Маріанна.

Какъ что? Напримѣръ, про госпожу Муфтаръ или Кокенаръ?

Эрнестъ.

Муфтаръ, или Кокенаръ? Да объясните мнѣ, пожалуйста, что все это значитъ?

Маріанна.

Да та, которой вы писали тѣ же стихи, что и ко мнѣ.

Эрнестъ.

Тѣ же стихи!... Повѣрьте, что я только одни и написалъ. (*Въ сторону.*) Да и тѣ чего мнѣ стоили!

Маріанна.

Я это знаю!

Эрнестъ.

Но вы говорите, что эта госпожа Муфтаръ живетъ въ Парижѣ?

Маріанна.

Да!

Эрнестъ.

Я тамъ никогда и не бывалъ!

Маріанна.

Разсказывайте!

Эрнестъ.

Кляпусь вамъ! Но чего жъ вамъ лучше этого доказательства: вотъ письмо одного изъ моихъ Парижскихъ друзей. Онъ расхваливаетъ мнѣ удовольствія столицы, которыхъ я не знаю, и о которыхъ никакое описаніе не можетъ дать вѣрнаго понятія. Онъ проситъ, чтобы я пріѣхалъ въ Парижъ раздѣлить съ нимъ его веселую и шумную жизнь. (*Показывая ей письмо.*) Прочтите, и вы увидите, что я правъ!

Маріанна.

Что жъ вы отвѣчали вашему другу?

Эрнестъ.

Что всѣ Парижскія удовольствія нисколько меня не привлекаютъ; что меня удерживаетъ здѣсь самая пламенная и возвышенная любовь къ одному ангелу. Меня оклеветали! Клянусь вамъ! Назовите мнѣ только того, кто осмѣлился очернить меня въ вашихъ глазахъ.

Маріанна.

Что жъ вы сдѣлаете?

Эрнестъ.

Я вызову его на дуэль....

Маріанна.

Вы будете съ нимъ драться? Онъ гораздо сильнѣе васъ.... Прекрасный мужчина.

Эрнестъ.

Съ оружіемъ въ рукахъ мнѣ нечего бояться! Но имя его, имя....

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эрнестъ, Маріанна, Фавель и Трюшонъ.

Трюшонъ (*Фавелю тихо*).

Я зналъ! Они опять вмѣстѣ.

Фавель (*также*).

Ничего! Ничего! Это хорошо! Они теперь вѣрно ужъ поссорились.

Эрнестъ (*въ сторону*).

Вотъ и мужъ, съ тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, котораго я сейчасъ видѣлъ съ нимъ же! Ужъ не онъ ли это разсказываетъ про меня небылицы.

Трюшонъ (*Эрнесту*).

Я думалъ, что вы въ биліардной.

Эрнестъ.

Я встрѣтилъ здѣсь вашу супругу.

Трюшонъ (*подводя Фавеля*).

Позвольте представить вамъ моего лучшаго друга, Виконта де....

Фавель (*тихо Трюшону*).

Бопшанъ!

Трюшонъ (*также*).

Ты мнѣ давича сказалъ: Бельшанъ (*громко.*) Виконта Бельшанъ! (*Фавелю,*

показывая на Эрнеста.) Эрнестъ де Монжиронъ, племянникъ префекта нашего департамента, прекрасный молодой человѣкъ, который очень интересуется моимъ выборомъ (*тихо ему же*) и моею женою! (*громко.*) Его стараніямъ, его рекомендаціи, его безкорыстной дружбѣ буду одолженъ я моимъ мѣстомъ! (*жметъ ему руку.*)

Маріанна (*тихо Фавелю*).

Вы однако прекрасную исторію сочинили. Оклеветали Эрнеста, который никогда не былъ въ Парижѣ и не писалъ стиховъ къ госпожѣ Муфтаръ. Онъ очень ясно доказалъ мнѣ это!

Фавель (*въ сторону*).

Чортъ возьми! Это плохо. (*Тихо Трюшону.*) Уведите этого Эрнеста. Дѣла приняли дурной оборотъ.

Трюшонъ (*тихо въ испугѣ*).

Дурной оборотъ?...

Фавель (*тихо*).

Да! очень дурной! Уведите его поскорѣе.

Трюшонъ (*Эрнесту*).

Вы, кажется, обѣщали сыграть со мною партію на билліардѣ? Не хотите ли отправиться?

Эрнестъ.

Съ удовольствіемъ.... (*Маріаннѣ.*) Не угодно ли вамъ посмотрѣть на насъ.

Фавель (*тихо Маріаннѣ*).

Мнѣ надо съ вами поговорить.

Маріанна (*ему*).

Вы вѣрно опять что нибудь выдумаете.

Фавель (*также*).

Нѣтъ! клянусь вамъ, это необходимо!

Маріанна (*также*).

Ну! такъ и быть! (*громко Эрнесту.*) Я сейчасъ пойду за вами. Ступайте!

Фавель.

Да! ступайте! Г-жа Трюшонъ сейчасъ будетъ.

Эрнестъ (*въ сторону*).

Этотъ господинъ мнѣ очень не нравится, и я узнаю!...

Трюшонъ (*Эрнесту*).

Пойдемте, мой почтенный покровитель.

Вмѣстѣ.

Трюшонъ, Эрнестъ.

Да, теперь мы оставляемъ
Здѣсь одинъ покамѣстъ насъ,
И въ билліардъ испытаемъ
Наше счастіе сейчасъ!

Фавель, Маріанна.

Да! теперь же вы ступайте,
Поскорѣй, оставивъ насъ,
И въ билліардъ испытайте
Ваше счастіе сейчасъ!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Маріанна, Фавель.

Маріанна.

Посмотримъ! Что-то вы мнѣ разскажете, господинъ выдумщикъ. Не опять ли станете клеветать на этого бѣднаго Эрнеста.

Фавель (*въ сторону*).

Рѣшено! Испытаемъ самое послѣднее и сильное средство. (*Громко, посмотрѣвъ вокругъ себя.*) И такъ, если вы все знаете, я не стану скрываться! Да! я оклеветалъ его! Я зналъ, что онъ никогда не былъ въ Парижѣ. Я выдумалъ про эту госпожу Кокепаръ.

Маріанна.

А? такъ эта была госпожа Кокепаръ, а не Муфтаръ?

Фавель.

Но я зналъ, что онъ любитъ, что вы не отвергаете его исканій, и тогда досада, гнѣвъ, ревность овладѣли моею душею.

Маріанна.

Ревность?

Фавель.

Да, сударыня, ревность! Потому что я васъ люблю, обожаю до безумія!

Маріанна.

Ахъ, Боже мой! еще одинъ!

Фавель.

Мужъ вашъ двадцать разъ приглашалъ меня провести у него въ домѣ нѣсколько дней; но я увидѣлъ васъ, и съ тѣхъ поръ пламенная и бѣшеная страсть овладѣла мною, опрокинула всѣ мои прежнія идеи, дала другую цѣль моей жизни... Я отказался, однако, отъ приглашеній вашего мужа; я желалъ и страшился новаго свиданія; я блѣднѣлъ отъ волненія при одной мысли видѣть васъ каждый день, говорить съ вами, жить подъ одной кровлей. Я боялся оскорбить васъ моими словами, взглядами, поступками, и пожертвовалъ вашему мужу моимъ счастіемъ; но скрываясь здѣсь въ окрестностяхъ, я видѣлъ васъ каждый день, украдкою. Я не спалъ цѣлыя ночи, бродя подъ вашими окнами, и вы никогда бы не узнали этого; но я увидѣлъ Эрнеста де Монжирона, увидѣлъ, что онъ не оставляетъ васъ ни на минуту, что онъ любитъ васъ—и ревность закипѣла въ груди моей, и я рѣшился вступить въ борьбу съ моимъ ненавистнымъ соперникомъ. Вотъ почему явился я такъ неожиданно передъ вами, старался очернить его въ вашихъ глазахъ!.. Васъ удивляетъ это признаніе, смѣлость, съ которою я рѣшился открыть любовь мою, когда вы видите меня еще въ первый разъ... Вижу, что я поступилъ дерзко, рѣшительно, неожиданно, но любовь не расчитываетъ, она противъ воли вырывается изъ сердца, она... Вы смѣетесь?...

Маріанна.

Отъ чистаго сердца! Какъ это у васъ достало духу сказать такую огромную фразу? Вы, должно быть, очень устали?

Фавель.

Насмѣшки!... О! я знаю причину ихъ: это предпочтеніе, которое вы оказываете моему сопернику... Но теперь вы знаете тайну мою, и я буду всѣми возможными способами оспоривать у него права на любовь вашу. (*Хочетъ взять ее за руку*).

Маріанна (*бьетъ его по рукѣ*).

Вы съ ума сошли!

Фавель.

Я ничего не пожалѣю: заботъ, услужливости, покорности, стараній, имѣнія, да, всего моего мнѣнія, все принесу я вамъ на жертву. Я рѣшусь на все, и если онъ добровольно не прекратитъ своихъ исканій, не откажется отъ васъ....

Маріанна.

Что жъ вы тогда сдѣлаете?

Фавель.

Я сыщу предлогъ къ ссорѣ.

Маріанна (*въ сторону*).

И этотъ тоже? Какіе они кровожадные!

Фавель.

Я вызову его на дуэль, оскорблю его.

Маріанна.

Я не хочу этого!

Фавель.

Что я слышу? Возможно ли? Вы запрещаете мнѣ подвергать опасности мою жизнь? Вамъ дорога она!... О, сколько, счастія! Маріанна, милая Маріанна!...

Маріанна.

Постойте, постойте. Я совсѣмъ не то хотѣла сказать....

Фавель.

Я понимаю васъ; да, вы требуете: я избавляю васъ отъ мучительныхъ опасеній! Я не стану вызывать Эрнеста! Жизнь для меня теперь такъ дорога!

Маріанна.

Да послушайте, однако....

Фавель.

Идутъ! молчите! ради Бога, чтобы никто не могъ догадаться о томъ, что мы понимаемъ другъ друга!

Маріанна (*въ сторону*).

Однако этотъ молодой человѣкъ совсѣмъ не самолюбивъ!... Съ чего онъ взялъ, что я отвѣчаю ему? Я, право, не знаю какъ разувѣрить его! Онъ такъ милъ, любезенъ.

Фавель (*въ сторону*).

Какова идея! Занять мѣсто этого Эрнеста! (*дѣлаетъ ей знаки*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Эрнестъ, Трюшонъ, Фавель, Маріанна.

Трюшонъ.

Да, господинъ Эрнестъ побѣдилъ меня!

Фавель (*въ сторону*).

Глупецъ! И самъ приходитъ объ этомъ разсказывать!

Маріанна (*Трюшону*).

Это съ нимъ часто случается.

Трюшонъ.

Это правда! Онъ играетъ удивительно!

Эрнестъ.

Вы преувеличиваете! Я играю только недурно.

Трюшонъ.

Какой вѣрный взглядъ, какая ловкость! Онъ лучшій игрокъ въ цѣломъ округѣ.

Фавель (*тихо Трюшону*).

Но умѣрьте пожалуйста вашъ восторгъ! Развѣ можно этакъ расхваливать его передъ вашею женою?

Трюшонъ (*также*).

Такъ и есть! Я вѣчно сдѣлаю какую нибудь глупость!

Фавель (*также*).

Вы знаете превосходство мужчины, въ чемъ бы то ни было, всегда льститъ самолюбію женщинъ.

Трюшонъ (*также*).

Ты правъ! Они всегда очень довольны, если ихъ обожаютъ герои! Что жъ мнѣ дѣлать?

Фавель (*также*).

Успокойтесь! Я постараюсь поправить вашу ошибку! Дѣло пошло довольно хорошо. (*Громко*). Не угодно ли вамъ сыграть партію, господинъ Эрнестъ?

Эрнестъ

Благодарю васъ! Я не играю съ незнакомыми людьми.

Фавель.

Стало быть, вы гремите только въ своемъ муравейникѣ!

Эрнестъ.

Государь мой!...

Фавель.

Если вы боитесь, что силы наши будутъ неравны, я вамъ дамъ впередъ три очка, а партія будетъ въ шестнадцати.

Эрнестъ.

Позвольте замѣтить вамъ....

Фавель.

Что жъ, этого мало? Я дамъ четыре.

Эрнестъ.

Однако....

Фавель.

Пять?

Эрнестъ.

Милостивый государь!...

Фавель.

Шесть?

Эрнестъ.

Это уже слишкомъ! Такое самолюбіе! Я соглашаюсь на ваше предложеніе; но мы должны играть сію же минуту.

Фавель.

Сію же минуту! (*тихо Маріаннѣ.*) Вы увидите, что соперникъ мой не такой

искусный игрокъ, какъ всѣ о немъ прокричали. (*Громко.*) Пойдемте.

(*Фавель и Эрнестъ уходятъ въ билліардную.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Маріанна, Трюшонъ, Фавель (*являются по временамъ*).

Трюшонъ.

Маріанна! Что онъ говорилъ вамъ, когда я вошелъ?

Маріанна.

Кто *онъ*? Ихъ тутъ было двое!

Трюшонъ.

Эрнестъ! Я засталъ васъ вмѣстѣ!

Маріанна.

Ну, а вамъ какое до этого дѣло? Развѣ это васъ безпокоитъ?

Трюшонъ.

Очень!... Что это?...

(*Въ билліардной раздаются аплодиссементы и крики браво! браво!*)

Фавель (*является въ дверяхъ съ кіемъ въ рукахъ*).

Восемь и шесть! восемь у меня! Я началъ четырьмя карамболями. (*Уходитъ*).

Трюшонъ.

Когда я вошелъ, вы были въ большомъ смущеніи. Виконтъ Бельшанъ также это замѣтилъ.

Маріанна.

А, онъ вамъ сказалъ объ этомъ?

Фавель (*показываясь въ дверяхъ*).

Десять и шесть! Десять у меня! (*Уходитъ.*)

Маріанна.

Этотъ Виконтъ, другъ вашъ?

Трюшонъ.

Самый вѣрный и испытанный.

Маріанна.

Это странно!

Трюшонъ.

Отчего?

Фавель (*въ дверяхъ*).

Двѣнадцать и шесть! Двѣнадцать у меня! Еще ударъ и я выиграю партію. Эрнестъ предложилъ пари три лундора. Я принялъ. (*Уходитъ.*)

Трюшонъ.

Вы все хотите замять разговоръ распросами о Виконтѣ! Я говорю вамъ объ Эрнестѣ! Когда я вошелъ, онъ былъ такъ веселъ: онъ вамъ говорилъ о своей любви. (*Новые аплодиссементы въ билліардной.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Маріанна, Фавель, Эрнестъ, Трюшонъ, сосѣди.

Хоръ сосѣдей.

Вотъ чудо! прекрасно!
Кто бъ кончить такъ могъ!
Мы всѣ здѣсь согласны —
Онъ лучшій игрокъ!

Маріанна (*въ сторону*).

Онъ даже и въ этомъ выше Эрнеста!

Фавель (*Эрнесту*).

У васъ есть способности! Со временемъ вы можете сдѣлаться порядочнымъ игрокомъ! Совѣтую только лучше держать кій и вѣрнѣе мѣтить въ лузу. (*Тихо Маріаннѣ.*) Все это для васъ!

Эрнестъ (*обиженнымъ тономъ*).

Благодарю васъ за совѣтъ! (*Трюшону*). Вы бы могли сказать намъ, что другъ вашъ профессоръ въ билліардной игрѣ.

Фавель.

Самый послѣдній изъ Парижскихъ игроковъ, только что начинающій учиться! (*Тихо Трюшону.*) Каково! Онъ разбитъ, униженъ!

Трюшонъ (*тихо Фавелю*).

Пожалуйста, не слишкомъ унижай его!

Эрнестъ (*Фавелю*).

Я проигралъ вамъ три лундора. (*Вынимаетъ кошелекъ.*)

Фавель.

Помилуйте! Это бы значило играть на вѣрную.

Маріанна (*въ сторону*).

Какъ онъ великодушенъ!

Эрнестъ.

Однако, мы условливались ...

Фавель.

Вы предложили сами....

Эрнестъ.

Но вы согласились.... Я не прошу вашего снисхожденія.

Фавель.

Оставьте ваши деньги у себя. Я удвоиваю сумму и предлагаю новое условіе. Вы, конечно, умѣете стрѣлять?

Трюшонъ.

Онъ слыветъ у насъ лучшимъ стрѣлкомъ!

Фавель.

Тѣмъ лучше. Трюшонъ! Прикажите подать намъ пару пистолетовъ.

Трюшонъ.

Сію минуту. (*По его знаку слуга приноситъ ящикъ съ пистолетами.*)

Фавель (*Эрнесту*).

Держу пари, что на двадцати шагахъ я всажу мою пулю на остріе ножа!

Маріанна (*въ сторону*).

Ну, если онъ и это сдѣлаетъ?

Фавель (*Эрнесту*).

Принимаете ли вы это пари?

Эрнестъ (*въ сторону*).

Отказаться при ней!... Невозможно!... Къ тому же успѣхъ почти невѣроятенъ.

Фавель.

Рѣшились ли вы наконецъ?

Эрнестъ.

Да, сударь! И не только принимаю, но попробую и самъ сдѣлать то же!

Фавель.

Тѣмъ лучше! Я хотѣлъ только что предложить вамъ.

Маріанна (*въ сторону*).

Однако и Эрнестъ не пугается, и самъ соглашается сдѣлать то же!

Фавель (*тихо ей*).

Вы увидите, что Эрнестъ не имѣетъ ни какого понятія въ стрѣльбѣ, какъ и въ бильіардѣ. Онъ даже не въ состояніи отмстить тому, кто нанесетъ вамъ оскорбленіе. (*Громко Трюшону.*) Трюшонъ, ты идешь съ нами? (*Тихо ему же.*) Порадуйся униженію нашего врага!

Трюшонъ.

Нѣтъ, я останусь здѣсь. (*Тихо Фавелю.*) Пожалуйста, не слишкомъ унижай его, онъ ужъ и такъ что-то очень сердито на меня поглядываетъ.

Хоръ сосѣдей.

Скорѣй поспѣшите
Вы въ садъ, и при насъ
Свое покажите
Искусство сейчасъ!

(*Эрнестъ, Фасель и сосѣди уходятъ въ садъ*).

Маріанна (*въ сторону*).

Ахъ, Богъ мой! Какъ сердце мое замираетъ!
Но бьется оно за кого?

Трюшонъ (*въ сторону*).

О! добрый племянникъ! онъ дядю спасаетъ!
Я съ нимъ не боюсь ничего!

Маріанна (*смотря въ садъ*).

Они пистолеты свои зарядили,
Но спорятъ, кому начинать!

Трюшонъ (*также*).

Эрнесту сначала стрѣлять присудили,
И какъ мнѣ теперь не дрожать?...
(*Выстрѣлъ*).

Маріанна.

Ай!... Нѣтъ! промахнулся Эрнестъ!

Трюшонъ.

Ожидаю!
Что жъ дальше?

Маріанна.

Сейчасъ разгляжу....
Виконтъ пистолетъ взялъ!...

Трюшонъ.

Творецъ! Умираю!

Маріанна.

А я вся отъ страха дрожу.
(*Выстрѣлъ и крики*).
(*Эрнестъ, Фавель и сосѣди входятъ*).

Фавель (*Эрнесту*).

Я побѣдилъ! И вы, признаться,
Ужъ черезъ чуръ стрѣлокъ плохой!

Эрнестъ (*беретъ его за руку, и тихо ему же*).

Да! Но надѣюсь, поквитаться
Вы не откажетесь со мной?

Маріанна (*въ сторону*).

Они шептались!... Это худо!
И какъ мнѣ ихъ предупредить?
(*Фавелю тихо*).
Не уходите вы отсюда!
Мнѣ нужно съ вами говорить!

Фавель (*тихо Маріаннѣ*).

Какое счастіе! Я буду здѣсь ждать васъ!

Маріанна (*тихо ему*).

Нѣтъ! когда пробьетъ три часа, приходите въ садъ, я буду ждать васъ (*уходитъ*).

Фавель (*Трюшону*).

Уйдите отсюда! Мнѣ нужно поговорить съ Эрнестомъ.

Хоръ сосѣдей.

Вотъ чудо! Какъ мѣтко
Онъ пулю послалъ!
И вѣрно не рѣдко
Онъ въ цѣль попадалъ!
(*Трюшонъ и сосѣди уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Фавель, Эрнестъ.

Эрнестъ.

Господинъ Боншанъ!

Фавель.

Къ вашимъ услугамъ!

Эрнестъ.

Я вижу, что пистолетъ былъ бы между нами неровнымъ оружіемъ, но намъ еще остаются шпаги... вы меня понимаете.

Фавель (*осматриваясь вокругъ себя*).

Нѣтъ ли здѣсь палокъ, коловъ, тростей, чего нибудь въ этомъ родѣ, чтобы показать вамъ мое искусство!

Эрнестъ.

Я увижу его на дѣлѣ!

Фавель.

Но я бы хотѣлъ вамъ дать маленькій урокъ въ фехтованіи.

Эрнестъ.

Я говорю вамъ, что не имѣю надобности....

Фавель.

Въ урокѣ? Ну, нѣтъ!... Васъ не мѣшало бы проучить; но убить васъ мнѣ право не хочется.

Эрнестъ.

Какъ убить?...

Фавель.

Очень простымъ способомъ. Держу пари, что я въ двѣ секунды проколю васъ насквозь.

Эрнестъ.

Послушайте! Это уже черезъ чуръ, и если вы не шутите!...

Фавель.

Я, кажется, ужъ далъ вамъ довольно доказательствъ, чтобы вы могли вѣрить словамъ моимъ.

Эрнестъ.

Послѣ этого вы не человѣкъ!

Фавель.

Напротивъ, и очень добрый, потому что не хочу отправить васъ на тотъ свѣтъ. И все, что я сдѣлалъ, повѣрьте, сдѣлалъ не для того, чтобы унизить васъ.

Эрнестъ.

Но вы унижаете меня на каждомъ шагу: вы обыграли меня на билліардѣ, вы осмѣяли мое искусство въ стрѣльбѣ.

Фавель.

Не могу же я, для вашего удовольствія,

дать побѣдить себя и въ томъ и въ другомъ.

Эрнестъ.

И теперь вы говорите, что если я вызову васъ драться на шпагахъ, вы убьете меня?

Фавель.

Можете считать себя заранѣе мертвымъ.

Эрнестъ.

И потомъ говорите, что не хотѣли унижать меня?...

Фавель.

Нисколько, но напротивъ...

Эрнестъ.

Какъ, напротивъ?

Фавель.

Да, что здѣсь доказалъ я? Что я хорошо играю въ биллiардъ, стрѣляю и дерусь на шпагахъ, какъ Сенъ-Жоржъ! а на это способенъ только такой человѣкъ, который бы занимался этимъ всю свою жизнь, не думалъ ни о чемъ другомъ однимъ словомъ, гуляка и повѣса такой, какъ я.

Эрнестъ *(смѣясь)*.

Послушайте, господинъ Боншанъ....

Фавель.

Бельшанъ!

Эрнестъ.

Бельшанъ! Вы, мнѣ кажется, добрый малый, и потому я рѣшаюсь просить васъ не выказывать здѣсь ваши блистательные и разнородные таланты. Я имѣю причины просить васъ объ этомъ.

Фавель.

А если я имѣю ихъ, чтобъ отказать вамъ?

Эрнестъ.

Вы не любите, господинъ Бельшанъ.

Фавель.

Боншанъ!

Эрнестъ.

Извините.... Господинъ Боншанъ! Вы не любите, говорю я.

Фавель.

Отчего вы такъ думаете? Спросите объ этомъ прелестныхъ Парижанокъ.

Эрнестъ.

Такъ плѣняйте же ихъ вашими талантами, но здѣсь.... я могу вамъ признаться, между молодыми людьми.... вы вѣдь молоды?

Фавель.

Спросите объ этомъ у прелестныхъ Парижанокъ....

Эрнестъ.

Такъ поймите меня!... Я влюбленъ!...

Фавель.

Тутъ нѣтъ ничего дурнаго.

Эрнестъ.

Въ госпожу Трюшонъ!

Фавель.

Вотъ это-то и дурно!

Эрнестъ.

Развѣ она не создана для того, чтобъ нравиться? Молода, хороша, жива, весела.

Фавель.

Да, но она замужняя!

Эрнестъ.

Но она не любитъ своего мужа! Онъ глупъ и дуренъ собою.

Фавель.

Мужъ не обязанъ быть ни мудрецомъ, ни красавцемъ, но тѣмъ не менѣе таинство брака должно быть уважено. Безъ этого самый бракъ скоро бы рушился. Бракъ—это монархія, и я удивляюсь, какъ племянникъ префекта не уважаетъ его! Да, сударь, стараясь понравиться замужней женщинѣ, вы дѣлаете революцію; вы хотите опрокинуть монархію Трюшона! Это дурно, очень дурно, молодой человѣкъ. Спросите объ этомъ у своего дядюшки префекта!

Эрнестъ.

Послушайте! Вы вѣрно шутите!... Господинъ Боншанъ!...

Фавель.

Бельшанъ!

Эрнестъ.

Бельшанъ! Если бы кто нибудь внушилъ вамъ страстную любовь, могли бы вы побѣдить ее?

Фавель.

Я всю жизнь мою провожу только въ томъ, что побѣждаю мои страсти! Прошлую зиму я восторжествовалъ надъ тремя страстями тѣмъ, что предался тремъ новымъ, и всегда поступаю точно такимъ же образомъ. И со мною вы говорите о побѣдахъ.... Меня въ Парижѣ прозвали всеобщимъ побѣдителемъ.

Эрнестъ.

Я вижу въ чемъ дѣло. Вы никогда не знали истинной любви!

Фавель.

Зналъ и знаю!

Эрнестъ.

Не можетъ быть!

Фавель.

Я сказалъ, что да! (*въ сторону.*) Я вижу куда онъ мѣтитъ.

Эрнестъ.

Истинную любовь побѣдить невозможно!

Фавель.

Это правда!

Эрнестъ.

Вы соглашаетесь со мною!

Фавель.

Да!

Эрнестъ.

Такъ это-тою истинной любовью люблю я госпожу Трюшонъ!

Фавель.

И я тоже!

Эрнестъ.

Вы любите Маріанну?

Фавель.

Обожаю!

Эрнестъ.

Это невозможно!

Фавель.

Отчего же? Вѣдь вы обожаете же ее?

Эрнестъ.

Въ такомъ случаѣ.... мнѣ очень жаль васъ, милостивый государь, но я долженъ признаться вамъ....

Фавель (*въ сторону*).

Какъ!... неужели я поздно принялся за дѣло?

Эрнестъ.

Что она любитъ меня!

Фавель.

И меня также!

Эрнестъ.

Васъ?

Фавель.

Меня!

Эрнестъ.

Это клевета!

Фавель.

А если я докажу вамъ?

Эрнестъ.

Докажите!... Но она видитъ васъ въ первый разъ.

Фавель.

Тѣмъ славнѣе для меня плѣнить ее съ перваго взгляда.

Эрнестъ.

Но доказательство?

Фавель (*въ сторону*).

Если уже я началъ выдумкой, такъ не остановиться же мнѣ на самомъ лучшемъ мѣстѣ. (*Громко*). Слушайте! Покамѣстъ вы играли съ мужемъ въ билліардъ, я признался ей въ любви. Она краснѣла, блѣднѣла, и наконецъ упала въ обморокъ! Я принялъ ее въ свои объятія и съ пламенныхъ устъ ея похитилъ долгій и горячій поцѣлуй. Вы понимаете, что я изъ одной деликатности говорю, *похитилъ!*

Эрнестъ.

Она упала въ обморокъ отъ вашего дерзкаго признанія, и не почувствовала вашего наглаго поцѣлуя.

Фавель.

Не почувствовала?.... Позвольте мнѣ знать толкъ въ обморокахъ, я не даромъ студентъ медицины, не даромъ издалъ недавно Физіологію женщины въ обморо-

кѣ. Хотите ли я вамъ пришлю экземпляръ?

Эрнестъ.

Я увѣренъ, что вы выдумали все, что мнѣ тутъ разсказали. Я, напротивъ, скажу вамъ чистую истину, потому что вы меня къ этому принуждаете: она назначила мнѣ свиданье.

Фавель.

Право? И мнѣ тоже!

Эрнестъ.

Вамъ?

Фавель.

Мнѣ!

Эрнестъ.

Гдѣ?

Фавель.

Въ саду.

Эрнестъ.

Когда?

Фавель *(смотря на часы)*.

Черезъ три минуты, ровно въ три часа.

Эрнестъ.

Послушайте! Вамъ это приснилось!

Фавель.

Нѣтъ! это было на яву.

Эрнестъ.

Это ужасно!

Фавель.

Утѣшьтесь!

Эрнестъ.

Измѣнить мнѣ! И такимъ образомъ!...

Фавель.

Съ вами это еще въ первый разъ случается!...

Эрнестъ.

Боже мой!

Фавель.

Досадно! Я повѣрю!

Эрнестъ.

Но нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!

(Бьетъ три часа).

Фавель.

А между тѣмъ, видите ли вы это платье, которое мелькаетъ тамъ, между деревьями? Три часа било, и я долженъ васъ оставить!...

Вмѣстѣ.

Эрнестъ.

Вотъ она! Жестоко я
За довѣрчивость наказанъ!....
Помоги мнѣ страсть моя:
Испытать я все обязанъ!

Фавель.

Вотъ она! Жестоко онъ
За довѣрчивость наказанъ!
Но мой планъ не совершенъ:
Кончить дѣло я обязанъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Эрнестъ *(одинъ)*, потомъ Пьерръ.

Эрнестъ.

Я насилу стою на ногахъ отъ волненія! *(смотря въ садъ)* Онъ подходитъ къ Маріаннѣ.. предлагаетъ ей руку.... она беретъ ее.... Они уходятъ!.. О! это ужасно! Это безчеловѣчно! Это непростительно! Вѣрно непостоянство особенная черта этого семейства. Жена мѣняетъ свои чувства точно также, какъ мужъ свои мнѣнія. Я отомщу на мужѣ. Онъ не будетъ выбранъ въ депутаты!

Пьерръ *(входя)*.

Господинъ Монжиронъ! къ вамъ письмо изъ Парижа!

Эрнестъ *(взявши письмо)*.

Хорошо! *(слуга уходитъ)* А, это отъ моего друга, журналиста *(читаетъ)* «Любезный Эрнестъ! Присылаю тебѣ письмо господина Трюшона, которое я было хотѣлъ напечатать въ моемъ журналѣ, но по твоей просьбѣ возвращаю его тебѣ обратно. А жаль, пусть бы узнали, какъ думалъ пять лѣтъ тому назадъ тотъ, кто принадлежитъ теперь къ партіи умѣренныхъ!» Посмотримъ письмо Трюшона *(читаетъ)*. «Парижъ, 16-го Января 1836 года. Любезный мой согражданинъ! Ты видѣлъ меня радикаломъ, ты видишь меня теперь и будешь видѣтъ только однимъ радикаломъ. Я радъ, что могу гласно объявить

свое мнѣніе, и увѣренъ, что при твердости и постоянствѣ моего характера, вѣчно останусь такимъ же, хотя обстоятельства, можетъ быть, и принудятъ меня скрываться. Рѣшительные люди должны подавать примѣръ другимъ въ независимости мнѣній. Ты знаешь, на которой сторонѣ я сяду въ Палатѣ, если когда нибудь буду депутатомъ. — Дружба и братство. Трюшонъ!» — Прекрасно! Мнѣ стоитъ только показать это письмо, и Трюшонъ не получитъ ни одного голоса въ свою пользу. Впрочемъ, это даже долгъ мой. Наши избиратели не хотятъ, чтобы представителями ихъ округа были радикалы, еще болѣе обманутые мужья. Они говорятъ, что это роняетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Трюшонъ, Эрнестъ.

Трюшонъ.

А! это вы, мой добрый другъ! Чтожъ вы медлите, время приближается! Избиратели уже съѣхались! Я буду избранъ навѣрное!... Это иначе и быть не можетъ послѣ эффекта, который произвела рѣчь моя вчера, въ предварительномъ собраніи. Я въ ней кратко изложилъ мое мнѣніе. (*декламируя*). Друзья мои! вы всегда видѣли меня умѣреннымъ, вы видите меня теперь и всегда будете видѣть только однимъ умѣреннымъ. Я радъ, что могу гласно объявить свое мнѣніе, и увѣренъ, что при твердости и постоянствѣ моего характера...

Эрнестъ (*прерывая*).

Вы не будете выбраны!...

Трюшонъ.

Отчего же это?

Эрнестъ.

Оттого, что тотъ не долженъ заботиться о выгодахъ своего округа, кто не заботится о своемъ добромъ имени.

Трюшонъ.

Что это значитъ!... Мнѣ кажется.... Я не вижу!...

Эрнестъ.

Да! вы не видите, что дѣлается у васъ въ домѣ.

Трюшонъ.

Господи! Да что же въ немъ сдѣлалось?

Эрнестъ.

А то, что вашъ искренній другъ, Бельшанъ....

Трюшонъ.

Боншанъ!

Эрнестъ.

Боншанъ или Бельшанъ, кажется онъ носитъ и то и другое имя.

Трюшонъ.

Что же этотъ Боншанъ?

Эрнестъ.

Волочится за вашей женою!

Трюшонъ (*въ сторону*).

Какъ? и онъ тоже?... (*громко*) Но это невозможно, вы вѣрно ошиблись!

Эрнестъ.

Онъ мнѣ *самъ* сказалъ, я *самъ* видѣлъ, чегожъ вамъ еще? Понимаете ли вы, что нашъ округъ долженъ противиться избранію въ депутаты человѣка, на котораго всѣ будутъ показывать пальцемъ.

Трюшонъ.

Но я....

Эрнестъ.

Это бы значило покровительствовать безнравственности. Можетъ ли Франція ввѣрить судьбу свою подобнымъ депутатамъ. Позвольте узнать, что будутъ представлять эти люди?

Трюшонъ.

Но, повѣрьте....

Эрнестъ.

Къ тому же вы человѣкъ двуличный. Пять лѣтъ тому назадъ вы были самымъ отчаяннымъ радикаломъ; мой долгъ представить избирателямъ письмо, въ которомъ заключается изложеніе вашихъ правилъ.

Трюшонъ (*испуганный*).

Вы получили это письмо!

Эрнестъ.

Оно у меня въ карманѣ.

Трюшонъ.

Но вы не захотите обнародовать его, не захотите погубить меня....

Эрнестъ.

Съ однимъ условіемъ.

Трюшонъ.

Съ какимъ?

Эрнестъ.

Вы сейчасъ же отправите отсюда обратно въ Парижъ вашего друга Бельшана или Боншана.

Трюшонъ.

Сейчасъ же! Я радъ всей душею! Но какимъ образомъ? Дилижансъ ѣдетъ только завтра.

Эрнестъ (*уходя*).

Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ вамъ откланяться....

Трюшонъ.

Постойте же, ради Бога, не торопитесь! Я придумываю, я изобрѣтаю!... Точно!... Не можете ли вы прислать мнѣ кареты изъ префектуры, я заплачу за лошадей....

Эрнестъ.

Черезъ нѣсколько минутъ карета будетъ стоять у рѣшетки вашего сада. Я хочу самъ быть свидѣтелемъ его отъѣзда. Вы должны уговорить его! (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Трюшонъ (*одинъ*).

Будьте спокойны! Я тотчасъ же спроважу его. Странно! отчего жъ это правительство такъ заботится, чтобы въ палатѣ не было.... Ихъ вѣрно тамъ довольно и безъ меня. Я увѣренъ, что не эта причина заставляетъ Эрнеста требовать удаленія моего племянника. Онъ влюбленъ въ мою жену и ревнуетъ ее къ Фавелю. Я это очень ясно вижу.... Однако, самъ мой племянникъ и въ самомъ дѣлѣ влюбился въ мою тетку, и еще проситъ у меня тысячу франковъ, можетъ быть, только для того, чтобы ей же послѣ накупить подарковъ!

Онъ за деньги обѣщалъ
Отъ жены отбить Эрнеста,
Ну, а что, когда онъ взялъ
Самъ оставленное мѣсто?
И плати за это я!
Нѣтъ! Да что мнѣ за неволя?
Надъ женой — Господня воля!
А надъ деньгами — моя!

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Фавель, Трюшонъ.

Фавель.

А, почтенный дядюшка! Очень кстати! Что жъ тысячу франковъ-то?

Трюшонъ.

А, почтенный племянникъ! Очень кстати! Ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе, и сейчасъ же отправишься въ Парижъ. Сейчасъ пріѣдетъ за тобою карета къ рѣшеткѣ сада.

Фавель.

Уѣхать? Это зачѣмъ?

Трюшонъ.

Я такъ хочу! это мое дѣло.

Фавель.

Въ такомъ случаѣ, пожалуйте мнѣ тысячу франковъ.

Трюшонъ.

Тысячу франковъ? и ты думаешь, что я тебѣ заплачу ихъ?

Фавель.

Я увѣренъ въ этомъ!

Трюшонъ.

Ты очень ошибаешься!

Фавель.

Дядюшка! я повѣрилъ одному вашему слову, и сдержалъ свое обѣщаніе.

Трюшонъ.

Не обѣщалъ ли ты также волочиться за моею женою?

Фавель.

Нѣтъ! но я сдѣлалъ это въ придачу.

Трюшонъ.

Въ придачу! Очень благодаренъ! Ты

обѣщалъ просто вылечить жену мою отъ любви къ Эрнесту.

Фавель.

Да!

Трюшонъ.

А между тѣмъ самъ за ней ухаживаешь?

Фавель.

Это вамъ сказалъ Эрнестъ.

Трюшонъ.

Да!

Фавель.

Ну, такъ что же?

Трюшонъ.

Ну, такъ что же?

Фавель.

И вы ничего тутъ не видите?

Трюшонъ.

Ничего!

Фавель.

Ничего?

Трюшонъ.

Ничего!

Фавель.

И вы мнѣ не удивляетесь? Вы не понимаете зачѣмъ я волочился за вашею женой? Вы не видите, что для того, чтобы вылечить ее, не было другаго лекарства.

Трюшонъ.

Отвяжись отъ меня съ своими лекарствами.

Фавель.

Вы ничего не понимаете въ медицинѣ. Хотите ли, чтобы я объяснился и убѣдилъ васъ?

Трюшонъ.

Это довольно трудно сдѣлать.

Фавель.

Чрезвычайно какъ легко.

Трюшонъ.

Ты надѣешься?

Фавель.

Я въ томъ увѣренъ!

Трюшонъ.

Ну, разсказывай, я тебя слушаю!

Фавель.

Призовите на помощь всѣ ваши умственныя способности, вникните хорошенько въ то, что я буду говорить. Знаете ли вы, что такое въ Медицинѣ называется *противоядіемъ?*

Трюшонъ.

Знаю!

Фавель.

Но не совсѣмъ—я вамъ поясню лучше: Противоядіе есть такое медицинское средство, которое, будучи само по себѣ губительно, уничтожаетъ вредное дѣйствіе другаго губительнаго вещества!

Трюшонъ.

Послушай, прежде я хоть какъ нибудь понималъ, что такое противоядіе, но съ тѣхъ поръ, какъ ты объяснилъ мнѣ, рѣшительно ничего не понимаю! И какое мнѣ до всего этого дѣло?

Фавель.

Примѣръ вамъ пояснитъ еще лучше. Вы отравились кислотою, васъ вылечиваютъ щелочью, хотя щелочь сама по себѣ сильный ядъ. У васъ мозговое поврежденіе, то есть, я такъ предполагаю; вы дѣлаете тотчасъ дериваціо, и оттягивая болѣзнь отъ головы, притягиваете ее ко внутренностямъ какимъ нибудь медицинскимъ способомъ.

Трюшонъ.

Да! и тогда у меня дѣлается воспаленіе въ легкихъ!

Фавель.

А за то проходитъ мозговое поврежденіе.

Трюшонъ.

Ты, мнѣ кажется, забавляешься надо мною?

Фавель.

Нисколько! Я воспользовался этимъ медицинскимъ средствомъ, и приложилъ его къ вашей женѣ.

Трюшонъ.

Какимъ образомъ?

Фавель.

Я сказалъ самъ себѣ: Сердце больной чувствуетъ сильное влеченіе къ Эрнесту. Во избѣжаніе всякихъ могущихъ отъ того

произойти неудобствъ, оттянемъ его въ другую сторону, т. е. ко мнѣ. И тогда я употребилъ, какъ самое сильное противоядіе — всю силу моей улыбки, весь огонь моего взгляда, всю увлекательность моего краснорѣчія, и менѣе чѣмъ въ часъ, сердце вашей жены, отравленное любовью къ Эрнесту, выздоровѣло и обратилось ко мнѣ, и будьте увѣрены, что я постараюсь какъ можно долѣе удержать его въ моей власти...

Трюшонъ.

Какъ, въ своей власти?.. Стало быть, ты, въ свою очередь, хочешь сдѣлаться ея обожателемъ!

Фавель.

Да, и останусь имъ до тѣхъ поръ, пока вы не будете сдѣланы депутатомъ.

Трюшонъ.

Да я не хочу этого, чортъ возьми, слышишь ли ты, не хочу... Постой-ка! Я кажется начинаю понимать... Помоги пожалуйста собрать мнѣ мои мысли.

Фавель.

Извольте! Конечно, понятія у васъ довольно... упорны, но съ терпѣніемъ вамъ многое можно растолковать. Какъ скоро вы будете депутатомъ, вы выгоняете племянника префекта, я открываю истину вашей женѣ: то есть, говорю ей, что не люблю и никогда не любилъ ее, и что принялъ на себя роль обожателя только для того, чтобы отвлечь ее отъ недостойной страсти, сохранить ваше доброе имя, доставить вамъ званіе депутата безъ всякаго ущерба со стороны званія мужа, и наконецъ для того, чтобъ получить отъ васъ тысячу франковъ.

Трюшонъ.

Обними меня, дорогой Фавель! Какъ это все искренно придумано! Да ты преумный малый! Сейчасъ видно, что мой племянникъ.

Фавель.

Довольны ли вы?

Трюшонъ.

Доволенъ ли я? Я въ восхищеніи, внѣ себя отъ радости.

Фавель.

Слава Богу!

Трюшонъ.

Такъ по этому, ты...

Фавель.

Противоядіе!

Трюшонъ.

Противоядіе! Право, я бы никогда не придумалъ противоядіе!.. Ха! ха! ха! однако, милый племянникъ, ты все таки уѣдешь отсюда!

Фавель.

Такъ стало быть, вы боитесь меня?

Трюшонъ.

Нѣтъ! Но вотъ видишь ли въ какомъ я теперь положеніи. Эрнестъ получилъ это проклятое письмо, о которомъ я тебѣ говорилъ, и хочетъ послать его къ избирателямъ, если ты тотчасъ же отсюда не уѣдешь. Постой!.. Кажется, ужъ и карета пріѣхала. Такъ и есть. Онъ самъ прислалъ ее, и хочетъ посмотрѣть, какъ ты уѣдешь отсюда. Ты вѣрно сдѣлаешь для меня это удовольствіе?

Фавель.

Пожалуй, но если я уѣду...

Трюшонъ.

Я буду выбранъ въ депутаты.

Фавель.

Да и вмѣстѣ съ этимъ будете...

Трюшонъ.

Но вѣдь ты самъ сказалъ, что жена моя не любитъ Эрнеста, что ты далъ ей противоядіе.

Фавель.

Противоядіе! Конечно, но если вы хотите произвести удовлетворительныя послѣдствія, то надобно, чтобъ оно дѣйствовало каждую минуту. Съ моимъ отъѣздомъ уничтожится вся сила этого противоядія.

Трюшонъ.

По если ты останешься, я не буду депутатомъ.

Фавель.

Да, за то не будете... Выбирайте сами.

Трюшонъ.

Это очень затруднительно... но выгода нашего округа, польза отечества: уѣзжай!

Фавель.

Вы великій гражданинъ, дядюшка, новый Брутъ!

Трюшонъ.

Ты не такъ понимаешь меня! Я хочу только выиграть время. Мнѣ нужно какихъ нибудь полчаса, чтобы сдѣлаться депутатомъ. Послѣ этого я выгоняю Эрнеста. Неужто онъ въ полчаса можетъ опять привлечь къ себѣ сердце моей жены. Въ такомъ случаѣ, ты очень плохое противоядіе.

Фавель.

Я ни за что не ручаюсь. Отъѣздъ мой можетъ испортить все. Это ваше дѣло. По крайней мѣрѣ, пожалуйте мнѣ тысячу франковъ.

Трюшонъ.

Вотъ тебѣ вексель на моего банкира въ Зеленой Улицѣ, недалеко отсюда. Садись въ карету, поѣзжай къ нему, возьми у него деньги, и потомъ заѣзжай въ залу избирателей. Тамъ ты поздравишь меня депутатомъ и простишься со мною.

Фавель.

Желаю вамъ счастія, дядюшка. Не забудьте, однако же, тотчасъ послѣ вашего избранія спровадить Эрнеста. Я не шарлатанъ, и открыто признаюсь вамъ, что за успѣхъ противоядія ручаться не могу, если самъ не буду слѣдить за его дѣйствіемъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Трюшонъ, потомъ Маріанна.

Трюшонъ.

Я очень доволенъ! Все идетъ какъ нельзя лучше. Я проведу этого Эрнеста, и только что выборы кончатся, уѣду съ женою въ Парижъ.

Маріанна (*за сценой*).

Трюшонъ! Трюшонъ!

Трюшонъ.

Моя жена! Что ей надобно?

Маріанна (*входя*).

Что вы тутъ дѣлаете? Избиратели всѣ собрались и ждутъ только васъ. Они подняли престрашный крикъ и васъ спрашиваютъ.

Трюшонъ.

Иду, но прежде мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Маріанна.

Ну, такъ торопитесь же! Эдакой неповоротливый.

Трюшонъ.

Пожалуйста, отучитесь отъ этихъ грубыхъ выраженій. Я черезъ полчаса буду сдѣланъ депутатомъ и тотчасъ же уѣду отсюда въ Парижъ, вмѣстѣ съ вами.

Маріанна.

Вотъ что! А что жъ вы всѣмъ говорили, что оставите меня здѣсь.

Трюшонъ.

Я перемѣнилъ намѣреніе...

Маріанна.

Но я хотѣла бы....

Трюшонъ.

Тутъ нѣтъ ни какихъ *но*. Извольте приготовляться. Сегодня же мы уѣзжаемъ въ Парижъ. Я этого хочу.

Вмѣстѣ.

Трюшонъ.

Вы должны повиноваться!
Мы поѣдемъ черезъ часъ;
Ужъ и такъ должно признаться
Баловалъ я много васъ.

Маріанна.

Я должна повиноваться!

Мы поѣдемъ черезъ часъ;
Такъ и хочется остаться,
Я прошу объ этомъ васъ!

Трюшонъ.

Для того, чтобъ быть съ нимъ вмѣстѣ.

Маріанна.

Убѣгать его къ чему жъ!

Трюшонъ.

Позабудьте объ Эрнестѣ.

Маріанна.

Вотъ и видно, что вы мужъ.

Вмѣстѣ.

Трюшонъ.

Вы должны повиноваться!
Мы поѣдемъ черезъ часъ;
Вы хотѣли бы остаться,
Но съ собой беру я васъ!

Маріанна.

Я должна повиноваться!
Плачу я не въ первый разъ;
Я и такъ должна признаться,
Много вынесла отъ васъ!

(*Трюшонъ уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

Маріанна, потомъ Эрнестъ.

Маріанна.

Въ Парижъ! Этакой тиранъ! И вѣдь только съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался кандидатомъ! Прежде онъ былъ такой смирный.

Эрнестъ (*входя, въ сторону*).

Вотъ она! Трюшонъ отправился на выборы. Бошанъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ. Это я видѣлъ своими глазами. Я долженъ объясниться съ Маріанной. (*Громко.*) Сударыня....

Маріанна.

А! это вы! Что вы такъ нахмурились?

Эрнестъ.

Будьте откровенны со мной! Этотъ Бошанъ или Бельшанъ открылся вамъ въ любви, я знаю! Вы согласились его выслушать, назначили ему свиданіе....

Маріанна.

Почему вы это знаете?

Эрнестъ.

Ревность все открыла мнѣ. Я люблю васъ до безумія. До сихъ поръ вы не отвергали моихъ услугъ, а теперь это свиданіе...

Маріанна.

Это было сдѣлано только для того, чтобы успокоить его.... Онъ хотѣлъ драться съ вами, а я хотѣла помѣшать этому. Потомъ, онъ догадался, что вы меня любите.... вы сами виноваты, дѣлаете мнѣ поминутно знаки, точно телеграфъ.... вотъ я и побоялась, чтобы онъ чего нибудь не напсплетничалъ, и чтобы доказать, что сердце мое свободно, я немножко съ нимъ пококетничала.

Эрнестъ.

Какъ? Неужели это правда?

Маріанна.

Не буду я Маріанна Трюшонъ, урожденная Бризмишъ.

Эрнестъ.

Такъ, стало быть, вы любите меня?

Маріанна.

Я вамъ этого не сказала.

Эрнестъ.

По вашимъ словамъ, вашимъ поступкамъ! О, скажите, могу ли я надѣяться....

Маріанна.

Вы съ ума сошли. Развѣ вы позабыли, что я замужемъ? Къ тому же мы сегодня ѣдемъ въ Парижъ.

Эрнестъ.

Въ Парижъ? Зачѣмъ?

Маріанна.

Мужъ мой выдумалъ это. Онъ сказалъ, что какъ только сдѣлаютъ его депутатомъ, онъ тотчасъ же и увезетъ меня.

Эрнестъ (*въ сторону*).

А мнѣ онъ говорилъ, что.... о, такъ эта была только хитрость, чтобы получить черезъ меня мѣсто, и этотъ Бошанъ, ко-

тораго я только что отправилъ въ Парижъ. (*Громко.*) Пьерръ! Пьерръ!

МАРІАННА.

Что вы хотите дѣлать?

(Пьерръ входитъ, Эрнестъ отдаетъ ему письмо Трюшона и говоритъ на ухо).

ЭРНЕСТЪ.

Только скорѣе.... Ради Бога скорѣе!

(Пьерръ уходитъ.)

МАРІАННА.

Да что съ вами? Вы на себя не похожи!

ЭРНЕСТЪ.

Ничего!... все кончилось! Вы не уѣдете отсюда!

МАРІАННА.

Въ самомъ дѣлѣ?... Я очень рада!

ЭРНЕСТЪ.

Судьба не разлучитъ насъ! Я буду видѣться съ вами, буду говорить вамъ о любви моей.

МАРІАННА.

Я не могу запретить вамъ этого, но прошу васъ не позволять себѣ ничего болѣе, и помнить, что я люблю и уважаю моего мужа.

ЭРНЕСТЪ.

О! я никогда не подамъ вамъ малѣйшаго повода упрекать меня! Чего хочу я? Смотрѣть на васъ въ упоеніи, иногда брать вашу руку и прижимать ее къ пламеннымъ устамъ моимъ, бродить съ вами въ часы таинственныхъ сумерекъ въ тѣнистой рощѣ, клясться у вашихъ ногъ въ вѣчной и неизмѣнной любви.

Когда порой, въ часъ тихой, ясной ночи
Вы бродите озарены луной,
Не правда ли, что въ часъ тотъ, ваши очи
Увлажены невольною слезой,
Что васъ печаль невольная волнуетъ,
Что сердце все въ тотъ часъ кого-то ждетъ,
Что бѣдное и плачетъ и тоскуетъ,
И что чего-то вамъ недостаетъ?...
Вы чувство то, не правда ль испытали!...
Скажите же!... О! дайте мнѣ отвѣтъ?

МАРІАННА.

Да что сказать? Съ чего вы это взяли?... Быть можетъ, *да*, а можетъ быть и *нѣтъ!*

ЭРНЕСТЪ.

И я порой грустилъ, и плакалъ тоже,
И я искалъ подругу для души —
И отыскалъ!... Она на васъ похожа!
И какъ она, вы также хороши!...
Я тайну ей открылъ — она молчала,
Но если бы она призналась мнѣ,
Я бъ не грустилъ, она бъ не тосковала,
И были бы мы счастливы вполнѣ.
Мы съ нею бы одни отраду знали.
Любимъ ли я? О, дайте мнѣ отвѣтъ!

МАРІАННА.

Да что сказать? Съ чего вы это взяли?
Быть можетъ *да*, а можетъ быть и *нѣтъ!*

ЭРНЕСТЪ *(бросаясь на колѣни).*

О! существо неземное! Рѣшите мою участь!

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ЭРНЕСТЪ, МАРІАННА, ТРЮШОНЪ, ФАВЕЛЬ.

ТРЮШОНЪ *(входя).*

Это безчеловѣчіе! Это варварскій поступокъ! Поддержи меня, племянникъ!

ФАВЕЛЬ.

Что дѣлать, небольшое несчастіе? Маленькая неудача. Если вы не выбраны въ депутаты, то, по крайней мѣрѣ, ваша должность близь жены вашей остается никѣмъ незанятою.

ТРЮШОНЪ *(увидя Эрнеста передъ Маріанной).*

Незанятымъ, а это?... *(Подходя къ нимъ).* Изверги!

ЭРНЕСТЪ *(вскакивая).*

Мужъ!!

Маріанна.

Ахъ, это ты, милый Трюшонъ!... А мы.... Ну, что, можно тебя поздравить?...

Трюшонъ.

Можно, очень можно! (*Подходя къ Эрнесту*). Милостивый государь, вы поступили со мною самымъ сквернымъ образомъ....

Эрнестъ.

Господинъ Трюшонъ!...

Трюшонъ.

Да, сударь, самымъ безчеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ образомъ. Всѣ голоса были въ мою пользу, всѣ готовились избрать меня, и вдругъ вы присылаете это несчастное письмо! Я былъ освистанъ, униженъ, оскорбленъ, отвергнутъ большинствомъ всѣхъ голосовъ, и сходя съ крыльца навѣрное бы упалъ безъ чувствъ, если бы племянникъ мой, приходившій поздравить меня съ депутатствомъ не поддержалъ меня.

Эрнестъ.

Но позвольте объяснить вамъ....

Трюшонъ.

Я не хочу ничего слушать. Теперь я васъ совершенно понялъ. Вы не хотите, чтобы въ Палатѣ засѣдали обманутые мужья, а сами волочитесь за женами кандидатовъ.

Фавель.

Я нахожу, что одно другому не мѣшаетъ.

Трюшонъ (*Эрнесту*).

И потому я прошу впередъ избавить меня отъ вашихъ посѣщеній. Я видѣлъ и знаю все.

Маріанна.

Но послушайте, душа моя, вѣдь это была одна шутка... Ну, не вы ли сами приказывали мнѣ поласковѣе обходиться съ племянникомъ префекта?

Трюшонъ.

Префекта! префекта!... Что мнѣ теперь со всѣми префектами! Я не хочу и знать ихъ! Я ни отъ кого не завишу, не хочу служить ни кому, и возвращусь къ моимъ прежнимъ идеямъ. Да, я былъ радикаломъ, радикалъ теперь и всегда буду радикаломъ. Вотъ мой характеръ! Я ни передъ кѣмъ не стану скрывать своихъ мыслей, буду въ вѣчной оппозиціи со всѣмъ здѣшнимъ начальствомъ!

Фавель.

Дядюшка! вы выходите изъ себя! Успокойтесь!

Трюшонъ.

Успокойтесь? Мнѣ успокоиться? (*Тихо Фавелю*). Когда я не сдѣланъ депутатомъ, когда я нашелъ обожателя у ногъ моей жены, когда я заплатилъ тысячу франковъ за твое противоядіе, которое ни къ чему не послужило!

Фавель (*ему тихо*).

Дѣйствіе его еще не кончилось. Все можетъ поправиться. Я постараюсь дать вашей женѣ самое сильное противоядіе, и не возьму съ васъ за него ни гроша болѣе.

Трюшонъ (*сжимая ему руку*).

Добрый, безкорыстный племянникъ! (*Эрнесту*). Вы еще здѣсь, милостивый государь! Я просилъ васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе оставить мой домъ.

Эрнестъ.

Я ухожу, господинъ разжалованный депутатъ! (*Тихо Маріаннѣ*). Но мы еще увидимся? Не правда ли. Теперь мужъ вашъ не уѣдетъ отсюда, и мы найдемъ средство къ свиданію.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Трюшонъ, Маріанна, Фавель.

Трюшонъ (*вслѣдъ Эрнесту*).

Мое почтеніе, господинъ разжалованный любовникъ!... Хорошо, что онъ ушелъ, а то бы я Богъ знаетъ на что рѣшился! (*Маріаннѣ*). Вы вѣроятно надѣетесь еще съ нимъ увидѣться... Но вы ошибаетесь, сударыня? Мы здѣсь не останемся. Не смотря на то, что я не сдѣланъ депутатомъ, все таки поѣду въ Парижъ и возьму васъ съ собою. Мы тамъ поселимся навсегда. Карета стоитъ у рѣшетки сада, лошади заложены.... Пожалуйте... Неугодно ли будетъ вамъ дать руку вотъ этому молодому человѣку. (*Показываетъ на Фавеля*).

Маріанна.

Какъ? Виконту Бельшану, человѣку совершенно незнакомому?

Трюшонъ.

Онъ намъ родня. Это Фавель, мой племянникъ, славный малый, очень умный, образованный человѣкъ, ловкій, благородный, знаменитый докторъ.

Фавель (*ему тихо*).

Хорошо, хорошо! Хвалите меня какъ можно больше! Это будетъ самымъ лучшимъ противоядіемъ.

Маріанна.

Вашъ племянникъ? Вы еще вчера говорили о немъ и называли повѣсой, который ничего не смыслитъ въ Медицинѣ, и только гуляетъ да дѣлаетъ долги въ Парижѣ.

Трюшонъ.

Неправда! Съ тѣхъ поръ онъ всему выучился, все знаетъ; это великій ученый, добрый родственникъ, испытанный другъ.... Онъ мнѣ преданъ душею, волочился за вами, только за вами, и васъ терпѣть не можетъ.

Фавель (*ему тихо*).

Послушайте, вы ужъ говорите совсѣмъ не то.

Трюшонъ.

Онъ васъ ненавидитъ!

Фавель (*тихо Маріаннѣ*).

Обожаетъ!

Трюшонъ.

Находитъ очень простой!

Фавель (*также*).

Преумной!

Трюшонъ.

Женщиной дурнаго тона и необразованною.

Фавель (*также*).

Ловкой, милой, остроумной!

Трюшонъ.

И въ добавокъ находитъ, что ваша наружность очень дурна.

Фавель (*также*).

Очаровательна!

Маріанна (*въ сторону*).

Ахъ какой разбойникъ, мой племянникъ! (*Слышно хлопанье бича*).

Трюшонъ.

Но карета давно ужъ насъ дожидается!... Мы ѣдемъ. Сударыня, пожалуйте вашу руку вашему племяннику.

Маріанна.

Вы этого хотите?

Трюшонъ.

Я этого требую.

Фавель.

Вы точно этого хотите?

Трюшонъ.

Я хочу, чтобы меня слушались!..

ФАВЕЛЬ.

Мы повинуемся! (*Беретъ руку Маріанны*).

Скорѣй въ Парижъ отправимся,
Гдѣ весело живутъ,
Гдѣ мы отъ бѣдъ избавимся,
Гдѣ радости насъ ждутъ,
Гдѣ буду жить въ отрадѣ я,
Для счастья моего,
И гдѣ противоядія
Найдемъ мы отъ всего!!

II. МАТЕРІЯЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ФЛОРИТА.

ПОВѢСТЬ Г-ЖИ ШАРЛЬ РЕБО.

(*Окончаніе*).

VI.

Разъ, Флорита играла Медею на театрѣ де ла Крусъ, гдѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, давали *Похищеніе золотаго руна*. Энергія и страсть пѣвицы были поразительны; зала стонала отъ грома рукоплесканій, а послѣ спектакля раздался общій крикъ: «Да здравствуетъ Флорита!» Кальдеронъ, по обыкновенію провожая Флориту, нашелъ ее мрачною, безмолвною, какъ бы погруженную въ тревожную мысль. Войдя въ свою ложу, Флорита сѣла, отбросила отъ себя букеты, упавшіе къ ея ногамъ, и залилась слезами.

— Флорита, вскричала Анна Мюллеръ съ ужасомъ: что съ тобою? Кто тебя такъ разстроилъ?..

«Никто, маменька, отвѣчала Флорита, отирая слезы; никто, я устала... пѣніе утомило меня... Какъ тяжко ремесло мое!

— Возможно ли! сказалъ изумленный Кальдеронъ, вы, которая страстно любите свое искусство...

«Оно мнѣ наскучило!» возразила Флорита съ тягостнымъ чувствомъ.

— Вамъ наскучила слава, лучшіе успѣхи, когда либо достававшіеся на долю женщины!

«Слава, успѣхи, проговорила юная артистка съ мрачною улыбкою; о! сегодня вечеромъ я поняла ихъ значеніе!.. Да, до сихъ поръ я была слѣпа, имѣла гордость думать о себѣ... Но, Боже мой, что я такое?.. Несчастная женщина, принужденная являться передъ публикою, для удовольствія которой обязана плакать или смѣяться, и которая, смотря по капризу, можетъ награждать ее вѣнками или свистками! По истинѣ, вотъ тріумфы, достойные зависти!

— Но что же случилось съ вами? спросилъ встревоженный Кальдеронъ.

«Ничего, отвѣчала Флорита съ грустію болѣе покойною; я уже сказала вамъ, что чрезвычайно устала. Поѣдемъ-те, маменька, домой.

Увидѣвъ слезы матери, Флорита обвила ея шею руками, и сказала:

— Молитесь Богу, маменька, чтобы онъ возвратилъ мнѣ прежнія силы, и удалилъ отъ меня всѣ непріятности.

Спустя два часа по возвращеніи домой, Флорита встала тихонько съ постели, и робко порхнула по комнатѣ, гдѣ спала, возлѣ матери. Она набросила на плечи ночной плащъ; взглянула на спящую мать, и, блѣдная, взволнованная, съ распущенными волосами, сошла внизъ, не затворивъ за собою дверей. Въ домѣ господствовало совершенное молчаніе; слуги разбрелись по своимъ мѣстамъ; только вѣтеръ гулялъ по обширной лѣстницѣ и потрясалъ стеклами. Флорита вошла въ низенькую залу, и съ трепетомъ отворила узкое окно, защищенное рѣшеткою. Маркизъ де Рибьеръ былъ уже подъ окномъ; эти свиданія происходили каждую ночь, въ продолженіе недѣли.

— Я здѣсь, душа моя, сказалъ Маркизъ; ждалъ тебя съ нетерпѣніемъ... О, какъ я люблю васъ, Флорита! Какъ медленно приходитъ часъ нашихъ свиданій!

«Единственный отрадный часъ моей грустной жизни,» прошептала Флорита.

— Сегодня вечеромъ, вы были очаровательны! Мнѣ кажется, вы никогда такъ не пѣли? Въ вашихъ звукахъ вполнѣ выражались любовь, ревность, ненависть.

«Съ какою женщиною вы были въ спектаклѣ?»

— Это одна знатная дама, Графиня Акмонте. Она обыкновенно живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, и, находясь въ Мадритѣ, пожелала слышать великую пѣвицу, чудо, о которомъ всѣ говорятъ. Графиня много аплодировала вамъ, Флорита, и уѣзжая изъ театра, сказала мнѣ, что вы доставили ей сегодня вечеромъ лучшее наслажденіе въ жизни.

«Да, я очень позабавила ее, холодно отвѣчала Флорита; но отчего же не было съ вами Графа?»

— Графа Акмонте? сказалъ Маркизъ съ улыбкою; ему еще рано ѣздить въ театръ: это ребенокъ, лѣтъ пяти, прекрасный какъ день, единственный сынъ Графини... Графиня вдова.

«А, понимаю!» возразила Флорита, отдергивая руку, которую Маркизъ старался схватить сквозь рѣшетку.

— Да, вы были единственны, моя прекрасная Флорита! Я не могу передать вамъ всѣхъ похвалъ публики; для васъ истощили всѣ восторженныя формулы, а я, я наслаждался вашимъ тріумфомъ, и мысленно повторялъ: «Знаменитая женщина, великая актриса, та, имя которой всѣ произносятъ, моя Флорита, моя любовь!..» Знаете ли вы, что можно помѣшаться отъ гордости и радости?

Услышавъ эти слова, Флорита закрыла лице руками, и начала горько плакать. Артистическая слава ужасала ее; она понимала неодолимое пространство между собою и знатною дамою, сидѣвшею возлѣ Маркиза; она съ отчаяніемъ повторяла, что талантъ не даетъ титуловъ, почестей, принадлежащихъ дамамъ высшаго сословія, и что она никогда не будетъ равною Графинѣ Акмонте, съ которою Маркизъ де Рибьеръ поставлялъ за честь являться публично, и о которой говорили съ соблюденіемъ всѣхъ формъ почтительности, между тѣмъ какъ ее, великую пѣвицу, знаменитую артистку, называли просто Флоритою. Маркизъ не понималъ, отъ чего плачетъ его возлюбленная, и воскликнулъ съ ласковымъ упрекомъ:

— Что же я сдѣлалъ вамъ, Флорита? Отчего эти слезы, эта грусть? Вчера, всѣ прошедшіе дни, мы были такъ счастливы... почему же все измѣнилось сегодня?

Флорита имѣла душу гордую, ревнивую, не способную къ признанію. Флорита согласилась бы лучше умереть, нежели открыть Маркизу причину своей грусти.

«Ничего не измѣнилось, съ трудомъ от-

вѣчала Флорита, но сегодня, какъ и вчера, я раскаяваюсь въ томъ, что прихожу сюда, и обманываю мать!»

— Вы разлюбили меня, Флорита, прервалъ Маркизъ.

«Я! отвѣчала юная пѣвица, поднявъ глаза къ небу, будто призывая его въ свидѣтели своихъ чувствъ. Я васъ разлюбила?.... Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же я здѣсь?.. Но, вы, Генрихъ... увы! Я иногда сомнѣваюсь, сомнѣваюсь въ вашей любви...»

— Дитя! вскричалъ Маркизъ съ улыбкою, ты хочешь, чтобы я твердилъ одно и тоже тысячу разъ!... Я люблю тебя, ты это знаешь, люблю тебя, моя прекрасная Медея, моя нѣжная Эвридика, моя благородная дона Эльвира...

«Да, вы любите бѣдную Флориту,» сказала бѣдная дѣвушка съ неизъяснимымъ выраженіемъ задумчивости и страсти.

И эта ночь прошла подобно прежнимъ въ сладостной бесѣдѣ сквозь ревнивую рѣшетку, и на разсвѣтѣ Флорита воротилась въ комнату, гдѣ спала ея мать, обѣщавъ де Рибьеру завтра опять явиться на свиданіе. Но блаженство первой, единственной любви Флориты миновалось: ревность, горькое, глубокое чувство гордости, сдѣлали ей ненавистнымъ искусство и самую славу. Она не понимала, что Маркизъ любитъ въ ней только славу, что онъ любуется ея тріумфальнымъ вѣнкомъ, и что въ этомъ заключалось для него сильнѣйшее средство обольщенія. Въ своемъ невѣдѣніи, проникнутая невинною, исполненною самоотверженія любовію, дѣвица не могла догадаться, что ея слава вырвала изъ бездѣйствія пресыщенную душу Маркиза. Съ непритворною грустію сталъ замѣчать Кальдеронъ возраставшее равнодушіе Флориты къ искусству и рукоплесканіямъ, нѣкогда предмету ея гордости и удовольствія; онъ постигъ положеніе души Флориты, но не зналъ какими средствами ее исцѣлить. Анна Мюллеръ, не столько дальновидная, ограничилась тѣмъ, что внимательнѣе слѣдила за дочерью при визитахъ Маркиза.

Однажды вечеромъ, Кальдеронъ отвезъ Флориту домой, послѣ представленія *Медеи*, постоянно бывшей для нея новымъ торжествомъ. Флорита была блѣдна, разсѣянна, и никакъ не могла скрыть свою грустную задумчивость: она сѣла за столъ не сказавъ ни слова, и не дотронулась до поданнаго кушанья. Когда Анна Мюллеръ отлучилась, Кальдеронъ подошелъ къ Флоритѣ, и сказалъ:

— Маркиза де Рибьера сегодня не было въ спектаклѣ!

Флорита затрепетала; она увидѣла, что Кальдеронъ разгадалъ причину ея грусти: лице ея вспыхнуло, а потомъ поблѣднѣло.

— Вы любите этого человѣка? продолжалъ Кальдеронъ съ горестію и состраданіемъ.

«Да, я люблю его,» отвѣчала Флорита.

Въ эту самую минуту вошла Анна Мюллеръ съ письмомъ. Письмо, принесенное ливрейнымъ лакеемъ Маркиза, было адресовано на имя Флориты, и слуга получилъ приказаніе тихонько вручить его; но служанка, которой слуга отдалъ письмо, немедленно отдала его госпожѣ. Бѣдная мать не смѣла ни распечатать письмо, ни бросить въ огонь, подобно другимъ любовнымъ объясненіямъ неизвѣстныхъ обожателей прекрасной пѣвицы; она вручила письмо дочери и сѣла насупротивъ ее, ожидая съ мучительнымъ безпокойствомъ довѣренности и признанія. Флорита, трепещущая, изумленная, пораженная роковымъ предчувствіемъ, подошла къ канделабру, на другомъ концѣ залы, и причитала съ сильнымъ біеніемъ сердца слѣдующее:

«Душа̀ моя! Кончились всѣ радости моей жизни, кончилось мое блаженство: я долженъ съ тобою разстаться! Отзывъ мой во Францію присланъ. Я могъ бы и не повиноваться, если бы Графъ-Герцогъ

не приказалъ мнѣ выѣхать изъ Мадрита въ двадцать четыре часа. Друзья мои старались упросить Министра, и предлагали мнѣ средство, которое я отвергъ: я не хотѣлъ остаться въ Испаніи съ тѣмъ, чтобы жениться на Графинѣ Акмонте.

«Я ѣду, Флорита, исполненный грусти, отчаянія, не видя другаго предѣла моимъ страданіямъ, кромѣ прекращенія любви, которая пойдетъ со мною въ могилу. О, если бы смерть поскорѣе избавила меня отъ мучительной жизни! А ты, моя Флорита, иди своимъ путемъ; будь прекрасна, всѣми любима, счастлива, и не забывай твоего несчастнаго Генриха!

«P. S. Я пробуду сутки въ Гвадалахарѣ, у Герцога Инфантадо. Если бы я получилъ отъ васъ одно слово, послѣднее прости, это было бы отрадою моей грустной жизни.»

Нѣсколько минутъ стояла Флорита неподвижно, устремивъ глаза на письмо; она была страшно блѣдна, но ни какой другой признакъ не обнаруживалъ ея изумленія и отчаянія. Мать и Кальдеронъ, молча, смотрѣли на Флориту, которая, подойдя наконецъ къ нимъ, сѣла, повидимому спокойная, и задумалась. Потомъ вдругъ она обратилась къ Кальдерону:

— Вотъ уже скоро полтора года, что я на театрѣ; я нажила порядочное состояніе, не правда ли?

«Конечно, отвѣчалъ Кальдеронъ, удивленный такимъ вопросомъ; мы сильно хлопотали о вашихъ выгодахъ, вы получили полную долю изъ доходовъ театра де ла Крусъ, и я положилъ на ваше имя четыреста тысячъ реаловъ у друга моего, Дона Федрика Морено.

— Тѣмъ лучше! возразила Флорита; это для маменьки!

«Для тебя, мой другъ, тебѣ на приданое!» воскликнула съ умиленіемъ Анна Мюллеръ.

— У Флориты есть приданое гораздо лучше, замѣтилъ Кальдеронъ: это ея талантъ!

На часахъ церкви Санъ-Сальвадора пробило двѣнадцать; Кальдеронъ всталъ.

— Уже поздно, сказалъ онъ; Флорита утомлена спектаклемъ; прощайте Дона Анна, до завтра... Прощай, дитя мое.

Когда Кальдеронъ хотѣлъ выйти, Флорита стала передъ нимъ, и протянувъ руку, произнесла тревожнымъ голосомъ:

«Прощайте!»

Кальдеронъ поцѣловалъ у нее руку, холодную, дрожащую, и уходя сказалъ:

— Бѣдная Флорита!

Флорита стояла еще нѣсколько минутъ, облокотясь на столъ; Анна Мюллеръ смотрѣла на дочь съ безпокойствомъ, и наконецъ спросила:

— А что же письмо, мой другъ?

«Завтра, маменька, вы все узнаете,» отвѣчала Флорита со слезами, спрятавъ письмо подъ свой бархатный корсажъ.

По обыкновенію, мать и дочь помолились вмѣстѣ, и потомъ легли спать. Анна Мюллеръ скоро заснула, и тогда Флорита, до сихъ поръ не раздѣвавшаяся, тихонько встала. Ночная лампа на столикѣ слабо освѣщала большую комнату; сквозь плотныя шелковыя занавѣски, спущенныя надъ постелью, старушка не могла слышать легкихъ шаговъ дочери и слабаго стука при отпираніи шкатулки, въ которой хранились драгоцѣнныя вещи Флориты и сотня квадруплей. Флорита взяла горсть золота и жемчужный браслетъ, подарокъ Испанской Королевы, бросилась на колѣни передъ постелью матери, и едва удерживая рыданія, простилась съ нею. Спустя минуту, бѣдная дѣвушка уже отодвинула тяжелый запоръ и вышла изъ дому.

Тогда была пора самыхъ длинныхъ ночей въ году. Сѣверный вѣтеръ давалъ чувствовать свое суровое вліяніе, разгуливая по пустымъ улицамъ; пронзительный холодъ смѣнилъ теплоту Ноябрскаго солнца; ни воры, ни любовники не смѣ-

ли показаться при такой погодѣ. Флорита, закутанная въ мантилью, шла скоро, не оглядываясь; она не страшилась ни глубокаго молчанія, ни страшной ночи; самая смерть не ужаснула бы ее въ эту минуту. Флорита находилась подъ вліяніемъ того положенія, когда исчезаютъ всѣ второстепенныя чувства; она думала только о своей цѣли, о тѣхъ, кому завтра ея побѣгъ будетъ роковымъ ударомъ. Флорита не сожалѣла ни о своихъ успѣхахъ, ни о покинутомъ поприщѣ, но сердце ея сжималось при мысли о матери. До разсвѣта блуждала она по улицѣ Алкала, и наконецъ увидѣла одинъ изъ тѣхъ экипажей, которые въ то время нанимались для недальнихъ поѣздокъ, или для прогулки въ окрестностяхъ Мадрита.

Войдя въ неуклюжій экипажъ и вручивъ кучеру квадрупль, Флорита сказала:

— Въ Гвадалахару!

VII.

Въ тотъ вечеръ, Маркизъ де Рибьеръ сидѣлъ одинъ, скучный, въ комнатѣ Дома Инфантадо. Онъ пріѣхалъ поутру утомленный, больной тѣломъ и душою. Любовь его къ Флоритѣ не имѣла сходства съ его прежними любовными похожденіями; въ этомъ чувствѣ было болѣе безкорыстія, болѣе цѣломудрія; мысль объ обольщеніи, конечно, тутъ участвовала, но Маркизъ любилъ столько, что терпѣливо сносилъ всѣ препятствія. Онъ довольствовался свиданіями у рѣшетчатаго окна, надѣясь постепенно овладѣть страстною, неприступною дѣвочкою, которая съ нѣжностію признавалась ему въ любви, а между тѣмъ держала отъ себя въ почтительномъ отдаленіи.

Отзывъ во Францію былъ для Маркиза громовымъ ударомъ. Де Рибьеръ чувствовалъ себя не въ силахъ проститься съ Флоритою; онъ предпочелъ писать къ ней, и, надобно сказать, что онъ сожалѣлъ не о надеждахъ своихъ, но о нѣжныхъ, чистыхъ ощущеніяхъ, которыя производила въ немъ любовь женщины, великой по таланту, знаменитой, и вмѣстѣ простой, очаровательной дѣвицы. Маркизъ зналъ, что время и отсутствіе закроютъ эту рану; но, въ ожиданіи, онъ страдалъ, думалъ, какъ бы скорѣе излечиться отъ страсти, съ которою не зналъ куда дѣваться.

Герцога Инфантадо не было въ Гвадалахарѣ. Маркизъ былъ принятъ въ домѣ управителемъ, который, распорядившись ужиномъ, ушелъ. Де Рибьеръ отпустилъ также капелана, и остался съ однимъ своимъ камердинеромъ, Шавилемъ.»

Стѣнные часы пробили семь.

— Шавиль, сказалъ Маркизъ, ты знаешь навѣрное, что ко мнѣ пѣть письма?

«Четверть часа назадъ не было, Маркизъ. Я приказалъ тотчасъ же увѣдомить, если что нибудь будетъ прислано. Позвольте, я пойду еще, справлюсь.»

— Пѣтъ, Шавиль, теперь не ходи. Какой длинный вечеръ!.. Мнѣ холодно!..

Шавиль поправилъ оливковыя косточки, горѣвшія въ серебряномъ *брасеро*, и подалъ Маркизу янычекъ съ лепешечками.

Кто-то постучался у дверей.

— Вѣрно, письмо! вскричалъ Маркизъ, и сердце его забилось.

Онъ самъ пошелъ на встрѣчу почтальону, нѣтерпѣливо ожидаемому вѣстнику, и вдругъ, отскочивъ назадъ, произнесъ едва внятнымъ голосомъ:

— Флорита!

Слово это было сказано съ такимъ выраженіемъ, что Флорита остановилась въ оцѣпѣненіи. Между тѣмъ Шавиль, пользуясь минутою молчанія, скрылся; Маркизъ успѣлъ опомниться, и даже самъ посмѣялся надъ своимъ первымъ движеніемъ.

— Прекрасная моя Флорита, сказалъ де Рибьеръ, подходя къ ней; такъ точно... это вы!.. Я не могъ повѣрить моему счастію.

Истомленная Флорита упала на кресла; Маркизъ бросился къ ея ногамъ.

— Моя несравненная Флорита, говорилъ онъ; какъ рѣшились вы пріѣхать проститься со мною? Я не надѣялся...

«Проститься!» повторила Флорита съ горькою улыбкою.

— Да, душа моя, продолжалъ Маркизъ, ты хотѣла еще разъ подарить меня минутою блаженства! О, какъ я благодаренъ тебѣ! Ночь блаженства, и я не буду жаловаться на судьбу!... Одного воспоминанія мнѣ довольно будетъ на всю жизнь!...

Флорита оттолкнула отъ себя руки Маркиза, и сказала съ сильнымъ выраженіемъ страсти:

— Но, мы соединяемся навсегда?...

«Навсегда!» вскричалъ изумленный Маркизъ.

— Да, продолжала Флорита, остановивъ на де Рибьерѣ свой прекрасный взглядъ; да, я люблю васъ больше своей славы, больше чести, больше матери.. Я все покинула... Я послѣдую за вами во Францію, куда угодно!...

Флорита положила голову на плечо Маркиза, и заплакала.

«Моя единственная Флорита!» вскричалъ Маркизъ, страстно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

Но въ ту же минуту онъ отдалился отъ Флориты на нѣсколько шаговъ.

Настала минута молчанія. Де Рибьеръ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти, которая взяла верхъ надъ страстію, на это благородное, чистое, исполненное самоотверженія созданіе.

— Я люблю васъ, Флорита, сказалъ онъ, и вотъ сильнѣйшее доказательство моей къ вамъ любви: я отказываюсь отъ жертвы, которую вы хотѣли принести для меня. Вы должны сей же часъ ѣхать въ Мадритъ, потому что я не могу взять васъ съ собою, и не хочу, чтобы завтра вы оставались здѣсь однѣ, обезчещенныя.

Флорита пристально взглянула на де Рибьера, но не отвѣчала ни слова: казалось, она не поняла его.

— Я не принимаю вашего самоотверженія, продолжалъ Маркизъ, потупивъ глаза, не принимаю потому, что я честный человѣкъ, и не хочу жертвовать вашею жизнію, вашею прекрасною будущностію страсти, которую къ вамъ питаю. Я не могу жениться на васъ, Флорита, и не хочу имѣть васъ своею любовницею, Понимаете ли вы меня?

«Понимаю», отвѣчала Флорита, вставая съ креселъ.

Она была блѣдна, но безстрастная физіономія ея не обнаруживала внутренняго переворота. Бѣдный Маркизъ чувствовалъ ослабленіе своей рѣшительности, и спѣшилъ убѣдить несчастную Флориту.

— Въ послѣдствіи, быть можетъ, вы стали бы раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Ваша жизнь такъ прекрасна, что жаль было бы принести ее въ жертву мнѣ одному... Возвратитесь, Флорита, къ богатству, славѣ! Любовь заставляетъ меня отказаться отъ васъ!...

«Вы любите меня! повторила Флорита, едва удерживая рыданія. Она поняла съ ужасомъ, со стыдомъ, съ отчаяніемъ, что любовь къ ней Маркиза сильнѣе угрызенія совѣсти, сильнѣе чести... О, Боже мой!... Маркизъ, спасите меня!»

Де Рибьеръ, смотря на несчастную дѣвицу, снова поколебался; опасность такого положенія испугала его; онъ страшился, что будетъ не въ силахъ остаться до конца благороднымъ человѣкомъ, и потому, не сказавъ ни слова, сильно позвонилъ. Явился каммердинеръ.

— Прикажи заложить мою коляску, и отвези барыню въ Мадритъ.

Каммердинеръ поклонился и вышелъ. Флорита стояла, облокотясь на столъ; Маркизъ нѣсколько поодаль; оба молчали. Минутъ черезъ десять, для нихъ цѣлой вѣчности, исполненной муки и страданій, на дворѣ послышался стукъ коляски. То-

гда Маркизъ подошелъ къ Флоритѣ; онъ плакалъ...

— Прощайте, Флорита, прощайте навсегда! Будьте счастливы, утѣшайтесь славою!... Толпа долго будетъ осыпать васъ похвалами; передъ вами прекрасная, продолжительная будущность...

Маркизъ не могъ говорить отъ сильнаго душевнаго потрясенія. Флорита взглянула на небо, молча прижала къ сердцу руку, поданную де Рибьеромъ и поспѣшно вышла.

Уничтоженный Маркизъ закричалъ съ отчаяніемъ:

Флорита, милая Флорита! я долженъ былъ вооружиться варварскимъ мужествомъ.

Но Флорита уже ничего не слышала. Спустя минуту, коляска катилась по Мадритской дорогѣ.

На утро, несчастная Флорита возвратилась домой. Анна Мюллеръ и Кальдеронъ не спали всю ночь. Увидя ихъ, дѣвица стала на колѣни; мать подняла ее со слезами и заключила въ свои объятія. Кальдеронъ ввелъ свою питомицу въ залу. Здѣсь, Флорита сѣла, приникла челомъ къ клавикордамъ и закрыла лице платкомъ. Старушка смотрѣла на милое, бѣдное дитя свое съ нѣмымъ изумленіемъ.

— Другъ мой, произнесъ наконецъ Кальдеронъ съ усиліемъ: проступокъ вашъ великъ; но по счастію, о немъ никто не знаетъ... вы возвратились вовремя... Ободритесь; мать прощаетъ васъ, и вамъ предстоитъ въ жизни еще много славы и счастія!

Флорита схватила руку матери и поцѣловала ее; потомъ, устремивъ къ небу взглядъ, исполненный непоколебимой рѣшительности, сказала:

— Я отрекаюсь отъ свѣта! Меня никогда не увидятъ на сценѣ... земное поприще мое кончено!... Маменька, я пріѣхала проститься съ вами...

«Но куда же вы намѣрены итти?» спросилъ изумленный Кальдеронъ.

— Въ монастырь! отвѣчала Флорита; я желаю посвятить себя Богу!

«О, милая дочь моя, восклихнула Анна Мюллеръ, такъ ты очень любила его?»

— Какъ онъ стоитъ быть любимымъ, маменька, отвѣчала дочь съ выраженіемъ невинности и гордости; теперь я хочу убѣдить его въ этомъ послѣднимъ доказательствомъ.

На другой день, Флорита вступила въ монастырь Кармелитокъ. Цѣлую недѣлю толковали въ городѣ и при дворѣ объ этомъ происшествіи. Анна Мюллеръ мужественно разсталась съ дочерью; она поняла, что ея душа, глубоко оскорбленная, можетъ найти утѣшеніе въ одной религіи; но старушка не долго пережила горестную утрату: умирая, она завѣщала образцовое произведеніе Мюллера Кальдерону, а всѣ деньги и имущество бѣднымъ. Черезъ годъ, Флорита произнесла обѣтъ. Кальдеронъ де ла Барка долго оплакивалъ предметъ своей послѣдней любви. По вечерамъ, во время божественной службы, его часто видѣли въ церкви Кармелитокъ; тамъ онъ стоялъ на колѣняхъ, на каменномъ полу, закрывъ лице руками. Поэтъ внималъ голосу монахини, уподоблявшемуся пѣнію Ангеловъ въ горнихъ селеніяхъ.

ТЕАТРЪ ПРИНЦА (DEL PRINCIPE).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ИСПАНІЮ, ВЪ 1841 ГОДУ.

(*Статья Роже де Бовуара*).

Мадритъ, 20 Октября 1841.

Испанскій Театръ можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе единственно своею національностью. Въ самомъ дѣлѣ, какъ оригиналенъ, самобытенъ гордъ этотъ театръ, который, не походя ни на какіе другіе театры, не носитъ на себѣ слѣдовъ вліянія нравовъ и обычаевъ другихъ земель! Театръ, для котораго писали Кальдеронъ, Гвильенъ де Кастро, Лопе де Вега, Морето, Моратинъ, Тирсо де Молина и множество другихъ умовъ, полныхъ огня и смѣлости! Единственная комедія: *Плащь и шпага* (de Capa y d'espada) до сихъ поръ еще представляется намъ въ видѣ *Матамора*, въ поношенномъ платьѣ, съ гордымъ видомъ и лаконическимъ языкомъ. Длинные рыжіе усы, закрученные къ верху и идущіе до самыхъ висковъ, какъ у Бискайца Донъ Родрига де Мондрагона (*), огромная шпага, шпоры ужасающей величины и колоссальныя брыжжи дополняютъ костюмъ Испанской комедіи. Передъ Королемъ и въ Алькасарѣ она молчитъ и не смѣетъ начать ни съ кѣмъ ссоры, но на любой улицѣ, на площади, въ аллеѣ Прадо, она смѣется надо всѣми, всѣмъ угрожаетъ, привязывается ко всему, что ни пройдетъ мимо ея. Ей повинуются всѣ смѣшные и забавные типы Мадрита: тупоумный алкадъ, добрякъ опекунъ, *граціозо*, сыплющій нравственными сентенціями, спроваженный любовникъ, надутый цирюльникъ, Королевскій шутъ, burlador (острякъ, шутникъ) кофейныхъ домовъ, торговка вѣерами, уличный мошенникъ, гитаристъ, дуэнья, однимъ словомъ, цѣлый міръ, который она одна заставляетъ говорить и дѣйствовать въ его настоящихъ костюмахъ, съ его пороками и странностями. При одной мысли переступить за порогъ любаго Мадритскаго Театра, какая-то невольная задумчивость овладѣваетъ вами; вы думаете о фигурахъ Сида, Альмавивы и Фигаро.

Представить ли вамъ знаменитый учитель, синіоръ Томасъ де ла Фуэнте, какъ гражданамъ Ольмеда, удивительную и поучительную піесу: *Забавы Мулея Бугентуфа, Короля Марокскаго*, піесу, написанную на случай и игранную передъ Жилъ-Блазомъ и его товарищемъ, школьниками изъ Пенафіельскихъ и Сеговійскихъ фамилій. Вы знаете, что онъ любилъ только ужасное: это былъ его вкусъ, и въ этомъ случаѣ онъ соглашался съ Аристотелемъ, который училъ *возбуждать ужасъ* (*). Вы вспомните о ѣдкихъ комедіяхъ Морето, о *Saludas*, какъ ихъ называютъ. Гдѣ же вельможи и кавалеры, которые пѣшкомъ и въ экипажахъ толпятся около театра? А актрисы Жилъ-Блаза, хорошенькія какъ Лаура или Арсенія, которыя покупаютъ земли близъ Саморы и берутъ въ любовники сыновей коррехидоровъ? Приготовьтесь ко всѣмъ демонскимъ сѣтямъ, разставленнымъ, чтобы поймать васъ, къ страстнымъ взглядамъ, нѣжнымъ словамъ и коварнымъ улыбкамъ; будьте готовы встрѣтить этихъ женщинъ, кото-

(*) Жилъ Блазъ. Кн. II.

(*) Жилъ-Блазъ, кн. II.

рыя считаютъ игрушкою обмануть васъ, какъ Фенпса, которую благородный синіоръ де Сантильяна желалъ обнять такъ пламенно, что даже піеса, игранная въ тотъ вечеръ, показалась ему слишкомъ длинною. Рѣшитесь, маркизъ! Вамъ нечего дѣлать въ Мадритѣ, развѣ только зѣвать отъ скуки, а сегодня въ Мадритѣ будетъ *чрезвычайное представленіе*. Надѣньте на палецъ вашъ лучшій брилліантъ, и пойдемте въ театръ. Невозможно, чтобы піеса усыпила васъ, чтобы толпа веселыхъ актрисъ не стала удивляться вамъ. Вы пріѣхали изъ Франціи, вы самый лучшій Парижскій подарокъ, который только можно имъ сдѣлать. Ступайте, рѣдкая и дорогая птичка, ступайте запутываться въ ихъ сѣтяхъ!

Когда я такимъ образомъ собирался съ Маркизомъ А...., афиша Театра *del Principe* возвѣщала дѣйствительно *funcion extraordinaria* (чрезвычайное представленіе). Это былъ бенефисъ, и актеръ Донъ Хозе Гарсіа Луна, бенефиціантъ, былъ такъ учтивъ, что прислалъ намъ программу. Въ этой программѣ мы не встрѣтили имени Лопе де Вега. Спектакль состоялъ изъ *Сына Бури* (Hijo de la Tempestad), новой драмы синіора Бушарди, перваго Французскаго драматурга. Надобно сказать, что въ Испаніи переводчики не церемонятся перемѣнять названія піесъ. Драма, перекрещенная такимъ образомъ, называлась въ Парижѣ: *Longue-Epée le Normand*.

Отчего переводы теперь въ такой модѣ въ Мадритѣ, гдѣ есть довольно писателей и авторовъ оригинальныхъ? Это происходитъ оттого, что положеніе Испанскаго переводчика несравненно лучше положенія автора: оно доставляетъ ему постоянный доходъ, которому содѣйствуютъ Французскіе Театры; но всего страннѣе то, что два или три автора имѣютъ монополію переводовъ въ этомъ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что же можетъ быть вѣрнѣе и удобнѣе этого? Драматическій репертуаръ Парижа всегда подъ рукою. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по пути, проложенному Кальдерономъ и Лопе де Вегою, Испанія дѣлала честь Французамъ, занимая у нихъ піесы, и они должны были за это ей быть благодарными. Переводчикъ въ Мадритѣ обязывается поставить на сцену театра, съ которымъ онъ заключилъ условіе, отъ восьми до десяти піесъ въ годъ. Впрочемъ, число это самое меньшее, потому что театръ, съ своей стороны, обязанъ принять все, чтобы онъ ни перевелъ. Переводчикъ получаетъ за каждую піесу тысячу реаловъ (двѣсти пятьдесятъ франковъ), цѣну, конечно, не весьма значительную. Часто случается, что на Прокустовомъ ложѣ перевода, піесы съ куплетами и оперы въ трехъ дѣйствіяхъ, какъ напримѣръ: Заговоръ *Тринадцати* и *Черное домино* сокращаются переводчикомъ въ одинъ актъ, потому что родъ комической оперы здѣсь еще не извѣстенъ, и пѣніе существуетъ только на Италіянскомъ Театрѣ. Авторы оригинальныхъ піесъ негодуютъ на это драматическое изувѣченіе ихъ произведеній, и еще болѣе на то, что на переводныхъ (aggregate) піесахъ никогда не выставляется ихъ имени. Если Французскій писатель гордится тѣмъ, что его переводятъ на Испанскій языкъ, то зачѣмъ же переводчику думать больше о себѣ самомъ, чѣмъ объ оригинальномъ авторѣ? Источники, изъ которыхъ они почерпаютъ, должны быть непремѣнно показаны; забывчивость въ этомъ случаѣ дурное оправданіе. Конечно, переводчики извиняются по большей части тѣмъ, что имена многихъ Французскихъ писателей неизвѣстны въ Мадритѣ, но, по моему мнѣнію, этотъ предлогъ долженъ напротивъ служить еще болѣе поводомъ къ тому, чтобы ознакомить съ ними публику. Безъ Шалона, который былъ секретаремъ Маріи Медичи и который, подъ старость удалившись въ Дуанъ, поздравлялъ Корнеля съ успѣхомъ его первыхъ сценическихъ опытовъ, и перевелъ для него нѣсколько отрывковъ изъ

Испанскихъ піесъ, безъ него, говоримъ мы, Корнель никогда бы не зналъ Гвильена де Кастро, а Франція никогда бы не знала *Сида*.

Кромѣ передѣлокъ переводчиковъ, Французъ, перенесенный въ Мадритъ, долженъ отдать справедливость этому литературному добродушію, которое встрѣчаетъ здѣсь всякое произведеніе, прибывшее изъ Франціи. Ни какая въ свѣтѣ публика не интересуется такъ самыми незначительными Французскими драмами и комедіями, какъ Мадритская. Если, появившись противъ вашей воли на Испанской сценѣ, вы оскорбитесь тѣмъ, что она дѣйствуетъ подобно Бельгіи, то всегда можете сказать, что этотъ народъ и эта страна слишкомъ горды, чтобы безстыдно красть ваши книги, какъ это дѣлаютъ Бельгійцы, но что Испанецъ, какъ благородный братъ, уступаетъ вамъ свой театръ, свой плащъ и свою шпагу. Его учтивость, важная и холодная съ перваго взгляда, дѣлается для васъ вдругъ оживленною и благосклонною, лишь бы только вы были согласны съ его понятіями и не пускались ни въ разочарованіе, ни въ скептицисмъ. Намъ даже было неловко упрекать Испанцевъ въ томъ, что они занимаютъ у насъ драматическія произведенія; не у нихъ ли наши писатели брали часто не только что канву піесъ, но даже и ихъ украшенія. Не Испанія ли воодушевляла Моліера, Лесажа и многихъ другихъ авторовъ? Войдемте же со мною въ залу *del Principe*, прекрасную и обширную, которой мантильи и маневры вѣеровъ придаютъ иногда видъ національности, похожей на блистательные дни Карла IV. Соперничествуя съ Театромъ де ла Крусъ, который теперь возобновляютъ, онъ гордится своимъ Ромеа, какъ тотъ своимъ Торре: и между этими двумя артистами, знаменитѣйшими въ Мадритѣ, раздѣлены и публика, и аплодиссементы. Вы занимаете ваше мѣсто (luneta), завѣса опущена; Мадритскіе львы, положивъ подбородки на трости съ золотымъ набалдашникомъ, разсматриваютъ красавицъ, положившихъ свои полныя ручки на бархатъ ложъ съ гордостью и увѣренностью Кастиліянокъ.

Въ амфитеатрѣ темномъ и глубокомъ, назначенномъ для женщинъ средняго класса, и куда мужчины не имѣютъ доступа (*), во время антрактовъ раздается странный шумъ вѣеровъ: они движутся, закрываются и раскрываются, какъ стаи птицъ, машущихъ серебряными крыльями. Начинаются разговоры; говорятъ объ *jota valenciana*, которую должна танцовать хорошенькая, шестнадцатилѣтняя дѣвушка изъ Гренады. Главные актеры въ драмѣ: Ромеа, Гарсіа Луна, Собрадо. Четыреста лье отдѣляютъ васъ отъ Парижа: вы готовитесь къ веселому фарсу, и попадаете въ мелодраму. На Театрѣ де ла Крусъ вы видите длинную афишу: это *Vaso d'agua*, «Стаканъ воды,» Скриба. Если вы не хотите видѣть начала комедіи, сойдите въ кафе *del Principe*, тамъ найдете вы цѣлую армію авторовъ Мадритскихъ, величественно окруженныхъ дымомъ сигареттъ. Тамъ-то ожидалъ меня одинъ изъ моихъ Парижскихъ друзей, Испанецъ по рожденію и поэтъ по прихоти, Жуанъ Флоранъ, которому наши Парижскіе журналы обязаны лучшими страницами.

— Васъ ждутъ въ фойе, сказалъ онъ, пойдемте и посмотримте на Ромеа.

Театральное фойе въ первомъ этажѣ, я послѣдовалъ за Жуанъ Флораномъ, однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей театра, и нашелъ Ромеа въ полномъ костюмѣ Лонгъ-Эпе, Нормандца.

Синіоръ Д. Жульенъ Ромея, директоръ и первый актеръ театра *del Principe*, красивый Испанецъ тридцати или тридцати трехъ лѣтъ, ходитъ нѣсколько сгорбясь, какъ Бокажъ, и вообще похожъ на него своими черными и вдохновенными

(*) Этотъ амфитеатръ называется Gazuela, кастрюля, можетъ быть и потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ на нее походитъ.

взглядами. Смугловатая его блѣдность, выразительныя тѣлодвиженія и щегольской нарядъ придаютъ ему много артистическаго очарованія. Онъ выговариваетъ чисто и съ особеннымъ выраженіемъ каждое слово Испанскаго языка, который такъ пріятенъ въ словахъ любви и такъ звученъ въ гнѣвѣ. Онъ высокъ ростомъ; пріемы его легки и благородны: однимъ словомъ, это настоящій артистъ на *первое амплуа*, во всемъ смыслѣ. Онъ изрядно говоритъ по-Французски, такъ что его понимать можно; онъ ласковъ, остороженъ въ словахъ: это директоръ, какихъ изрѣдка случается видѣть во Франціи. Ромеа только что застягнулъ пряжку своего пояса поверхъ кольчуги, и курилъ сигаретту, въ ожиданіи своей реплики. Онъ всталъ, съ живостію подошелъ ко мнѣ, распрашивалъ меня о Парижѣ, и видимо старался собрать всѣ свѣдѣнія о драматическихъ новостяхъ, которыя я могъ ему сообщить. Подлѣ него въ этомъ же скромномъ фойе, гдѣ вмѣсто всѣхъ мебелей стоятъ бюсты нѣсколькихъ авторовъ и большое зеркало, сидѣла Синіора Матильда, жена его, толстая и свѣжая особа, которую я съ перваго взгляда почелъ было за Голландку, не всмотрясь еще въ глаза ея, живые и выразительные. Матильда, также какъ и мужъ ея, играетъ въ двухъ родахъ: драмѣ и комедіи; пріемы ея очень благородны; въ игрѣ много огня и ума: это Г-жа Дорваль театра *del Principe*. Разговоръ въ фойе наиболѣе относился къ разнымъ сценамъ послѣдняго переворота въ Мадритѣ, и *gracioso* хвастался, что играя наканунѣ, въ одной комедіи стариннаго репертуара, много насмѣшилъ ту самую публику, которая въ слѣдующую ночь встревожила всѣхъ мирныхъ жителей столицы.

Этотъ *gracioso*, этотъ превосходнѣйшій комикъ, ни кто иной, какъ *Гусманъ*, Гусманъ, котораго я ни съ кѣмъ другимъ сравнить не могу, какъ съ нашимъ Монрозомъ, на счетъ комисма и веселости. Дайте Гусману роль дурачка, который бы имѣлъ и комическія, и чувствительныя сцены, вы увидите съ какою славою онъ сыграетъ ее. Онъ вамъ покажется глупымъ и наивнымъ до того, что вы будете и плакать и смѣяться. Я уже видѣлъ его въ піесѣ Марето, подъ названіемъ: *Son siempre los de fuera que echan los de casa* (тѣ, которые снаружи, всегда выгоняютъ тѣхъ, которые внутри), и онъ мнѣ показался самымъ превосходнымъ комикомъ, хотя онъ теперь не моложе Монроза. Въ этой смѣшной комедіи Морето говорятъ вещи самыя недвусмысленныя, и самаго Гусмана въ продолженіе всей піесы называютъ очень просто: *alcahuete* (значенія этого слова нельзя перевести благопристойнымъ образомъ). Конечно, если вспомнить времена Моліера и нѣкоторыя его выраженія, то можно простить вольности Морето. Слогъ и игра словъ этого автора нельзя перевести ни на какой языкъ, и они уже сами собою такъ состарѣлись въ Испаніи, что одинъ Кастиланецъ, сидѣвшій возлѣ меня, сказалъ мнѣ, чтобъ я не затруднялся въ безполезномъ пріискиваніи смысла многихъ фразъ, потому что во всей залѣ едва ли и сто человѣкъ понимаютъ всю піесу. И что жъ? Эта піеса стараго репертуара была до того разогрѣта игрою Гусмана, что я ни на минуту не соскучился, не смотря на нѣкоторыя сцены убійственно-длинныя въ роли *Tiu*. Близъ Гусмана стоялъ *Собрадо*, актеръ умный и старательный, у котораго, говорятъ, самая лучшая коллекція Кастильскихъ шпагъ во всемъ Мадритѣ. Онъ играетъ амплуа благородныхъ отцовъ съ рѣдкимъ искусствомъ.

Вскорѣ собрались въ фойе авторы и поэты Мадрита: Эспронседа, прославившійся своимъ: *El Diablo mundo* (адскій міръ, подражаніе Гете), Сорилла, Эскозура, Бретонъ де Лосъ-Геррерось, Д. Вентура де Ла Вега, и около двадцати другихъ. Говорили о *Сайнетахъ*, сочиненіи

Камона де Ла-Круса, представляющій нашего Ваде въ лучшемъ видѣ. Въ этихъ Сайнетахъ, которыя уже нынѣ рѣдко играютъ, дѣйствующія лица состоятъ изъ *chulas* и *manolas*, то есть изъ всего низшаго класса Мадритской черни. Я сошелъ на минуту за кулисы и очень удивился, видя множество людей, курящихъ свои сигареты, вовсе не заботясь ни о деревянныхъ доскахъ, ни о пожарѣ. Театральный мальчикъ обходилъ только эти группы и ногою тушилъ горящіе остатки. Наконецъ завѣса поднялась, и Лонгъ-Эпе, Норманецъ, началъ длинную свою и ужасную исторію. Я сѣлъ подлѣ Донъ Мануэля Бретонъ де Лосъ-Геррероса, самаго плодовитаго и самаго оригинальнаго изъ Мадритскихъ авторовъ. Онъ не довольствуется переводами, но сочиняетъ, и будучи уже подъ сорокъ лѣтъ, начинаетъ составлять себѣ репертуаръ, который обѣщаетъ такую же многочисленность, какъ и Скриба.

Вы вѣрно подумаете послѣ этого, что этотъ человѣкъ измученъ работою? Будьте спокойны! Донъ Мануэль Бретонъ свѣжъ, какъ роза. Это Эпикуреецъ, любитель *far niente*, и который работаетъ, когда ему вздумается. Стоитъ ли же послѣ этого, *переводить*, скажете вы, когда есть такое множество оригинальныхъ и плодовитыхъ авторовъ? На это самый простой отвѣтъ. Мадритскій Театръ—настоящій Минотавръ. Онъ одинъ съѣдаетъ больше піесъ, нежели нашъ первый Парижскій. Піеса, игранная здѣсь *пять разъ*, составляетъ апогей авторскаго успѣха. Вообразивъ себѣ только то, что Мадритскій Театръ въ одинъ мѣсяцъ сыгралъ весь репертуаръ нашего Гюго, можно имѣть идею жадности Кастиліянцевъ къ перемѣннымъ зрѣлищамъ. Для такихъ актеровъ, какъ Ромеа, Гусманъ и Собрадо, очень грустно играть безъ различія всѣ піесы, хорошія и дурныя, но иначе нельзя, потому что Мадритской публикѣ нужно *количество*, а не *качество*.

Въ это время подошелъ къ Донъ Мануэлю Бретону молодой человѣкъ, смуглый, худощавый и низенькій ростомъ, какъ вообще всѣ Гранды Испанскіе. Этотъ молодой человѣкъ, съ огненными и живыми глазами, былъ Донъ Вентура де Вега, должностной переводчикъ театра *del Principe*. Одаренный оригинальнымъ умомъ и поэтическимъ геніемъ, онъ могъ бы обойтись и безъ переводовъ, потому что весь Мадритъ восхищается его прекрасными стихами; притомъ же онъ человѣкъ съ вѣрнымъ вкусомъ и удивительною памятью. Онъ былъ прежде Секретаремъ Королевы Маріи Христины, жилъ нѣсколько времени въ Парижѣ, и ходилъ аплодировать Рашель; теперь онъ содержитъ монополію драматическихъ переводовъ въ Мадритѣ, раздѣляя ее съ другомъ своимъ Традо. Ко всѣмъ своимъ качествамъ присоединяетъ онъ дарованіе хорошаго актера, играя самъ въ лучшихъ піесахъ стараго Испанскаго Театра на театрѣ *Лисео*, составленномъ изъ любителей. Г. Рака де Тогоресъ, авторъ исторической комедіи *Молина*, Президентъ этого общества аматеровъ.

Ввечеру 7-го Октября, въ ту самую минуту, какъ я надѣвалъ шелковые чулки, чтобъ итти въ этотъ театръ любителей, находящійся въ концѣ Прадо, раздался звонъ колоколовъ, и вслѣдъ за тѣмъ ружейная перестрѣлка. Въ одно мгновеніе всѣ окна освѣтились свѣчами и бумажными фонарями (*faroles*). Полиція строго взыскиваетъ съ тѣхъ, которые во время народныхъ смутъ не исполняютъ этой мѣры, и всѣ наперерывъ спѣшатъ доказать свою преданность къ Правительству. Перестрѣлка наиболѣе слышна была въ сторонѣ Дворца Герцога Витторіи, а между тѣмъ дождь лилъ ливмя. Печально посмотрѣлъ я на свои шелковые чулки и на пригласительный билетъ изъ *Liceo*, въ которомъ возвѣщено было первое представленіе *Ricco hombre d'Alcala*. Ко мнѣ вошелъ хозяинъ съ женою и съ цѣлымъ

хоромъ поваренковъ; всѣ они умоляли меня, чтобъ я не ходилъ со двора.

«Однако жъ, это прекрасная піеса! сказалъ потомъ хозяинъ, и Вентура сыграетъ свою роль мастерски.»

Народная трагедія на улицѣ становилась слишкомъ серіозною, и я принужденъ былъ отказаться отъ спектакля амателовъ. Донъ Вентура де Ла Вега весело распрашивалъ меня объ этомъ эпизодѣ, который я многимъ знакомымъ разказывалъ. Мы пошли въ ложу Матильды. Разговоръ коснулся до Рубини, котораго ждали въ Мадритъ, но котораго слухи о народныхъ волненіяхъ вѣроятно остановили въ Байоннѣ. По окончаніи спектакля я встрѣтилъ живописца Эскивеля, котораго исторія можетъ быть поставлена на ряду съ *Клермономъ (Жена артиста)*. Эскивель былъ слѣпъ и долго оставался въ этомъ положеніи; онъ однако же занимался своимъ искусствомъ, и писалъ прекрасные портреты. Любопытно было тогда смотрѣть на него, какъ онъ, подобно лунатику, водилъ руками по полотну. Каковы должны были быть страданія этой молодой, пламенной души, которая должна была полагаться на слова и мнѣнія друзей! Эскивель боялся ихъ снисходительности, однако же, у него былъ истинный талантъ.

Я упомянулъ о піесѣ *Клермонъ* потому, что она имѣла еще и другое отношеніе къ судьбѣ Эскивеля. Чтобъ подать ему помощъ, вздумали дать въ пользу его спектакль на театрѣ *Principe*, и для этого бенефиса выбрали піесу: *Клермонъ*. Можно себѣ представить волненіе чувствъ этого артиста во время представленія, которое развивало передъ нимъ всю его собственную исторію! Теперь онъ совсѣмъ почти вылечился, и послѣ Лопеса, который уже старъ и дряхлъ, это лучшій Мадритскій живописецъ. Теперь онъ пишетъ съ открытыми глазами, и узнаетъ всѣхъ. Онъ взялъ съ меня обѣщаніе доставить ему сеансъ, чтобъ списать мой портретъ. Я видѣлъ только одинъ портретъ его работы, именно прекрасной Маркизы Вилла-Гарсія, и онъ очень схожъ. Въ Мадритѣ жизнь живописца очень спокойна и удобна; у него нѣтъ такой бездны соперниковъ, какъ въ Парижѣ. Здѣсь ихъ всего не болѣе пятнадцати, и между ними едва ли шесть отличныхъ. Все на свѣтѣ проходитъ и исчезаетъ. Испанцамъ наскучили великіе мастера знаменитой ихъ школы: они завидуютъ нашимъ литографіямъ и цвѣтнымъ бумажкамъ. Они скучаютъ своимъ богатствомъ.

Наконецъ драма Лонгъ-Эне кончилась. Ромеа вынесъ ее на плечахъ. При выходѣ изъ спектакля *Sereno* кричалъ уже: *las noce*! (полночь!) и этотъ часъ влюбленныхъ и воровъ дѣйствительно пробилъ на башнѣ Пуэрто дель-Соль. Завернувшись въ свой плащъ, я выходилъ уже изъ театральныхъ сѣней, какъ вдругъ низенькій человѣкъ, одѣтый въ черное платье съ головы до ногъ, назвалъ меня по имени и подалъ мнѣ бумагу.

Я прочелъ записку и чрезвычайно удивился. Это было приглашеніе на завтрашнюю репетицію.

Этотъ маленькій черный человѣкъ, котораго я съ перваго взгляда принялъ за сыщика, былъ просто театральный чиновникъ, старый, сморщенный, какъ Испанецъ, отжившій свой вѣкъ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же уйти, но я остановилъ его и просилъ проводить меня до квартиры и быть моимъ *Sereno*, хотя безъ пики и безъ фонаря.

«*Al servicio de usted, caballero*, (къ вашимъ услугамъ), отвѣчалъ онъ мнѣ, и съ учтивостію уступилъ правую сторону тротуара; потомъ спросилъ онъ у меня: развѣ я боюсь воровъ?

«Немножко,» отвѣчалъ я. А въ самомъ-то дѣлѣ не страхъ а любопытство заставило меня пригласить его въ провожатые. Мнѣ хотѣлось узнать, по какой причинѣ меня приглашаютъ на репетицію.

«Вы не знаете піесы: *Мулатъ?*» спросилъ меня провожатый.

Хотя названіе и было ясно, но я спросилъ: что это за *Мулатъ?* Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это трехъ-актная піеса во Франціи, и началъ мнѣ описывать разныя ея подробности. Не мудрено было мнѣ тотчасъ же догадаться, что дѣло идетъ о моемъ *Шевалье де Сенъ-Жоржѣ*. Все это показалось мнѣ заговоромъ. Теперь я вспомнилъ нѣкоторыя слова, вскользь сказанныя въ фойе и въ уборной Ромеа и Матильды. Піеса эта уже была играна шесть разъ, и теперь ее собирались возобновлять. Хотя въ этомъ и ничего не было страннаго, но меня безпокоило приглашеніе на репетицію. Я чувствовалъ, что меня заставятъ репетовать мою піесу, тогда какъ я знаю по-Испански не больше семи или восьми фразъ.

Теперь только я началъ сожалѣть, что не уѣхалъ наканунѣ въ Гранху, куда сбирался отправиться. Страшные сны преслѣдовали меня во всю ночь. Мнѣ чудилось, что я сижу въ театрѣ *del Principe* на соломенномъ стулѣ репетитора, и путаю всѣ входы и выходы. Въ углу первой кулисы виднѣлась мнѣ смуглая и лукавая фигура, которая однако же была не Сенъ-Жоржъ, а мой другъ и сотрудникъ Мельвиль, который забавлялся надъ моимъ затрудненіемъ, и который кутался въ свой плащъ самымъ мефистофелевскимъ образомъ.

По утру разбудилъ меня какой-то незнакомецъ, который принесъ мнѣ огромный букетъ цвѣтовъ. Это здѣсь обычная встрѣча иностранцу, вновь пріѣхавшему, и садовникъ получаетъ за это *duro*. Я далъ ему два и приказалъ отнести букетъ Синіорѣ Матильдѣ, которая должна была играть роль Г-жи де Прель. Онъ удалился съ самыми церемонными поклонами.

Въ назначенный часъ явился я на репетицію. Признаюсь, что сердце у меня сильно билось. Репетовать піесу на сценѣ, гдѣ играютъ творенія Кальдерона и Лопе; разговаривать съ людьми, привыкшими къ прозѣ Морето, къ стихамъ Бретона, къ звучному Кастильскому языку! Мнѣ казалось, что привратникъ театра долженъ бы былъ остановить меня, какъ профана. Однако же не было ни какого сомнѣнія, что репетовать хотѣли *мою* піесу: афиша чудовищная, пирамидальная, величиною въ два фуляра, вмѣстѣ сшитые, и только что наклеенная на стѣнку, возвѣщала мнѣ роковую тайну. При моемъ появленіи, Ромеа подошелъ ко мнѣ очень ласково. Хоры, актеры, оркестръ, все было на сценѣ, какъ будто для большой оперы, и все это говорило, размахивало руками и курило сигаретты, такъ что все собраніе было покрыто какимъ-то туманомъ. Увы! это былъ не ѳиміамъ а табакъ. Я сѣлъ въ оркестръ, и репетиція началась. Все шло очень хорошо; даже знаменитый выстрѣлъ изъ пистолета не осѣкся, какъ въ Парижѣ, при первомъ представленіи. Какъ новый Жилблазъ, долженъ былъ я, съ распростертыми объятіями, принимать поздравленія всѣхъ моихъ литературныхъ сотоварищей, Мадритскихъ авторовъ. Конечно, меня избавили отъ объятій суфлера и ламповщиковъ, потому что, благодаря Бога, театръ былъ лучше освѣщенъ, нежели при Лудовикѣ XIV. Я уже боялся, что меня заставятъ самого играть роль въ моей піесѣ, такъ много дѣлали мнѣ вопросовъ, такъ много требовали объясненій, ежеминутно прерывая реплики актеровъ. Только одно занятіе, котораго всѣ они не прерывали, это было куреніе *пуро* (сигаръ), и даже въ самыхъ сильныхъ сценахъ. Для меня очень странно было видѣть *благороднаго отца*, который въ 3-мъ актѣ унижаясь предъ своимъ сыномъ, посылаетъ ему въ то же время нѣсколько клубовъ табачнаго дыма.

Артисты театра *del Principe* самые милые и благородные люди. Въ нихъ нѣтъ ни какой надутости и самолюбія, ко-

торыя такъ часто портятъ наплучшихъ актеровъ; они съ большимъ умомъ и охотно разсуждаютъ о своихъ роляхъ. Когда репетиція кончилась, начали разговаривать о художествахъ, политикѣ, о боѣ быковъ; другъ мой Жуанъ Флоранъ съ удивительною любезностію былъ моимъ переводчикомъ. Въ этомъ кругу людей просвѣщенныхъ, учтивыхъ и добрыхъ, болѣе похожихъ на академиковъ, я очень далекъ былъ отъ идеи: видѣть въ себѣ бѣднаго Мельхіора Цапата, сельскаго автора.

Синіора Матильда была въ городскомъ платьѣ. Нынѣшній туалетъ дамъ присвоилъ себѣ Французскую шляпку, которая угрожаетъ рѣшительнымъ изгнаніемъ Испанской мантиліи; развѣ Кортесы издадутъ на этотъ счетъ особенный законъ. Матильда показывала мнѣ свои костюмы, которые блистали роскошью и отличались хорошимъ вкусомъ. Для 2-го акта выбрала она бѣлое атласное платье съ маркасситовою уборкою и висячими рукавами. Ромеа, съ своей стороны, былъ занятъ помадою, которая была вновь изобрѣтена моднымъ куаферомъ улицы Сенъ-Херонимо, и которая должна была придать Сенъ-Жоржу цвѣтъ Мулата, и съ выгодою оттѣнить его бѣлые зубы, розовыя губы и черные глаза. Въ это время явился въ обществѣ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати или двадцати пяти, о которомъ мнѣ сказали, что онъ двоюродный братъ поэта Лары.

«Кто таковъ этотъ Лара?» спросилъ я у Жуанъ-Флорана.

«Имя героя, отвѣчалъ онъ мнѣ тихо, который у Бейрона прославился своими несчастіями, а въ Кадиксѣ и дѣйствительно окончилъ жизнь еще болѣе бѣдственнымъ образомъ. Поэтъ Лора самоубійствомъ окончилъ жизнь на двадцать шестомъ году, изъ любви къ одной женщинѣ. Онъ былъ авторъ: *las Cartas de Figaro* и изъ отличнѣйшихъ писателей Мадритскаго Курьера. Маріано-Лара былъ нервическаго, почти лихорадочнаго темперамента. Онъ едва зналъ о существованіи собственнаго своего тѣла, до такой степени страсти господствовали въ его душѣ; меланхолическое очарованіе лица его еще болѣе оттѣнялось мелодическою грустію его голоса. Это былъ человѣкъ самый простосердечный, вовсе не понимающій матеріяльныхъ нуждъ жизни; наивный мечтатель, кроткій нравомъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые понимаютъ любовь подъ цѣломудреннымъ покровомъ мечтательности и молчанія. Чувствительный какъ дитя, онъ часто плакалъ самъ надъ собою.

«Я рожденъ для несчастія, повторялъ онъ друзьямъ своимъ, которые ему говорили о славѣ, потому что Лара начиналъ уже быть извѣстнымъ. Тихое созерцаніе цвѣтка, ленты, вуали, составляли всю жизнь и все счастіе Лары. Онъ никогда не ходилъ смотрѣть на бой быковъ, а лучше любилъ любоваться голубыми и шумящими волнами океана, раздробляющимися о Кадиксскій берегъ. Онъ жилъ въ Кадиксѣ, въ этомъ городѣ, столь изобильномъ балконами и прелестными женщинами. Въ одно Воскресенье шелъ онъ на обыкновенное свое гулянье къ морскому берегу, и вдругъ увидѣлъ женщину такой красоты, что, по его выраженію: «діаволъ могъ бы зажечь свою сигару въ огнѣ Андалузскихъ глазъ ея.» Первое чувство Лары, былъ страхъ, по инстинкту ли, или смутному предчувствію. Съ этого дня онъ сдѣлался печаленъ; часто блуждалъ по вечерамъ, какъ настоящій *baratero* (*); ничто ему не нравилось, ни роскошное *болеро*, но Тарифскія женщины съ большими вуалями, ни публичныя гулянья подъ большими деревьями въ улицѣ *Анча*, ни привѣтный вѣтеръ съ моря, развѣвающій занавѣски у оконъ, ни дикіе звуки *Плайе-*

(*) Воры и фальшивые игроки въ Кадиксѣ, изъ самаго низкаго класса. Они грабятъ и объигрываютъ пріѣзжающихъ туда матросовъ.

ры, рѣзко распѣваемой черным *хитаносомъ*. Все время карнавала провелъ онъ запершись дома съ книгами.

Вскорѣ, однако же, разнесся слухъ, что онъ любовникъ Синіоры N...., которой мужъ жилъ въ Манильѣ и которая была одною изъ прелестнѣйшихъ женщинъ Кадикса, съ черными, какъ крыло ворона, рѣсницами, и съ цвѣтомъ Чикланскихъ розъ на щекахъ. Эта любовь была новымъ существованіемъ для Лары, любовь романическая, какъ духъ поэта, котораго душа днемъ и ночью летала къ своему кумиру. Синіора была старѣе его тремя годами, и восторженный Лара сравнивалъ ее съ Мадонною Мурильо. Она сдѣлалась цѣлію его жизни, предметомъ всѣхъ его думъ. Въ Испаніи любовь вообще составляетъ главное занятіе жизни, единственное, серіозное. Совершенно предавшись этой любви, Лара забылъ вскорѣ всѣ свои занятія. Онъ только хотѣлъ видѣть и твердить любовь свою Ангустіи (такъ звали его любовницу). Есть имена, которыя сами собою представляютъ какую-то радость, какое-то счастіе; другія же, напротивъ того, какъ будто предрѣкаютъ грусть и трауръ. Примѣръ Гарценбурга, автора *Тервельскихъ любовниковъ*, драмы весьма уважаемой въ Испаніи, и Гарсія-Гуттереса, автора *Тровадора*, могли бы внушить Ларѣ идею испытать свое творческое дарованіе по драматической части; но онъ довольствовался незначущими стихотвореніями, въ которыхъ выливались звуки его сердца, то похожіе на изступленіе, то на голосъ страданія. Эти творенія Лары должны были умереть вмѣстѣ съ нимъ. Жизнь поэтовъ всегда такова. Свѣтъ получаетъ отъ нихъ только то, что имъ вздумается бросить ему на жертву.

Во всѣхъ любовныхъ связяхъ, напменѣе продолжительныхъ, есть минуты страсти и торжественности, въ которыя поэтъ изливаетъ на бумагу лучшія свои чувствованія, самъ того не зная. Таковы были, по увѣренію друзей Лары, пѣсни пустынной души его, особливо по отъѣздѣ его любовницы за пять миль отъ города.

Здоровье Синіоры требовало этого отъѣзда на воды, находящіяся вблизи города. Семейственныя же дѣла удерживали Лару въ Кадиксѣ. Не смотря на всѣ обѣщанія Ангустіи, Лара былъ неутѣшенъ. Она уѣхала съ одною только горничною, и отсутствіе ея не должно было продолжаться. Съ этой минуты жизнь Лары сдѣлалась совершенно отшельническою. Онъ говорилъ только съ старымъ своимъ слугою, который, какъ тюремщикъ, приносилъ ему ежедневно пищу. Слуга этотъ часто заставалъ его въ самыхъ странныхъ и дѣтскихъ занятіяхъ, напримѣръ: онъ на длинномъ столѣ раскладывалъ старыя перчатки, завядшіе букеты, ленты, башмаки и проч., принадлежавшіе Ангустіи, и на каждомъ предметѣ надписывалъ день и число пріобрѣтенія. Это былъ музеумъ любви поэта. Воображеніе обманывало его, представляя Ангустію присутствующею вмѣстѣ съ подаренными ею вещами.

Въ первую недѣлю послѣ отъѣзда, Синіора писала къ нему почти ежедневно, разсказывая о мѣстоположеніи водъ и о тоскѣ своей. «Вояжъ мой очень печаленъ и мраченъ, говорила она. И мудрено ли? Солнце мое осталось въ Кадиксѣ!»

Эта Андалузская фраза сопровождаема была тысячью подобныхъ. Только влюбленная Испанка умѣетъ составлять такія фразы. Лара плакалъ отъ восхищенія. Онъ сберегалъ эти письма, читалъ и перечитывалъ, считалъ и пересчитыталъ ихъ безпрестанно. Съ прежними, которыя Синіора писала ему въ городѣ, ихъ набралось до шестидесяти. Однажды, гуляя въ кварталѣ Хитаносовъ, онъ увидѣлъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, который держалъ подъ мышкою ларчикъ, обитый желѣзомъ.

«Продай мнѣ этотъ ящикъ,» сказалъ ему Лара, и тотъ продалъ его за четыре дуро.

Лара обилъ его бѣлымъ бархатомъ (это

былъ любимый цвѣтъ Ангустіи), и сложилъ въ ларчикъ всѣ письма.

Мало по малу, какъ это слишкомъ часто случается, переписка сдѣлалась рѣже. Сначала Лара думалъ, что Ангустія больна, и пошелъ въ церковь, чтобъ отслужить тамъ молебенъ. Возвращаясь по вечерамъ домой, онъ всегда спрашивалъ у стараго своего слуги:

«Есть ли ко мнѣ письма?»

И слуга отвѣчалъ всегда: нѣтъ!

Вскорѣ ему было совѣстно спрашивать, и онъ молча предался своей судьбѣ. Любовница его продолжала молчать. Лара хотѣлъ ѣхать самъ на воды. Онъ посовѣтовался объ этомъ съ однимъ изъ своихъ друзей, и тотъ удержалъ его.

«Если ужъ надо тебѣ все сказать, прибавилъ этотъ другъ, то знай, что Синіора N. въ эту минуту *querida* Князя В., одного богатаго Венгерскаго путешественника; у нихъ ужъ все улажено (*compromiteda*) Эта связь составилась скоро, потому что на водахъ видятся всякій день. Онъ до безумія въ нее влюбленъ, и тратитъ на нее много денегъ. Я знаю, что Ангустія сама не бѣдна, но какая женщина не хочетъ быть богаче?»

Слова эти поразили сердце Лары; онъ потребовалъ подробностей и выслушалъ ихъ спокойно, послѣ этого взялъ шляпу, и вышелъ. Общество людей всегда не любитъ страдальцевъ: Лара рѣшился избѣгать людей. Онъ не пошелъ домой черезъ *Аламеду*, гдѣ собираются всѣ праздные люди Кадикса, но направилъ путь чрезъ кварталъ Хитаносовъ. У дверей одного домика узналъ онъ мальчика, который ему продалъ ларчикъ, и который теперь сидя курилъ табакъ изъ трубки, сдѣланной изъ розоваго дерева. Мальчикъ тоже узналъ Лару и быстро, какъ обезьяна, вскочивъ, бросился въ свой домъ, и черезъ минуту вынесъ ему пистолетъ, довольно уже старый, но украшенный перламутромъ и насѣчками. Хитаносъ выхвалялъ новый свой товаръ и увѣрялъ, что бивалъ изъ этого пистолета ласточекъ. Лара улыбнулся при хвастовствѣ мальчика, однако же купилъ у него пистолетъ.

Когда онъ воротился домой, ему подали письмо. Оно было отъ Ангустіи. Какой-то туманъ покрылъ глаза его, когда онъ сломилъ печать. Синіора N. увѣдомляла его, что она на другой день пріѣдетъ въ Кадиксъ, и что ей нужно повидаться съ нимъ. Несчастные всегда недовѣрчивы, даже въ минуты счастія, и потому руки Лары дрожали, когда онъ положилъ послѣднее это письмо въ ларчикъ, подлѣ вновь купленнаго пистолета. Впрочемъ, въ сердцѣ влюбленнаго есть всегда искра надежды, и Лара старался увѣрить себя, что Ангустія опять его полюбила. Эта мысль заставила его сдѣлать еще нѣсколько глупостей: онъ накупилъ цвѣтовъ, духовъ, убралъ свою комнату какъ женихъ, и съ непзъяснимымъ трепетомъ и блаженствомъ ожидалъ свою возлюбленную.

Зазвѣнѣлъ звонокъ, и она явилась. Она была одѣта какъ на балъ, съ обнаженными руками и распущенными локонами. На ней была бѣлая атласная мантилія, которой бахрама падала на черные ея волосы, и складки кокетливо волновались. При видѣ ея, Лара пришелъ въ такое смущеніе, что не могъ сказать ни одного слова. Онъ ей подалъ только стулъ, и сталъ передъ нею, облокотясь на свой столъ. Нѣсколько минутъ прошли въ молчаніи, во время котораго Ангустія видимо собирала всѣ свои силы. Она первая начала разговоръ:

«Я пришла взять у васъ мои письма, сказала она. Между нами нѣтъ уже ничего общаго.»

Лара думалъ, что это сонъ, и передъ нимъ стоитъ привидѣніе. Невольнымъ движеніемъ указалъ онъ, однако же, на ларчикъ, и Ангустія спросила: вся тутъ ли ея переписка? Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ вздохнулъ и бросился къ по-

гамъ ея, умоляя, чтобъ она ему оставила этотъ залогъ прежняго его счастія.

«Я знаю, что у васъ есть любовникъ, сказалъ онъ ей.... Поклянитесь мнѣ, что вы оставите этотъ ларчикъ.... иначе....»

Лара схватилъ пистолетъ.

«Вы застрѣлитесь, отвѣчала она со смѣхомъ.... Что за мысль!...»

Эта мысль давно уже у меня въ головѣ... Да, Ангустія! я застрѣлюсь, потому что вы разорвали послѣднюю связь, которая привязывала меня къ жизни.... Смерть моя необходима....»

При этихъ словахъ Лара направилъ пистолетъ на грудь свою. Ангустіа смотрѣла на это равнодушно.

Вы играете комедію (*saynete divertido*), сказала она съ убійственнымъ хладнокровіемъ.... Но я хочу имѣть мои письма.... они мнѣ нужны....»

«Они въ этомъ ларчикѣ..... У меня ничего не осталось кромѣ ихъ ... Оставьте ихъ у меня, и я брошу свой пистолетъ... Но если вы ихъ возьмете, если переступите за порогъ, то клянусь вамъ именемъ *Virgen del Carmen*, что я въ ту же минуту умерщвлю себя....»

Ангустіа взяла ларчикъ, и бросивъ взглядъ презрѣнія на бѣднаго юношу, какъ на актера, дурно сыгравшаго свою сцену, ушла.

Но едва вышла она на улицу, какъ раздался выстрѣлъ. Лара сидѣлъ въ креслахъ, глаза его были открыты и устремлены на дверь, въ которую ушла Ангустія. Онъ выстрѣлилъ себѣ прямо въ сердце, и пистолетъ лежалъ у ногъ его.

Старый слуга провожалъ Ангустію. Услышавъ выстрѣлъ, она поблѣднѣла и закачалась... Однако же не смѣла воротиться. Мертвый Лара былъ для нее слишкомъ страшенъ.

Провидѣніе вскорѣ показало ее. Она поѣхала къ мужу своему, въ Манилью, и погибла при переѣздѣ, въ кораблекрушеніи брига *Union*. Слуга Лары сошелъ съ ума, и умеръ въ *casa de los Locos*, стоящемъ на берегу морскомъ.

Вы видите, продолжалъ разскащикъ, что въ каждой литературѣ есть свои убитые.... Подлѣ Вертера, у насъ есть Лара, съ тою разницею, что Лара былъ поэтъ, а Вертеръ Нѣмецкій мечтатель, сентиментальный глупецъ.

Эта романическая исторія, справедливая однако же во всѣхъ отношеніяхъ, растрогала меня. Я ушелъ изъ театра въ самомъ печальномъ расположеніи духа, и даже не взглянулъ на афиши, которыя въ ту минуту приклеивали. Я очень дурно обѣдалъ: Лара испортилъ весь мой аппетитъ. Ввечеру я былъ очень удивленъ, увидя у дверей моихъ карету Маркиза М., который прислалъ позволеніе ѣхать со мною въ спектакль.

Зала была полна; туалетъ дамъ былъ самый блистательный. Ромеа въ особенности любилъ роль Сенъ-Жоржа. Онъ въ ней такъ же хорошъ, какъ и Лафонъ, и умѣлъ придать ей въ третьемъ актѣ силу и суровость, совершенно въ новомъ родѣ. Скніора Матильда играла роль Графини, и я чрезвычайно удивился, найдя въ Мадритѣ актрису, которая не видавъ ни Марсъ, ни Евгеніи Соважъ, умѣла слить оттѣнки игры ихъ обѣихъ. Я даже видѣлъ нѣчто новое въ созданіи этой роли, благодаря прекрасной фигурѣ Матильды, ея искусному туалету, ея милой улыбкѣ и прелестнымъ тѣлодвиженіямъ. Въ антрактахъ оркестръ игралъ національныя пѣсни, и между прочимъ *гимнъ Riego*. По окончаніи комедіи, я хотѣлъ благодарить актеровъ за прекрасное выполненіе ролей, какъ вдругъ въ залѣ раздались крики: *que salga l'autor! que salga!* и взоры всѣхъ обратились къ ложѣ Герцога О.... гдѣ я скрывался на задней лавкѣ. Не зная еще, что публика Мадритская самая деспотическая въ свѣтѣ, и что отказываться отъ ея вызововъ величайшее преступленіе, я закутался въ плащъ и старался скрыться; но какой-то черный господинъ,

родъ театральнаго алькада, объявилъ мнѣ, что я долженъ выйти на сцену. Дѣлать было нечего. Толпы друзей вытолкнули меня, и я долженъ былъ раскланиваться съ соотечественниками Сервантеса, Кеведо и на сценѣ Кальдерона. Когда подняли завѣсу для этой церемоніи, Ромеа держалъ меня за одну руку, а въ другой была рука Матильды. Я былъ блѣденъ, какъ преступникъ....

Воротясь домой, я не могъ уснуть. Я все думалъ о Ларѣ, который погибъ, не бывъ увѣнчанъ....

Р. Е.

ПИКАРЪ.

Ни одна изъ разныхъ отраслей литературы, переданныхъ XVII вѣкомъ XVIII-му, совершенно развитыхъ и оплодотворенныхъ отъ его вліяній, не измѣнилась такъ скоро и ощутительно, какъ комедія. Когда исчезло поколѣніе комиковъ, родившихся отъ Моліера и возмужавшихъ подъ его опекою, Реньяръ, Дюфрени, Данкуръ, столь простодушные и заносчивые? Когда Лесажъ даровалъ роману кисть, написавшую *Тюркаре*, тогда комедія сошла съ своего пути, и подвергнулась своевольямъ воображенія или парадоксамъ ума односторонняго.

Впрочемъ это было переворотомъ необходимымъ и слѣдствіемъ направленій новаго общества. Въ то время строгаго изслѣдованія и безпощадной насмѣшки, когда простодушіе (le naïf) было смѣшно, когда порча нравовъ унижала и смѣшивала состоянія, можно ли было, чтобы комедія не потеряла нѣкоторыхъ преимуществъ и выпуклости своего языка? Конечно, нѣтъ; покорная ходу обстоятельствъ, она была правоучительна и насмѣшлива, переходя отъ памфлета Вольтера къ *нравственнымъ изрѣченіямъ* Детуша или *проповѣдямъ преподобнаго отца Лашоссе*, какъ говорилъ Пиронъ, тотъ остроумный стихотворецъ, который изображая и самаго себя, былъ истиннымъ комикомъ. Но послѣ образцоваго произведенія *Страсти къ стихотворству* (la Métromanie) и нѣкоторыхъ прекрасныхъ сценъ изъ *Злаго* (Méchant), комедія ослабѣла въ рукахъ Марво и Дора, которые испестривъ тонкими остротами и ограннвъ зеркало ея тысячью граней, отразили въ немъ вычурныя прелести и пріемы кокетокъ того времени. Подъ перомъ сихъ изслѣдователей эфирнаго вещества чувствительности, скоро выпарилась со сцены вся комическая соль, и чтобы почувствовать грубый ея вкусъ, надобно было итти слушать площадныя остроты, или тѣ потѣшныя пословицы, которыми Колле приправлялъ ужины въ Банолетскомъ Замкѣ, картины одушевленныя остроуміемъ, но столь грязныя, что ихъ представляли только въ часы веселаго похмѣлья, подъ скромною защитою ширмъ.

Упадокъ не могъ простираться далѣе; онъ возставилъ противъ себя всѣхъ здравомыслящихъ людей, обратившихся къ тѣмъ образцовымъ произведеніямъ наставника, которыя играли только въ пустынѣ и чтобы не упрекать себя. Около Моліера, навремя забытаго, возстала цѣлая

секта изступленныхъ поклонниковъ; тогда-то Седенъ обрекъ сборъ за одну изъ своихъ піесъ для бюста *величайшаго изъ комиковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ;* Мерсье, котораго страсть къ преобразованію доходила до нелѣпости, требовалъ, чтобы на фронтонѣ Французскаго Театра сдѣлали надпись: *Здѣсь не играютъ ни Расина, ни Корнеля, ни Вольтера, а одного только Моліера.* Эта *моліеромапія* (обстоятельство породило слово) кончилось воплощеніемъ въ Кальявѣ (Caillava), достойномъ, впрочемъ, по своимъ урокамъ и примѣрамъ, имени *одного изъ возстановителей хорошей комедіи,* которое Пикаръ вырѣзалъ на его гробницѣ. Присовокупимъ къ нему Дидерота, въ драматическихъ теоріяхъ котораго, между нѣсколькими парадоксами, блестятъ яркія замѣчанія, Шапфора, который въ своемъ *похвальномъ словѣ Моліеру*, становится въ ровень съ предметомъ, и раскрываетъ его со всѣхъ сторонъ, наконецъ Лагарпа, которому презрѣніе его къ Плавту и удивленіе Детушу не воспрепятствовали вполнѣ постигнуть геній творца *Тартюфа* и *Мизантропа.*

Таковыя направленія критики и перемѣна нравовъ, съ приближеніемъ 1789 года, не замедлили обнаружиться на комической сценѣ. Одинъ Бомарше успѣлъ тамъ заслужить рукоплесканія, болѣе за искусное расположеніе завязки и увлекательность неистощимаго воображенія, нежели за достоинство своихъ дѣйствующихъ лицъ. Уже Фабръ-д'Эглантинъ, писатель съ сильнымъ духомъ, но неправильный по предубѣжденію, въ *Людмилѣ Моліера,* попалъ на источникъ хорошей комедіи, которая, будучи основана на характерахъ, развивается естественнымъ образомъ одною игрою ихъ наклонностей. Въ то же время, изъ скромнаго убѣжища улицы Св. Іакова, гдѣ они жили вдали отъ свѣта и вредоносныхъ его вліяній, выступали къ комедіи Французской два молодые поэта, съ умомъ прямымъ, характеромъ откровеннымъ и живымъ. Это были Андріе и Колленъ д'Арлевилль, оба авторы піесъ, написанныхъ со вкусомъ, который уже не существовалъ, которыхъ правильная изящность, одушевленная иногда выраженіемъ трогательнымъ, дышитъ людскостію и задумчивою прелестью Теренція. Но имъ обоимъ, какъ и Римскому поэту, недоставало той комической силы и того живаго инстинкта наблюдательности, которые, схватывая на лету смѣшныя стороны, искусно выражаетъ ихъ въ оригинальныхъ формахъ. Этотъ даръ, котораго у нихъ не было, они открыли у одного изъ своихъ друзей, непосредственнаго ихъ преемника на театрѣ, и котораго они поспѣшили ввести туда. Пикару предоставлена была честь возродить комическую сцену, замѣнивъ единствомъ и простотою въ расположеніи вычурныя арабески Мариво или запутанную завязку Бомарше, изображеніемъ истинныхъ характеровъ, иногда поверхностныхъ, но всегда выражающихъ рѣзкую сторону физіономіи своего времени. Комедія нравовъ, вотъ область Пикара, куда стремился онъ и направленіемъ своего таланта, и вліяніями ума критическаго. Но прежде, нежели мы за нимъ туда послѣдуемъ, намъ должно разсказать о продолжительныхъ его испытаніяхъ на новомъ для него драматическомъ поприщѣ, и какими тягостными усиліями онъ открылъ себѣ доступъ къ театру, который ему было суждено озарить новою славою.

Лудовикъ-Бенуа Пикаръ, родился въ 1769 году, въ Парижѣ, природномъ отечествѣ Французскихъ комическихъ поэтовъ. Онъ былъ сынъ весьма замѣчательнаго адвоката, оставившаго на судебномъ поприщѣ воспоминанія о своемъ краснорѣчіи и рѣдкой честности, о коихъ недавно еще напомнили записки Берье отца. По обыкновенію, онъ предназначалъ Лудовика, старшаго своего сына, послѣдовать ему въ избраніи его поприща, самаго почтеннаго, по его мнѣнію, что и справедливо.

Впрочемъ, счастливыя расположенія сына весьма способствовали предначертанію отца, не потому, чтобы онъ въ коллегіи Лудовика Великаго отлично зналъ классическихъ писателей, но открытая его физіономія, увлекательность, острота ума радовали сердце добраго адвоката, который предугадывалъ, что искусившись въ судебныхъ дѣлахъ, этотъ умъ будетъ стоить золота. Между тѣмъ, онъ позволялъ ему писать стихи, чѣмъ и самъ при нѣкоторыхъ случаяхъ занимался, говоря при семъ: это хорошо для отдыха, но по ремеслу, конечно, не годится. Посему съ трепетомъ видѣлъ онъ, что сынъ его принимаетъ за важное стихотворныя бездѣлки, и занимается ими страстно; еще хуже, когда при выходѣ изъ училища, молодой Пикаръ обнаружилъ самое сильное отвращеніе къ законовѣдѣнію и дѣлопроизводству. Тогда между двумя этими людьми, соединенными самыми тѣсными узами крови и дружбы, началась борьба плачевная, но довольно часто повторяющаяся, когда, увлекаемый непреодолимымъ призваніемъ, сынъ видитъ себя въ необходимости нарушить волю отца своего, и не можетъ сдѣлать того безъ непослушанія. Для уступчивости, Пикаръ продолжалъ учиться правамъ до степени доктора; но достигнувъ сего званія, онъ рѣшительно отказался итти далѣе. Его честолюбіе было иное и увлекало его вполнѣ къ театру. Это сокрушало его отца. Между тѣмъ временемъ, къ нему пришелъ Тиссотъ, бывшій тогда главнымъ прокурорскимъ писаремъ.

Поговоривъ о дѣлахъ, Пикаръ сказалъ ему о своемъ сынѣ, которому Тиссотъ былъ соученикомъ: зачѣмъ онъ не слѣдуетъ вашему примѣру; вы, по крайней мѣрѣ, избрали добрый путь; но онъ, какими вздорами занимается? Стихами, комедіями, романами, и тому подобнымъ! И вотъ, прибавилъ онъ, выдвинувъ ящикъ изъ письменнаго его стола, вотъ его произведенія. Потомъ прочитавъ стихи своего сына съ жаромъ и со всею авторскою отчетливостію: «между тѣмъ согласитесь, сказалъ онъ Тиссоту, полусмѣясь, полусердито, согласитесь со мною, что проказникъ малой умный, но зачѣмъ онъ не адвокатъ!»

Вопреки отеческихъ увѣщаній, Пикаръ шелъ своею дорогою. Онъ наскоро сочинялъ комедіи, играть которыя отказывали ему непзмѣнно, что самое усиливало предубѣжденіе адвоката и подавало ему противъ его сына жестокое оруді́е — насмѣшку. Наконецъ онъ рѣшился кончить однимъ разомъ, и позвавъ Пикара, сказалъ ему: Ты все еще упорствуешь избрать самое почетное поприще, которое, по милости моей, у тебя подъ рукою?—Но, возразилъ робко молодый человѣкъ..—Я тебя понимаю; хорошо, избери другое, я предоставляю тебѣ свободу. Но у тебя нѣтъ состоянія, а потому необходимо званіе, которое бы тебя питало; на комедіи же твои плохая надежда. Еще, если бы ихъ играли... И такъ, я даю тебѣ двадцать четыре часа для избранія рода жизни.

На другой день Пикаръ объявилъ, что онъ желаетъ быть книгопродавцемъ. Книгопродавцемъ, хорошо, сказалъ отецъ, и спустя нѣсколько дней, онъ приказалъ ему ѣхать въ Нантъ, гдѣ помѣстилъ его, для пріобрѣтенія опытности, въ одинъ превосходный книготорговый домъ. Пикаръ былъ оглушенъ этимъ ударомъ; это была одна изъ тѣхъ засадъ, на изобрѣтеніе которыхъ способны лишь одни отцы. Изгнаніе въ Нантъ въ то время, когда Парижъ становился ему болѣе и болѣе необходимымъ для его склонностей и надеждъ, ибо въ Парижѣ только играли комедію, и тамъ же, рано или поздно, стали бы играть его произведенія. Между тѣмъ повиновеніе было необходимо; онъ поѣхалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, обѣщаясь возвратиться какъ можно скорѣе. Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ прибылъ въ отеческій домъ,

объявилъ, что во что бы то ни стало, ему необходимо пребываніе въ Парижѣ и свобода въ упражненіи своихъ литературныхъ склонностей.

Отецъ его былъ непреклоненъ. Раздраженный упорствомъ, которое онъ почиталъ достойнымъ сожалѣнія, онъ приказалъ ему оставить его домъ, не желая кормить праздполюбца, и назначилъ ему на содержаніе самую ограниченную сумму, чтобы онъ лишь не умеръ съ голода. Но тщетно ожидалъ онъ, что въ борьбѣ съ бѣдностію, призваніе, которымъ тщеславился сынъ его, исчезнетъ само собой. Если бы не горести отца, которыя онъ чувствовалъ не смотря на его строгость, Пикаръ, имѣя свободу заниматься и писать, не сталъ бы обвинять свою судьбу. Веселость его утѣшала въ бѣдности, и питаясь каштанами, своимъ любимымъ кушаньемъ, онъ безпрестанно писалъ комедіи. Къ несчастію, если онъ не уставалъ писать ихъ, то не уставали и отказывать въ принятіи ихъ на сцену. Тринадцать піесъ такимъ образомъ были ему возвращены, съ похвалами, впрочемъ, за слогъ и комическую цѣль начинающаго писателя, котораго съ вѣжливостію провожали за дверь. Пикаръ не догадывался въ чемъ дѣло, сердился на глупость директоровъ, но не унывалъ; подъ личиною легкаго и уступчиваго характера онъ скрывалъ самую упорную волю, которая однажды назначивъ себѣ цѣль, стремилась къ ней непоколебимо. Послѣ столькихъ неудачъ, отъ нѣкотораго рода суевѣрнаго страха, легко оправдываемаго, онъ не смѣлъ уже самъ собой располагать судьбою своихъ піесъ. Въ этомъ случаѣ онъ прибѣгалъ къ посредству, почти всегда тягостному, между прочими, къ друзьямъ своимъ, Андріё или Дро. Наконецъ, по успѣшнымъ переговорамъ и настояніямъ Андріе, на театрѣ Королевскаго брата (*théâtre de Monsieur*) приняли его піесу въ одномъ дѣйствіи, *Опасная шутка*. Она имѣла неполный успѣхъ, и даже въ первое представленіе одинъ весельчакъ закричалъ, что для автора будетъ опасно часто возобновлять эту шутку.

Между тѣмъ, въ этотъ день Пикаръ былъ въ самомъ живомъ и трогательномъ волненіи. Чтобъ видѣть свою піесу, онъ взялъ билетъ въ кассѣ, и совершенно неизвѣстный помѣстился среди театра, гдѣ было еще много незанятыхъ мѣстъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ въ самомъ темномъ углу одной ложи своего отца, который, сокрытый отъ взора всѣхъ, былъ видимъ только глазомъ сына. «Ахъ! говорилъ Пикаръ, любившій разсказывать этотъ анекдотъ, если бъ всѣ добрые люди, бывшіе въ театрѣ, знали сколь сдѣлалась для меня драгоцѣнна моя піеса, то съ какимъ усердіемъ они стали бы мнѣ рукоплескать!»

Близокъ былъ день, въ который ему было суждено стяжать рукоплесканія, которыя онъ теперь тщетно призывалъ. Но тогда жестокое воспоминаніе отравило бы его упоеніе. Отецъ его не услышитъ этихъ рукоплесканій. Онъ умеръ почти примирившись съ своимъ сыномъ, не ощутивъ счастія признать себя побѣжденнымъ его успѣхами.

Такимъ образомъ юность Пикара была подвергнута сильнымъ испытаніямъ, и воспоминаніе о нихъ можетъ имѣть свою пользу, особливо теперь, когда столько безбородыхъ геніевъ почитаютъ себя мучениками общества, обвиняя его въ томъ, что оно ничего для нихъ не дѣлаетъ, когда они сами ничего для него еще не сдѣлали. Конечно, если бы поэта стали мѣрить, какъ рекрута, то лучше бы оставивъ его въ военной школѣ, позволить ему вырости тамъ на свободѣ; но вопреки чрезпословамъ, этотъ пробный камень призваній литературныхъ еще не найденъ. И такъ, предоставьте таланту возмужать собственными усиліями и бѣдствіями, и послѣдуемъ примѣру Пикара, который въ борьбѣ съ препятствіями, перенесъ бы ихъ

безъ жалобы, если бъ онъ долженъ былъ страдать одинъ.

Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго во множествѣ его безплодныхъ попытокъ. Приступая къ театру съ неопытностію первой молодости, Пикаръ долженъ былъ испытать много неудачъ, и ни сколько не удивляясь тому, мы похвалимъ еще силу столь раннюю, съ которою, отъ двадцати двухъ до двадцати пяти лѣтъ возраста, написаны имъ многіе піесы. Все совокупилось для содѣйствія ему, и вліяніе литературныхъ мнѣній, упомянутыхъ нами въ началѣ, и движеніе въ эпоху, столь благопріятную для драматическихъ вдохновеній. За то какое разстояніе между избитою завязкою его *Новыхъ близнецовъ* и тою рѣзкою живописью нравовъ въ піесѣ: *Прошедшее, настоящее и будущее*, которою начинается вторая часть его драматическаго поприща.

Самъ Пикаръ извѣщаетъ насъ о такомъ быстромъ преобразованіи. «Во время республики, говоритъ онъ, авторъ одушевлялся всѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя; все дышало энтузіасмомъ.» По самому заглавію, эта піеса обѣщаетъ рядъ картинъ, изображающихъ постепенно три эпохи, родъ описательной комедіи (comédie épisodique), въ послѣдствіи столь часто возобновленной и первая мысль которой, по праву, принадлежитъ Пикару. *Прошедшее*, это царствованіе Лудовика XV; *Настоящее*, возвышеніе народа на развалинахъ людей привилегированныхъ; наконецъ *Будущее*, которое должно еще родиться, представляетъ намъ на сценѣ филантропическія утопіи, бывшія въ большомъ ходу въ то время, равно какъ и въ наше. Изъ сего послѣдняго плана комедія исчезаетъ и превращается въ мечтательность; но выраженіе ея остается вѣрнымъ и сильнымъ, когда она изображаетъ безпутство сильныхъ прежняго времени, и смѣшную сторону ихъ чванства. Въ этомъ предметѣ заключалось много комическаго, и Пикаръ рѣзко представилъ его. Почему почтеннымъ дѣйствующимъ лицамъ, которыя онъ имъ противополагаетъ, мы въ особенности предпочитаемъ маркиза Дюрибара, выразительнаго типа всѣхъ Жанъ Дю Барри прежняго царствованія; его брата, одного изъ тѣхъ архіепископовъ, столь обыкновенныхъ тогда, которые отправляли въ свои паствы учениковъ семинаріи, а сами играли въ комической оперѣ въ Тріановѣ, и слугу ихъ Дежанъ, родъ Фигаро, столь же хитраго и болѣе развратнаго, нежели образецъ, изъ котораго въ послѣдствіи Пикаръ сдѣлалъ *Жилблаза революціи*. Между прочими характеристическими сценами замѣчательна та, въ которой Дежанъ продаетъ свою сестру маркизу, своему господину, продавшему свою королю, и напоминаетъ ему о томъ съ самымъ ѣдкимъ простодушіемъ:

Да, я теперь сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ; всѣ въ Парижѣ живутъ, какъ я; я сдѣлалъ для своего господина то же, что онъ для короля (*). Вся сцена *клуба привилегированныхъ* написана такимъ слогомъ, котораго полнота и сила послѣ не возобновлялись у Пикара. Это достоинство, если бъ даже было единственнымъ въ его произведеніи, обнаружило бы въ двадцати-двухъ-лѣтнемъ писателѣ умъ единственной зрѣлости. По форма не затемняетъ основы, и яркость красокъ лишь вѣрно оттѣняетъ черты характеровъ, и во всемъ блескѣ даетъ выраженіе физіономіямъ.

Къ несчастію, Пикаръ не удержался на той высотѣ, которой онъ достигъ съ перваго раза, и по влеченію обстоятельствъ, другія піесы его той же эпохи во многомъ уступаютъ по слогу и комической силѣ этой первой комедіи, которую необыкновенныя препятствія удали-

(*) Ah! je me suis défait de mes façons grossières.
Tout le monde à Paris se conduit comme moi:
Je fais pour monseigneur se qu'il fait pour le roi.

ли со сцены, и которую вновь приняли уже по смерти автора. Упомянемъ однако же о *Сестрахъ милосердія* (les Visitandines), гдѣ среди заманчивыхъ положеній, встрѣчаются прелестные очерки автора *Вера-Вера;* объ *Андросѣ и Альмонѣ*, въ которой, при помощи Александра Дюваля, Пикару удалось перенести на сцену одну изъ удивительныхъ повѣстей Вольтера, *Задига*, (ибо, замѣтимъ мимоходомъ, въ то время театръ, равно какъ ораторы и книгопечатаніе, заимствовали вдохновеніе непрестанно у писателей философической школы); о *Подозрительныхъ, Истинной храбрости*, двухъ забавныхъ комедіяхъ, въ которыхъ также участвовалъ Дюваль, наконецъ о нѣкоторыхъ случайныхъ піесахъ, *Розѣ и Авреліи, Школьникѣ въ каникулы*, а въ особенности *Взятіи Тулона*, военномъ смотрѣ, въ которомъ забавно представлены Папскіе солдаты и отставшіе изъ лагеря при Кобленцѣ, въ сравненіи съ храбрецами республиканскими. Одинъ извѣстный человѣкъ того времени изображенъ тутъ *смѣшнымъ лицемъ*, и на Тулонской Скалѣ, при пушечномъ сигналѣ къ нападенію, разсуждающимъ съ своими приверженцами, какимъ образомъ приличнѣе вступить въ Парижъ, верхомъ или въ каретѣ. Спектакль оканчивается взятіемъ крѣпости при кликахъ: *да здравствуетъ Франція*, сопровождаемыхъ пѣснію побѣды и признательности избавителямъ отечества.

Легко вообразить поступленный успѣхъ этихъ представленій, въ которыхъ живѣйшая изъ тогдашнихъ страстей занимала первую роль, гдѣ зрители, непрестанно поставляя себя на мѣсто поэта, съ жадностію принимали его слова и аплодировали имъ со всѣмъ жаромъ убѣжденія. При такомъ условіи, эти произведенія, почти ничтожныя относительно искусства, заслуживаютъ вниманіе историка, и мы снова ссылаемся на добросовѣстность Пикара. «Въ то время, говоритъ онъ, когда Франція выступала къ границамъ, необходимо было возбуждать народъ, и театръ оказалъ большія услуги. Я поставляю себѣ за славу, исполнивъ свой долгъ гражданина.» Но если онъ присоединялся умомъ и сердцемъ къ великодушнымъ порывамъ патріотизма, то постоянно отказывался служить фанатизму нѣкоторыхъ демагоговъ, и какъ справедливо сказалъ о немъ Лагарпъ, онъ избѣгнулъ революціонной грубости, равно какъ и заразы ложнаго остроумія, еще не исчезнувшаго со сцены. Странное дѣло, въ это великое и ужасное время, въ царствованіе террористовъ, любовные вздоры Марива и Дора находили еще подражателей. Вижe, Демутье, Виконтъ Сегюръ писали мадригалы среди крови и развалинъ, и произведенія ихъ, исполненныя благоуханія будуаровъ, читали между *великимъ декретомъ конвента* и *патріотическими письмами отца Дюшена*. Съ другой стороны, достойные соревнователи такой журналистики, народные возмутители партіи Гебера и Шомета, заражая театръ своимъ вліяніемъ, заставляли играть отвратительныя нелѣпости Арто и Сильвенъ Маршала. Благодаря своему здравому смыслу и прямотѣ характера, Пикаръ избѣгнулъ этихъ подводныхъ камней, и когда утихла революціонная гроза, когда каждый гражданинъ долженъ былъ содѣйствовать отечеству своею рукою или умомъ, онъ предался независимому занятію своимъ искусствомъ и не выходилъ изъ надлежащихъ его границъ. Не отвращая взоровъ отъ подвижнаго зрѣлища общества, не переставая заимствовать изъ него образцы и краски для картинъ своей комедіи, онъ откинулъ обстоятельства мѣстныя и случайныя. Изображенія его получили отъ того болѣе выпуклости и глубины, и составили родъ исторической галереи, вѣрно представляющей всѣ измѣненія нравовъ въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ.

Галерея эта блистательно открывается

Посредственностью и Низостью (Médiocre et Rampant), одною изъ тѣхъ его комедій, гдѣ даже, если вѣрить въ томъ Арно, Пикаръ сдѣлалъ шагъ въ область Моліера. Похвала сильная, но въ нѣкоторомъ отношеніи справедливая. Конечно, тутъ нѣтъ мастерской его кисти, ни глубоко и вѣрно схваченной правды его портретовъ, но характеръ жалкаго и пресмыкающагося Доривала, характеръ Г-жи Дорлисъ, матери министра, въ существѣ доброй женщины, сохранятся всегда, подобно родственной ей Г-жи Сенклеръ, въ *Школѣ стариковъ*.

Для свѣтскихъ удовольствій большой запасъ нѣжности; въ особенности характеръ Лароша, честнаго человѣка, у котораго сердце лучше головы, который откровенностью въ своихъ нападеніяхъ подаетъ безпрестанно Доривалю, котораго онъ хочетъ запутать, оружіе противъ самаго себя; всѣ эти характеры, говоримъ мы, схвачены живо и выдержаны вѣрно на разныхъ планахъ картины.

Однако же, похвалы эти требуютъ нѣкотораго ограниченія. Здѣсь Пикаръ выполнилъ только часть своей задачи. Сколько, думаю я, по разборчивости честнаго человѣка, столько же за неимѣніемъ полной свободы, онъ не смѣлъ при директоріи, какъ дѣлалъ Лесажъ при Лудовикѣ XIV, живописать свое время таковымъ, какъ оно было, со всѣми его пороками и смѣшными сторонами. Для пройдохи низшаго слоя, котораго онъ принесъ въ жертву нравственности, сколько доблестей навязываетъ онъ другимъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ! Между тѣмъ приходилось ли тогда десять честныхъ людей на одного плута, и счетъ на оборотъ не будетъ ли истиною?

Неудовлетворительная какъ выраженіе нравовъ, комедія эта погрѣшаетъ еще въ подробностяхъ слога, конечно, правильнаго, но безжизненнаго, слабаго. Пикара не посѣтило снова то вдохновеніе, которое внушило ему стихи его первой хорошей комедіи. Посему онъ и писалъ болѣе прозою, хотя превозносилъ превосходство стихотворной формы. Мы съ своей стороны не можемъ вполнѣ съ нимъ согласиться. Если дѣйствующія лица говорятъ языкомъ простымъ, естественнымъ, сообразнымъ съ ихъ характерами и званіями, въ стихахъ ли, въ прозѣ ли, все равно, намъ кажется. Напротивъ еще, если стихи не имѣютъ плодовитости Моліера или отдѣлки, какъ у Расина, то безъ всякаго сомнѣнія лучше проза съ гибкими оборотами, нежели форма болѣе точная можетъ быть, но весьма часто сжимающая порывы ума комическаго. Пикаръ хорошо сдѣлалъ, что отказался отъ нея, потому, что чувствовалъ ея упорство.

Впрочемъ, еслибъ онъ и хотѣлъ того, то времени недоставало ему писать стихами піесы, которыя онъ долженъ былъ самъ и играть и ставить на сцену. Съ 1798 по 1807, Пикаръ, подобно Плавту, Моліеру и Шекспиру, былъ вмѣстѣ авторомъ, актеромъ и директоромъ; не смотря на то, талантъ его былъ на высшей точкѣ своего развитія, подъ такимъ тагостнымъ бременемъ. Съ неутомимою дѣятельностію, которую поддерживало здоровое тѣлосложеніе, съ быстрою и обширною памятью, присутствіемъ духа онъ вездѣ поспѣвалъ и всѣмъ распоряжался. Между двухъ репетицій, двухъ визитовъ, оставалась ли ему свободною четверть часа, тотчасъ онъ принимался за свои піесы, и продолжалъ начатую страницу съ удачею, которую друзья его не могли понять. Какимъ образомъ умѣете вы, сказалъ ему одинъ изъ нихъ, держать вдохновеніе свое всегда въ запасѣ, не развлекаясь множествомъ занятій?—Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ Пикаръ, у меня одно дѣло—мои сочиненія, и занимаясь грубымъ дѣломъ, я все таки не теряю изъ вида моей комедіи.

Для облегченія хлопотъ въ управленіи театромъ, Пикаръ умѣлъ привязать къ себѣ сердца тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ руководить. Ничто не могло быть

для него легче этого, и дѣло сдѣлалось почти само собою; ибо онъ былъ столь преданнымъ другомъ, столь веселымъ товарищемъ, что невольно привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Такимъ образомъ небольшая его труппа вскорѣ составила какъ бы одно семейство, котораго онъ былъ болѣе отцемъ, нежели директоромъ. Это доброе согласіе не препятствовало развитію талантовъ; напротивъ, образовало нѣсколько замѣчательныхъ актеровъ. Но театральная слава такъ скоро исчезаетъ, что нынѣ мы едва знаемъ о нихъ. Однако жъ, имена Клозеля, де Виньи, Пикара младшаго, брата нашего автора, и занимавшаго съ успѣхомъ роли слугъ, Г-жъ Моле, Пелисье и Леверъ, еще не забыты любителями. Что касается до Пикара, хотя игра его была не безъ достоинства, но авторской славѣ своей онъ многимъ обязанъ въ успѣхахъ, какъ актеръ. Его голосу, какъ и мимикѣ, недоставало выразительности и гибкости. Но присутствіе его на сценѣ производило въ актерахъ соревнованіе, не мало споспѣшествовавшее общему эффекту. За то театръ его часто посѣщали даже знаменитые писатели. Шенье постоянно занималъ свое мѣсто въ оркестрѣ, а Колленъ-д'Арлевилль, Андріе, Лемерсье, Этьень, Дро и Дюваль почти всякой вечеръ являлись въ ложу Пикара. Тогда между залою Лувуа и театромъ Ришельевской Улицы послѣдовало соревнованіе, имѣвшее благопріятное вліяніе на успѣхи драматическаго искусства. Французская Комедія по необходимости должна была соперничать въ дѣятельности съ театромъ Лувуа, поставлявшимъ безпрестанно старыя и новыя піесы, не включая тѣхъ, которыми Пикаръ неутомимо обогащалъ его репертуаръ.

Онъ началъ на немъ свое авторское поприще *Сосѣдями* и *Побочнымъ родственникомъ* (le Collatéral). Въ рамѣ одного дѣйствія, *Сосѣди* представляютъ картину совершенно комическую тѣхъ докучливыхъ людей, которые важничаютъ, и подъ предлогомъ оказывать вамъ услуги, въ которыхъ вы не имѣете надобности, располагаются у васъ съ непоколебимою самонадѣянностью. *Побочный родственникъ* то же, что Пурсоньякъ. Но изображая съ Моліера эту удивительную карикатуру, Пикаръ передѣлалъ основу картины, изъ которой выходятъ неподдѣльныя физіономіи.

Не смотря на увлекательную ея веселость и забавныя нечаянности приключеній, піеса эта не иное что какъ фарсъ, *карикатура*, говоря языкомъ мастерской. Уродливость же рѣдко доставляетъ портреты. Для выраженія комической правды нужны не столь рѣзкіе тоны, не столь внезапныя противоположности; ей не должно никогда изумлять, но привлекать скромнымъ выборомъ и гармоническою постепенностью своихъ красокъ. Пикаръ это чувствовалъ, и какъ вдохновеніе его всегда было готово, то онъ написалъ *Уѣздный городъ* (la Petite Ville).

Одно мѣсто изъ Лабрюера доставило ему къ тому предметъ, ибо онъ безпрестанно заимствовалъ у поэтовъ, моралистовъ идеи, новые взгляды на предметы, оттѣняя ихъ свѣтомъ драматической перспективы, какъ это видно и здѣсь. Его картина нравовъ окончательная и мастерская. Мы не говоримъ о завязкѣ, конечно, недостаточной; но замѣтенъ ли этотъ недостатокъ, когда онъ выкупается блескомъ комической правды? Слогъ всегда простъ и сообразенъ съ положеніями дѣйствующихъ лицъ. Онъ въ высочайшей степени имѣетъ достоинство естественности, столь замѣчательное у Пикара, и дозволяющее, какъ краснорѣчиво сказалъ Вильменъ, «произносить его имя въ полголоса послѣ великаго имени Моліера.» Эта комедія превосходна, счастливая дружка (pendant) *Графини Эскарбаньясъ*, и не должно удивляться, если она всегда была любимою піесою Пикара. Въ концѣ своей жизни, однажды опечаленный нѣкоторыми неудачами, онъ съ го-

рестью воскликнулъ: «Я заблуждался на счетъ своихъ способностей, я не рожденъ для комедіи, я ничего тутъ не смыслю,» и вдругъ съ нѣкоторою гордостію прибавилъ: и не смотря на то, что написалъ *Уѣздный городъ*. Конечно, она самый прочный его памятникъ; но собственное его предпочтеніе вынуждаетъ ли наше? Мы это увидимъ, говоря о *Кукольной комедіи* (Marionnettes) и *Ванглась* (Vanglas).

Съ Пикаромъ сбылось бы несчастіе, если бъ *Уѣздный городъ* не имѣлъ успѣха. Но, странное дѣло: критика была въ этомъ случаѣ благосклоннѣе зрителей. Жоффруа, между прочими, (событіе достойное быть упомянутымъ), неустрашимо взялъ сторону автора, и съ негодованіемъ отозвался за холодный пріемъ этой комедіи, исполненной правды и чистосердечія. Нѣсколько разъ Гофманъ и Лемерсье въ томъ же смыслѣ говорили о публикѣ Пикара. Охотно смѣялась она въ его піесахъ, но въ самомъ смѣхѣ и рукоплесканіяхъ какъ бы боялась унизиться. Безпрестанно нужны были Мариво и Дора, Дора и Мариво, для этихъ выскочекъ директоріи, желавшихъ облагородиться, выказывая пріемы маркизовъ прежняго времени и глубокое ихъ отвращеніе къ естественному: *настоящій цвѣтникъ съ померанцевымъ цвѣтомъ*, какъ говорилъ Флери, человѣкъ, впрочемъ, довольно грубый и весьма необразованный.

(Окончаніе впредь).

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Учитель, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. З. — *Мать Испанка*, драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ съ танцами, соч. Н. А. Полеваго. — *Выборы, или За споромъ дѣло стало*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Г. Н. П. — (*Бенефисъ Г-жи Сосницкой*).

Неутомимый Н. А. Полевой подарилъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, сцену нашу новою піесою, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и, вѣроятно, еще долго удержится на репертуарѣ, привлекая въ театръ публику, которая теперь разъѣхалась по деревнямъ и дачамъ, отложивъ наслажденія таатральныя до осени и до зимы. Новая піеса Н. А. Полеваго называется *Мать Испанка*.

Богатая, знатная вдова Эльвира, Герцогиня Медина-Сидонія, временно проживаетъ съ своею прекрасною дочерью, Кларою, въ Мадритѣ, куда пріѣхала она изъ своего уединенія для того, чтобы хлопотать о какомъ-то важномъ семейномъ процесѣ. Въ дочь ея влюбленъ молодой человѣкъ, Альваръ, Графъ Медина-Селли, который любимъ взаимно и имѣетъ счастіе называться женихомъ прекрасной Клары. Графъ Альваръ, человѣкъ характера прямаго, тонкаго, стало быть, не способнаго къ придворной жизни, гдѣ надобно изгибаться и льстить; онъ всею душею желалъ бы вырваться изъ столицы, и скорѣе отпраздновать свою свадьбу въ тиши сельскаго уединенія; но этого сдѣлать невозможно во-первыхъ потому, что процесъ Графини еще не конченъ, а во-вторыхъ Король Филиппъ IV не изъявилъ еще своего согласія на бракъ Графа Альвара.

Къ Герцогинѣ Медина-Сидоніи является Графъ Герцогъ Оливаресъ, первый министръ Короля Филиппа IV, гнусный льстецъ и потворщикъ его слабостямъ. Онъ объявляетъ Герцогинѣ, что процесъ ея конченъ въ ея пользу, и потомъ устремляетъ все свое вниманіе на ея дочь, расточаетъ передъ нею весь мелъ своей лести, называя ея *Андалузскою Розою*, украшеніемъ Двора, и проч. и проч. Всѣ его рѣчи клонятся къ тому, чтобы передать Герцогинѣ и ея дочери, что Его Величество Король въ восторгѣ отъ красоты и любезности сей послѣдней, что онъ назвалъ ее *Андалузскою Розою*, и что, по этому, скорый отъѣздъ ихъ изъ Мадрита, отъѣздъ, о которомъ такъ заботится Герцогиня, чрезвычайно огорчитъ Его Величество. Разсказы эти приводятъ въ бѣ-

шенство Альвара, заставляютъ задуматься Герцогиню и пробуждаютъ веселую улыбку на устахъ прекрасной Клары....

Дѣйствіе второе происходитъ во дворцѣ Филиппа. Великолѣпный вечеръ, на которомъ присутствуютъ всѣ придворные; Клара, по желанію Короля, танцуетъ менуэтъ. Филиппъ очарованъ ею: онъ только съ нею говоритъ, ею одною занятъ, до такой степени, что съ сердцемъ прогоняетъ отъ себя вѣрнаго, благороднаго министра иностранныхъ дѣлъ Дона-Діего, пришедшаго къ нему съ важными, нетерпящими отлагательства дѣлами. Прежнія любимицы Короля въ отчаяніи. Придворные, одинъ передъ другимъ, спѣшатъ привѣтствовать Клару.... Герцогиня и Альваръ видятъ все это. Послѣдній приходитъ въ ярость; первая уговариваетъ его быть покойнымъ и во всемъ положиться на нее....

Между тѣмъ, Графъ Герцогъ Оливаресъ, пользуясь обстоятельствами и желая отмстить Альвару за его надмѣнность, за нѣсколько смѣлыхъ словъ, сказанныхъ имъ въ лицѣ *первому министру Филиппа*, докладываетъ Королю о просьбѣ Графа Медина-Селли вступить въ супружество съ прекрасною Кларою. Филиппъ, внезапно остановленный среди самыхъ пламенныхъ мечтаній любви, съ сильнымъ гнѣвомъ отказываетъ рѣшительно въ просьбѣ Альвара, и повелѣваетъ ему немедленно отправляться въ Голландію, и тамъ принять начальство надъ дѣйствующею арміею. Оливаресъ объявляетъ одному Графу волю Короля; сопровождая слова свои язвительною насмѣшкою. Воля Короля священна — и Альваръ безъ ропота готовъ ей повиноваться; но насмѣшки министра снести не можетъ: онъ вызываетъ Оливареса на дуэль; сей послѣдній отказывается; Альваръ въ ярости обнажаетъ шпагу, Оливаресъ зоветъ на помощь, — входитъ Король.... Судьба Графа Альвара рѣшена.

Но благородная Герцогиня Медина-Сидонія не упадаетъ духомъ... Она проситъ аудіенціи у Короля, Король соглашается на ея просьбу. Какую же надежду, какую тайную силу имѣетъ Герцогиня, что такъ смѣло увѣряетъ Альвара въ успѣхѣ своего дѣла?.... Мы это увидимъ.

Вотъ она наединѣ съ Филиппомъ. Издалека заводитъ Филиппъ рѣчь ея дочери: онъ разсказываетъ ей легенду о Королѣ, который въ преклонныхъ лѣтахъ влюбился въ молодую красавицу. Законы государства не позволяли ему вступить въ бракъ съ его подданной; но онъ женился тайно, жилъ счастливо съ молодой супругой своей, и прижитые имъ отъ сего брака дѣти были, въ послѣдствіи, первыми сановниками въ государствѣ... Герцогиня очень хорошо поняла къ чему клонится рѣчь его, и въ свою очередь также разсказала легенду, которая, по ея словамъ, должна предшествовать легендѣ Короля. «Мать красавицы, въ которую влюбился Король — говоритъ она — была, въ свое время, также очень хороша; въ нее также влюбился *Король* — отецъ того Короля, который былъ влюбленъ въ дочь ея.... Мужъ этой красавицы былъ старикъ; она была страстная, пылкая женщина — и не могла противостоять искушенію. Плодомъ этой преступной страсти, отъ людей совершенно скрытой, была — *та самая дочь, въ которую Король влюбился!*»

Легенда Герцогини какъ громомъ поразила Филиппа.

— Такъ Клара — сестра моя! восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ.

— Да, Государь, отвѣчаетъ Герцогиня, падая передъ нимъ на колѣни....

Сцена — превосходно задуманная авторомъ и превосходно выполненная Г-жею и Г-мъ Каратыгиными.

Бурная страсть уступаетъ въ сердцѣ Филиппа мѣсто великодушію: онъ прощаетъ Альвара, даетъ ему позволеніе на бракъ съ Кларою, и дѣлаетъ его Вице-роемъ Мексики, но съ тѣмъ, чтобы онъ,

по совершеніи обряда вѣнчанія, немедленно ѣхалъ къ новому посту своему.

Въ третьемъ дѣйствіи или *отдѣленіи* драмы, какъ назвалъ авторъ, молодые приходятъ благодарить Короля за его милость. Филиппъ подзываетъ къ себѣ Графа Альвара; вмѣстѣ съ поздравленіемъ, желаетъ ему счастливаго пути и поручаетъ передать это желаніе отъ имени Короля своей молодой супругѣ. Самъ онъ не рѣшается взглянуть на нее, не только сказать ей слово...

Между тѣмъ, подходитъ къ Королю Герцогиня.

— Государь, говоритъ она тихо: передъ вами преступница, умоляющая о прощеніи.

— Но я простилъ уже васъ, говоритъ Король.

— Простили?... О, повторите это слово, — повторите его отъ души!... Дайте ваше королевское слово, что вы не будете мстить мнѣ....

— Даю вамъ мое королевское слово, что я простилъ васъ и не буду вамъ мстить, говоритъ Филиппъ торжественно.

— Государь! мое преступленіе не въ томъ, въ чемъ Ваше Величество полагаете: Клара — моя *законная* дочь.... Но я васъ обманула, я выдумала ложь, чтобъ спасти дочь свою!...

При этихъ словахъ новая буря страстей возгорается въ сердцѣ Филиппа.... Гнѣвъ, досада, жажда мщенія, любовь, ревность, честь, великодушіе — все это столкнулось вдругъ, неожиданно, все это мгновенно возмутило бытіе его.... Но послѣднія два чувства — честь и великодушіе берутъ верхъ надъ остальными.... Король прощаетъ Герцогиню, и одерживаетъ блестящую, высокую побѣду надъ собой: онъ оставляетъ залу не взглянувъ, даже украдкою, на ту, которая такъ дорога его сердцу!...

Читатели могутъ видѣть теперь, какая прекрасная мысль положена въ основаніе драмы. Почтенный Н. А. Полевой воспользовался ею превосходно: характеръ Короля Филиппа, пылкаго и великодушнаго, мрачнаго и мечтательнаго, обрисованъ прекрасно, не смотря на тѣсную раму, которою ограничилъ себя авторъ. Мы не входимъ ни сколько въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, вѣренъ ли этотъ характеръ съ исторіей, равно какъ и другой, тоже историческій характеръ — Графа Герцога Оливареса, да и не имѣемъ на то ни какого права, потому что авторъ нисколько не имѣлъ притязанія на историческую драму, и назвалъ піесу свою просто *драматическимъ представленіемъ*. Онъ взялъ сторону души человѣческой и изобразилъ эту сторону вѣрно и занимательно. Всѣ характеры въ его драмѣ выдержаны прекрасно, отъ начала до конца. Множество занимательныхъ подробностей оживляютъ ее, и наконецъ двѣ, истинно высокія сцены поражаютъ зрителя до глубины сердца: это сцены Герцогини съ Королемъ, первая сцена *легенды*, которую мы разсказали выше, и вторая, слѣдующая за нею, когда Филиппъ, волнуемый страстію, съ горькими слезами говоритъ о своемъ одиночествѣ, о тягости его положенія: «Мнѣ нужно сердце, которое любило бы меня, нужны радости, утѣшенія въ жизни — вѣдь я *человѣкъ*....

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты — *Государь*, ты— *выше человѣка!*... восклицаетъ Герцогиня. Эти сцены, при неподражаемой игрѣ А. М. и В. А. Каратыгиныхъ производятъ глубокое впечатлѣніе на зрителей, и въ старинныхъ *піитикахъ* восклицаніе Герцогини вѣрно бы привели въ примѣръ *высокаго*, наравнѣ съ знаменитыми «Qu'il mourût» и «Moi,» которыми заставляли насъ восхищаться въ школахъ.

По нашему мнѣнію, новая драма Н. А. Полеваго произвела бы еще болѣе впечатлѣнія, если бы выкинуть изъ нея нѣкоторыя длинноты, особенно въ первыхъ сценахъ, въ разговорѣ Альвара съ Кларой, потомъ съ матерью ея, наконецъ въ сценѣ съ Оливаресомъ: въ этихъ сценахъ

много ума, много блестокъ, и онѣ, прекрасныя, можетъ быть, въ чтеніи, утомительны на сценѣ, гдѣ нужна быстрота дѣйствія.

Во всякомъ случаѣ, искренняя благодарность дѣятельному Н. А. Полевому, который съ такимъ самоотверженіемъ пожертвовалъ трудомъ своимъ въ самое неблагодарное время — въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда наслажденія театромъ вычеркиваются изъ списка удовольствій. Благодарность и почтенной бенефиціанткѣ, Г-жѣ Сосницкой, украсившей бенефисъ свой такою прекрасною піесою.

Кромѣ драмы *Мать-Испанка*, въ этотъ бенефисъ дана была оригинальная комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ *Учитель*, соч. *В. З.*

Учитель — это одинъ изъ самыхъ богатыхъ типовъ для нравоописателя и для драматическаго автора. Старый педантъ учитель, учитель по билетамъ, домашній учитель, учитель Французъ, модный учитель музыки, учитель танцовальный—все это разнообразныя выраженія одного и того же типа, въ которомъ есть много сторонъ и комическихъ, и драматическихъ. Г-нъ В. З. взялъ одинъ видъ изъ этого рода — учителя-юношу, только что окончившаго курсъ въ Университетѣ, выпущеннаго съ званіемъ кандидата, и волею судьбы заброшеннаго въ провинцію.... Еще не успѣлъ онъ ознакомиться съ жизнію, не успѣлъ узнать ни ея радостей, ни ея горя; еще онъ полонъ своихъ студенческихъ мечтаній—прекрасныхъ сновъ беззаботной юности, святыхъ порывовъ души, не закопченой, не загрязненной мелочами нужды и расчета; еще наука и искусство представляются ему съ самой свѣтлой, прекрасной стороны.... онъ только что вошелъ въ преддверіе ихъ, заглянулъ въ свѣтлый храмъ, изъ котораго пахнуло на него благодатнымъ ѳиміамомъ жизни и радости.... онъ только еще простеръ было свои объятія къ этимъ чистымъ, свѣтлымъ божествамъ, и думалъ блаженствовать, упиться счастіемъ, тихимъ, безмятежнымъ.... какъ вдругъ его вырываютъ изъ этого обаятельнаго міра восторговъ, бросаютъ въ грязное болото существенности, и принуждаютъ *торговать* тѣмъ, что было для него такъ свято, чисто, безкорыстно; что покупалъ онъ тяжкимъ трудомъ, безсонными ночами, лишеніями, повидимому ничтожными, но для юности столько драгоцѣнными — рѣзвой свободы на зеленыхъ лугахъ, въ тѣнистой дубравѣ, веселой бесѣды въ кругу товарищей, поэтической дремоты при шопотѣ листьевъ, при шумѣ ручья....

Да, тяжело бѣдному юношѣ перенестись изъ этого свѣтлаго міра радостей въ грязный міръ *Гущиныхъ*, *Анохиныхъ*, *Мусовыхъ*, *Киксовъ*, и пр. и пр., въ міръ провинціи, гдѣ *учитель* подходитъ въ уровень къ *дядькѣ*, а дядька ничѣмъ не отличается отъ *лакея*. Таково положеніе *Гладина*, молодаго кандидата, принужденнаго быть учителемъ потому, что у него есть мать, которой нуженъ кусокъ хлѣба....

До сихъ поръ, вы видите, идея автора самая счастливая; онъ нашелъ предметъ новый, нетронутый. Передъ нимъ было обширное поле.... Но онъ задумалъ написать *комедію*, а для комедіи нужно *дѣйствіе*, нуженъ *сюжетъ*: онъ придумалъ интригу самую неестественную: Докторъ *Мусъ* уморилъ его родственника, овладѣлъ имѣніемъ этого родственника, переѣхалъ въ другой городъ, перемѣнилъ фамилію (вмѣсто *Мусовъ*) и хочетъ жениться на дочери Ходакова, той самой, въ которую влюбленъ Гладинъ, видѣвшій ее въ Петербургѣ. Гладинъ *не знаетъ, что онъ въ домѣ той, которая была и есть первый предметъ его любви;* дочь Ходакова также *не знаетъ, что въ домѣ ея отца предметъ ея страсти*.... Между тѣмъ Гладинъ возбуждаетъ противъ себя общую ненависть, интриги, сплетни провинціяльнаго общества, не взлюбившаго его — Богъ знаетъ за что. Все возстаетъ на него до

такой степени, что добрый Ходаковъ, принявшій его къ себѣ, самъ видитъ необходимость отказать Гладину отъ дома, хотя, по твердости своего характера, и рѣшаетъ итти на перекоръ всему. Но Гладинъ узналъ наконецъ, что предметъ его страсти живетъ подъ одной съ нимъ кровлею, узналъ болѣе — онъ любимъ пламенно, хотя и тайно ... Онъ знаетъ также, что Мусовъ — злодѣй и преступникъ, и, въ пылу негодованія, изобличаетъ его передъ всѣми. Это, однако жъ, ни сколько не помогаетъ дѣлу, а еще больше запутываетъ Гладина. Мусовъ пишетъ на него доносъ, грозитъ Ходакову тюрьмою за долги его, если онъ не выгонитъ отъ себя Гладина. Бѣдный юноша видитъ, что ему нечего дѣлать, когда все возстало на него; онъ проситъ добраго своего покровителя созвать всѣхъ своихъ гостей, оскорбленныхъ имъ, и между прочимъ Мусова, и передъ лицемъ всѣхъ проситъ у нихъ прощенія, говоря, что самъ онъ немедленно и навсегда уѣзжаетъ изъ ихъ города. Добрая Марья Ивановна (дочь Ходакова) соглашается между тѣмъ отдать свою руку злодѣю Мусову, на томъ только условіи, чтобы онъ изорвалъ доносъ на Гладина и вексель ея отца. Мусовъ соглашается, Гладинъ уѣзжаетъ и все успокоивается!...

Вотъ какой запутанной и неестественной дорогой провелъ авторъ прекрасную идею своей комедіи. Первая ошибка его была та, что онъ сдѣлалъ Гладина предметомъ вниманія всего общества, между тѣмъ какъ домашній учитель въ провинціи есть самый незамѣтный членъ въ городѣ. Онъ не имѣетъ ни какихъ отношеній до общества, онъ весь сосредоточивается въ самомъ себѣ, и тѣмъ сильнѣе, тѣмъ горче его страданія, что онъ *одинъ* съ душею мыслящею и чувствующею въ толпѣ безсмысленной и безчувственной.

Какъ бы то ни было, комедія «Учитель,» не смотря на недостатки свои, изобличаетъ дарованіе неподдѣльное, которому недостаетъ только опытности и знанія сцены, чтобы развернуться въ полномъ блескѣ. Публика аплодировала многимъ куплетамъ и нѣкоторымъ сценамъ, набросаннымъ живо и бойко.

Выборы, или за споромъ дѣло стало— водевиль Г-на Н. П., данъ былъ въ заключеніе бенефиса Г-жи Сосницкой, послѣ драмы *Мать Испанка*. Это было, что называется, послѣ ужина горчица; немногіе, вѣрно записные любители театра, прослушали эту піесу до конца; у насъ едва достало терпѣнія на половину, а потому и говорить объ этихъ Выборахъ мы не станемъ.

—

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ сцена наша оживилась новой дебютанткой, Г-жей *Сорокиной*, которая въ первый разъ дебютировала 19-го Іюля, въ водевилѣ *Барышня Крестьянка*. Любители театра встрѣтили ее привѣтливо. Г-жа Сорокина обладаетъ довольно счастливою наружностію и вообще всѣми внѣшними средствами, которыя могутъ содѣйствовать успѣху артистки на сценѣ. Первый дебютъ ея прошелъ счастливо, и подаетъ надежду имѣть въ новой дебютанткѣ со временемъ хорошую артистку. Удерживаемся отъ рѣшительнаго о ней сужденія до дальнѣйшихъ ея дебютовъ.

—

21-го Іюля, въ бенефисъ Г-жи Яковлевой, даны были старинныя піесы: *Школа Злословія*, Шеридана, *Влюбленный Шекспиръ*, комедія, и *Купцы*, водевиль. Не смотря на это, спектакль былъ очень занимателенъ: любители театра давно уже не видали первыхъ піесъ, а встрѣтиться съ старыми, умными знакомыми — кому не пріятно?...

РЕПЕРТУАРЪ.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ концѣ минувшаго Апрѣля мѣсяца, бульварная площадь въ Севастополѣ украсилась прекраснымъ зданіемъ каменнаго театра, выстроеннаго управляющимъ труппою Русскихъ актеровъ, Г-мъ *Жураховскимъ*. Красивая архитектура, удобное распоряженіе внутри и превосходныя декораціи превзошли наше ожиданіе, и тѣмъ даютъ полное право Г-ну Жураховскому на нашу искреннюю признательность.

Долгъ справедливости и безпристрастія заставляетъ сказать, что нужно обладать такою же страстію къ театру, такимъ же безкорыстіемъ, такою же дѣятельностью, какъ Жураховскій, чтобы рѣшиться употребить значительный капиталъ на построеніе театра въ Севастополѣ, гдѣ содержаніе труппы, постановка піесъ и другія необходимыя издержки нерѣдко превышаютъ сборы за представленія. Но Г-нъ Жураховскій добросовѣстно выполнилъ это полезное предпріятіе, и тѣмъ самымъ усвоилъ себѣ право на званіе перваго основателя Русскаго Театра въ Крыму. Извѣстно, что до сей поры, или, лучше сказать, до появленія въ нашемъ краѣ Г-на Жураховскаго съ труппою, никто изъ здѣшнихъ старожиловъ не имѣлъ случая слѣдить здѣсь за ходомъ сценическаго искусства, если не брать въ соображеніе представленій на домашнихъ театрахъ. И какъ часто, при наступленіи зимы, единственною мыслію каждаго было «гдѣ и какъ убить скучные, длинные вечера?»... Почтенные старички всегда почти дремали за вистомъ, молодыя дамы и едва вышедшія въ свѣтъ дѣвицы, въ ожиданіи баловъ, проводили время за своими рабочими столиками или чтеніемъ романовъ,

Отмѣнно длинныхъ, длинныхъ, длинныхъ, Правоучительныхъ и чинныхъ.

А холостяки, въ досужее отъ службы время, отъ нечего дѣлать, стяжали лавры въ отчаянныхъ схваткахъ на зеленомъ полѣ, или встрѣчали восходъ солнца въ шумныхъ оргіяхъ — но теперь.... неправда ли, мы съ удовольствіемъ можемъ проводить теперь это время въ очень и очень миленькомъ театрѣ, гдѣ иногда, право, съ истиннымъ наслажденіемъ полюбуетесь игрою многихъ, какъ, напримѣръ:

Г-на Жураховскаго, превосходно выполняющаго комическія роли Малороссійскихъ піесъ, и едва ли гдѣ либо найдется подобный ему. Жаль только, что онъ рѣдко играетъ самъ, а передаетъ свои роли другимъ; но вѣроятно, причиною этого недосугъ и хлопоты по случаю нѣкоторыхъ построекъ въ театрѣ.

Г-жи Ивановой, которая съ своей прекрасной наружностію и талантомъ могла бы, не краснѣя, явиться на сценѣ лучшихъ нашихъ театровъ. Нельзя не пожалѣть, что съ нѣкотораго времени прекрасный голосъ ея нѣсколько измѣнился, и что въ игрѣ ея въ иныхъ піесахъ замѣтны какая-то холодность и будто небреженіе. А какъ бы хорошо, если бъ Г-жа Иванова вездѣ была такъ же внимательна, какъ въ роляхъ: *Кетли* (вод. «Кетли, или Возвращеніе въ Швейцарію»), юнкера *Лелева* (вод. «Гусарская стоянка»), *полковника* (вод. «Полковникъ старыхъ временъ»), *Офеліи* (драма «Гамлетъ») и *Параша* («Параша Сибирячка»), гдѣ она такъ хороша, такъ живо напоминаетъ незабвенную Асенкову!

Г-на Пилони, такъ же очень хорошо выполняющаго свои роли, въ особенности трагическія, и если бы этотъ артистъ старался вполнѣ исправить погрѣшности, указанныя ему уже не разъ многими зна-

токами театра, то онъ пошелъ бы далеко.

Г-жи Пилони, которую также можно видѣть не безъ удовольствія. Замѣтно, что она старается вникать въ характеръ представляемаго ею лица; но ей необходимо: въ комическихъ роляхъ быть нѣсколько развязнѣе, а въ трагическихъ не столько ломать свои хорошенькія ручки.

Г-на Генделевича, иногда... именно, когда онъ твердо знаетъ свою роль; въ противномъ же случаѣ, досадно и больно видѣть гибнущій талантъ отъ собственнаго небреженія.

Г-на Прыжанковскаго, который очень недуренъ въ роляхъ пятиметровъ. Онъ подаетъ о себѣ большія надежды; но онъ долженъ поменьше гримасничать, и оставить свою вертляную манеру.

Прочихъ актеровъ можно видѣть, развѣ только не морщась. Многіе изъ нихъ имѣютъ талантъ, но, какъ видно, слишкомъ пренебрегаютъ своими ролями: часто нетвердо ихъ заучиваютъ, не вникаютъ въ характеры дѣйствующихъ лицъ; нѣкоторые изъ нихъ слишкомъ робки, а другіе ужъ черезъ чуръ смѣлы — на сценѣ....

Какъ бы то ни было, а мы много, очень много обязаны Г. Жураховскому, и ежели, слѣдуя нашему совѣту, онъ не будетъ слишкомъ снисходителенъ къ своимъ актерамъ, а главное, будетъ раздавать роли сообразно съ характерами и способностями актеровъ, ибо часто случается, что посредственная актриса выполняетъ важную роль, отъ которой зависитъ цѣлая піеса, а лучшая сидитъ за кулисами, дѣлая глазки хорошенькимъ усикамъ или блестящимъ аксельбантамъ; и ежели у него, подобно какъ и въ другихъ благоустроенныхъ Русскихъ Театрахъ, будутъ способные директоры, то мы можемъ надѣяться, что о театрѣ нашемъ не скажетъ ничего дурнаго и самый взыскательный дилеттантъ столицы.

Въ добрый часъ вамъ, Г. Жураковскій, въ добрый часъ. Отъ души желаемъ вамъ счастливаго исполненія вашихъ предпріятій. Не бойтесь крикуновъ, которые скажутъ, что труппа Жураховскаго обломки-де и урывки другихъ труппъ. Ежели вы, какъ искусный художникъ, создадите изъ этихъ обломковъ цѣлое красивое зданіе, то всѣ возгласы критики не въ силахъ будутъ нанести вамъ вреда. Продолжайте дѣйствовать такъ же смѣло и предпріимчиво, какъ вы начали, и мы отъ души останемся вамъ благодарны...

В. КО-ТЕ-Ч К.

31 Мая 1842 г.
Севастополь. (*Од. В.*)

ИГРА П. С. МОЧАЛОВА ВЪ КІЕВѢ.

Говорятъ, что съ лѣтами старѣется духъ, притупляется воображеніе и чувство, потрясающее сердце, лишается прежней силы; но это не совсѣмъ справедливо. Душа пылкая, съ юныхъ лѣтъ настроенная на прекрасное, не рѣдко сохраняется и въ тѣлѣ старика, и при встрѣчѣ съ предметами, могущими привести ее въ сотрясеніе, является какъ бы тѣмъ первообразомъ, въ которомъ способна бываетъ творить. Да и въ самомъ дѣлѣ, душа и тѣло, находясь въ противополож-

пости между собою отъ самой природы, едва ли могутъ препятствовать развитію одинъ другаго. Мы часто говоримъ: этотъ старикъ съ душею юноши, и на оборотъ. Потому весьма неудивительно, если мы, разбирая игру знаменитаго артиста П. С. Мочалова, найдемъ ее превосходною, исполненною жизни и вдохновенія. Уже съ давняго времени много слышимъ толковъ о немъ, много сужденій, то пристрастныхъ до невѣроятія, то безпристрастныхъ до невозможности, и, кажется, ставя себя въ срединѣ между двумя крайностями, мы изберемъ точку справедливаго воззрѣнія на игру П. С. Мочалова. Нѣтъ ничего легче, какъ хвалить до небесъ, не опираясь ни на чемъ; но и нѣтъ ничего легче брани, пошлыхъ фразъ, которыми часто безвинно обременяютъ человѣка, уничтожаютъ его, сами не зная за что, называютъ бездарнымъ, потому только, что сами этого хотятъ. Мнѣ кажется, труднѣе всего сказать правду, и потому-то, изъ безчисленнаго множества мнѣній, такъ мало попадается истинныхъ. Говорятъ, что Г. Мочаловъ старъ, и потому самому не можетъ играть хорошо; не обладаетъ нужными средствами, необходимыми для сцены; увлекаетъ публику: то внезапными криками, то едва внятнымъ произношеніемъ словъ, и употребляя то и другое, торжествуетъ; что онъ не выдерживаетъ до конца своей роли, чрезвычайно прерываетъ и т. д. Все это, кромѣ послѣдняго, едва ли заслуживаетъ вѣроятія. Что П. С. Мочаловъ прерывистъ и не всегда до конца выдерживаетъ роль, это участь общая многихъ поэтовъ, которые, будучи прекрасны по частямъ, теряютъ силу во всеобщности. Этотъ недостатокъ, который довольно ощутителенъ при игрѣ Г. Мочалова, происходитъ вѣроятно или оттого, что у него недостаетъ продолжительнаго вниманія, что онъ слишкомъ горячъ, или, можетъ быть, оттого, что игра нашихъ актеровъ не могла гармонировать съ его игрою. Весьма справедливо кто-то замѣтилъ, что Г. Мочаловъ, между дурными актерами, играетъ хуже. Замѣчаніе же, будто Г. Мочаловъ не имѣетъ способности къ игрѣ, уничтожаетъ само себя, потому что оно противорѣчитъ не только всеобщему мнѣнію, но себѣ самому; ему можно, по всей справедливости, противоположить, что П. С. Мочаловъ давно пользуется неувядаемымъ лавромъ театральной славы.

Игра его въ Кіевѣ, можетъ быть, послѣдняя, не только уничтожаетъ крамолы критическихъ вспышекъ, но еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что онъ великій артистъ. Кто-то, не помню, сказалъ въ прошедшемъ году, что Г. Мочаловъ, для провинціи, великій актеръ, а для столицы малъ Такое мнѣніе, если оно дѣйствительно провинціяльное, слишкомъ ново. Я не думаю, чтобы житель провинціи и столицы различался до такой степени, что объ одномъ можно бы сказать, какъ о летучей мыши, а о другомъ, какъ о благочестивомъ котѣ. Добрые провинціялы, какъ видно, и судятъ не по людски; столица для нихъ необъятное небо, до котораго они, недалековидящіе, не смѣютъ возноситься мыслію. Я при этомъ ставлю только знаки удивленія!!!

Въ Маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, мы видѣли Г. Мочалова въ слѣдующихъ роляхъ: Фердинанда, Ляпунова, Гюга Бидермана, Гамлета, Отелло, Неизвѣстнаго, Нино, и другихъ. И всѣ эти роли, какъ драгоцѣнные камни, украшаютъ его вѣнокъ; какъ вѣтви различныхъ корней, какъ бы срастаются въ глубинѣ души его, и каждая изъ нихъ, въ минуты представленія, оттѣняется живою и естественною краскою, подъ которою просвѣтляется его трепещущая душа и неугасимое въ пламени сердце. Жаль только, что муза, надѣляя любимца своего дарами неба, лишила его терпѣнія, которое въ искусствѣ необходимо.

Гамлетъ, это великое произведеніе ге-

пія, выражающее непостоянство земнаго счастія, ничтожество человѣческихъ замысловъ, презрѣніе къ жизни, въ которомъ появляются иногда цвѣты, но никогда не зрѣютъ плоды, составляетъ вѣнецъ новѣйшей романтической драмы. Это картина, написанная живыми и естественными красками; удачная обрисовка великой идеи; типъ страсти благородной души. Такъ думаетъ теперь всякій, кто сознаетъ могущество духа въ человѣкѣ; у кого сердце способно къ воспріятію любви и участія. Читая Гамлета, вы уже восхищаетесь, но этого мало; надобно видѣть Г. Мочалова, чтобы вы трепетали. Вы, дѣйствительно, найдете въ немъ Гамлета, хотя и не Принца. Суровость, тоска, сумасшествіе и месть, такъ прекрасно оттѣняются въ игрѣ Г. Мочалова. Въ самомъ молчаніи его есть какая-то магическая сила, сквозь которую просвѣтляется тайна сердца. Риторика Г. Кошанскаго назвала бы, непремѣнно, такое молчаніе краснорѣчивымъ. Въ первомъ монологѣ, съ какимъ презрѣніемъ Г. Мочаловъ говорилъ о жизни, о ничтожествѣ дѣяній человѣка; въ особенности онъ нравится намъ, когда говоритъ: «Жизнь! Что ты? Садъ заглохшій подъ дикими безплодными травами.» Здѣсь мы скажемъ слегка, что игра Г. Мочалова, какъ игра *субъективная*, можетъ быть только сравнена съ его же игрою Любовь къ сценѣ, живое участіе въ характерѣ лица, могутъ только воодушевить актера въ патетическія минуты. Онъ, какъ звѣно, связывающее въ себѣ безчисленное множество колецъ, сближаетъ публику съ предметомъ, на который обращено вниманіе, и собою осуществляетъ минувшее. Въ лицѣ его мы видимъ страсти, слезы, безумство; они-то освѣщаютъ намъ непроходимый путь заблужденій и призраковъ. Актеръ, какъ говоритъ самъ же Гамлетъ, есть зеркало того, что мы дѣлаемъ; а въ зеркалѣ мы стараемся увидѣть себя, и чѣмъ оно въ такомъ случаѣ яснѣе, тѣмъ живѣе отпечатлѣвается въ немъ нашъ образъ. Человѣкъ холодный, конечно, смотритъ глазами равнодушія на все, что выше его сферы; онъ часто замѣчаетъ одни жесты актера, и замѣчая въ немъ только недостатки, произноситъ судъ надъ актеромъ часто несправедливый. Вотъ отчего и образовалось то ложное мнѣніе, будто Г. Мочаловъ то внезапными криками, то едва внятнымъ произношеніемъ словъ поражаетъ зрителей. Но если дѣйствительно идетъ рѣчь о пораженіи, то извѣстно, что пустой крикъ болѣе раждаетъ смѣхъ, чѣмъ участіе. Отчего, напримѣръ, мы равнодушны къ воплямъ нашего актера, Г. Алексѣева? Отчего, въ то самое время, когда Г. Алексѣевъ увлекается своею безвкусною декламаціею, пріятнѣйшій сонъ покушается сомкнуть наши очи, и мы, не отслушавъ піесы, съ ропотомъ оставляемъ театръ? Очень ясно, что безжизненная декламація не только не доставляетъ удовольствія, но раздражаетъ слухъ. Если крики Г. Мочалова потрясаютъ душу, если каждое движеніе его возбуждаетъ любопытство, то забудемъ совсѣмъ о Г. Алексѣевѣ и тому подобныхъ, вычеркнемъ ихъ изъ нашей памяти; также забудемъ и то, что Г. Мочаловъ не имѣетъ таланта. Во вкусѣ или чувствѣ изящнаго, болѣе дѣйствуетъ чувство, чѣмъ разсудокъ; оно судія добросовѣстный, предъ которымъ умолкаетъ ложь. Поэзія, живопись, музыка не потому нравятся намъ, что въ нихъ мы ищемъ для себя какой либо выгоды или цѣли, ибо изящное искусство находится внѣ всякихъ видовъ и цѣлей, но потому, что они нравятся намъ безотносительно. Мы восхищаемся игрою артиста, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Теперь припомнимъ себѣ встрѣчу Гамлета и Офеліи. Какъ вѣрно, какъ натурально Г. Мочаловъ передалъ намъ эту сцену. Чудное перо В. Шекспира повиновалось его необъятной головѣ; а рѣчь П. С. Мочалова удачно настроила душу зрителей къ воспріятію

гигантскихъ мыслей поэта. Онъ парилъ въ высотѣ, томился духомъ, какъ безпріютный странникъ, и готовъ былъ на дальній путь, но встрѣча съ любимымъ предметомъ пресѣкла его полетъ и обнажила предъ нимъ его земное существованіе. Какъ непріятно бываетъ намъ, въ часы радости, встрѣтить непримиримаго врага! Эту сцену можно назвать единственною изъ всей его игры, и это можетъ быть потому, что Г-жа Мочалова, наша Кіевская артистка, довольно удачно сыграла роль Офеліи; по крайней мѣрѣ, она могла поддерживать игру Г. Мочалова. Впрочемъ, я не могъ не удивляться, какъ часто, въ великой игрѣ П. С. Мочалова, были замѣтны натяжки, невыдержки, и смѣлый выспренній полетъ артиста неожиданно охлаждался. Иногда, разогрѣтая любовью душа его не имѣла границъ, но иногда и театральная сцена могла совмѣстить ее. Конечно, талантъ П. С. Мочалова еще тѣмъ болѣе имѣетъ для насъ достоинства, чѣмъ менѣе мы въ немъ видимъ искусственности; это еще болѣе показываетъ, что артистъ не постояннымъ навыкомъ и недолговременными усиліями усвоилъ себѣ сцену. Его игру можно уподобить пламени свѣчи, которое при всѣхъ порывахъ вѣтра, хотя и измѣняетъ свой видъ, но въ существѣ своемъ непоколебимо.

Прекрасные монологи сцены съ матерью и королемъ переданы были съ большимъ искусствомъ. Другая бы мать могла растаять отъ словъ такого сына, но Г-жа Давыдова, въ роли Гертруды, едва ли слышала то, что говорилъ ей Гамлетъ.

Въ роли Отелло, П. С. Мочаловъ былъ удивительно хорошъ; страшная ревность, ужасный видъ сверкающихъ глазъ и дрожащій громкій голосъ поселяли въ душѣ невольный трепетъ. Черный и пламенный мавръ, съ демонскою любовью, готовъ былъ пожрать милое существо, Эдельмону. Сцены любви и ревности выдержены имъ несравненно. Здѣсь, какъ мнѣ кажется, онъ лучше всего могъ передать намъ этотъ удивительный характеръ, тѣмъ болѣе, что и самая піеса есть отпечатокъ ужасной ревности. Мнѣ удалось замѣтить, что сильные характеры, необыкновенныя движенія сердца выполняются лучше всего Г. Мочаловымъ. Въ патетическихъ сценахъ забываемъ рѣшительно старость и рость Г. Мочалова. Какъ онъ великъ, Какъ оригиналенъ! Послѣ этого стоитъ ли вѣрить тому, что этотъ артистъ не обладаетъ театральными средствами? Вѣроятно, пристрастные критики говорятъ рѣшительно противъ совѣсти, иначе быть не можетъ. Но я твердо увѣренъ, что очень часто на мнѣнія критиковъ смотрятъ теперь, какъ на словопрѣнія личности. А что, если спросятъ: чѣмъ могли мнѣнія ихъ повредить заслуженному артисту Мочалову? Ровно ничѣмъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ наша публика радушно встрѣтила талантъ и восхищалась его игрою. Взвѣшивая всѣ достоинства Г. Мочалова вѣсами правосудія, и воздавая ему дань признательности, какъ художнику, мы добросовѣстно скажемъ Мочаловъ — великій актеръ!

И. КОРОНОВСКІЙ.

IV. СМѢСЬ.

БАНКРОТСТВО НѢМЕЦКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Изъ отчета комитета, избраннаго изъ среды своей Нѣмецкою оперною труппою въ Парижѣ, которая, какъ извѣстно, подверглась бѣдственной участи, видно, между прочимъ, слѣдующее:

По объявленіи несостоятельности Шумана, труппа (она состояла тогда изъ семидесяти человѣкъ), не получавшая, около двухъ мѣсяцевъ, жалованья, имѣла тѣмъ менѣе средствъ къ существованію, что по требованію кредиторовъ Шумана, было наложено запрещеніе на будущіе сборы, и наконецъ, театръ былъ закрытъ. Самый гардеробъ и библіотека подверглись, по опредѣленію суда, запрещенію. Мало того: трактирщики, не получая денегъ за нанятыя у нихъ квартиры, за наемъ которыхъ обязался платить Шуманъ, удержали вещи артистовъ и выслали сихъ послѣднихъ вонъ изъ квартиръ. При этихъ обстоятельствахъ, комитетъ устроилъ представленіе въ пользу труппы, и обратился къ живущимъ въ Парижѣ Нѣмцамъ съ подпискою на пособіе; словомъ, сдѣлалъ все, что могъ, дабы сколько нибудь улучшить несчастное и вовсе незаслуженное положеніе столь многихъ людей. Къ счастію, мѣры, принятыя имъ, имѣли нѣкоторый успѣхъ. Ему удалось собрать 7971 франкъ. Эта сумма была раздѣлена между артистами, и облегчила для нѣкоторыхъ изъ нихъ возможность возвратиться на родину. Потомъ комитетъ испросилъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ дозволеніе давать концерты въ пользу артистовъ, оставшихся въ Парижѣ. Комитетъ надѣется, что эти концерты доставятъ возможность оставшимся артистамъ прилично прожить нѣкоторое время въ Парижѣ, и потомъ возвратиться въ Германію.

НЕПРИЛИЧІЕ АНГЛІЙСКОЙ ПУБЛИКИ.

Въ Театрѣ Королевы, въ Лондонѣ, случилось недавно происшествіе, очень дурно рекомендующее Лондонскихъ щеголей. Были назначены *Пуритане;* но вдругъ, по внезапной болѣзни Г-жи Персіани, представленіе этой оперы отмѣнили. На мѣсто ея назначили *Beatrice di Tenda.* Лишь только, послѣ этого, взвилась завѣса, въ театральной залѣ поднялся такой шумъ, что хористы были вынуждены уйти за кулисы. Вслѣдъ за тѣмъ явился на сценѣ товарищъ Г. Лумлея, Г. Лоранъ (Laurent), и началъ было объяснять, по-Французски, причины перемѣны спектакля. Но его прервали новымъ шумомъ и криками, чтобы явился Г. Лумлей. Лорану пришло на мысль, что его выслушаютъ терпѣливѣе, когда онъ заговоритъ по-Англійски, и онъ началъ свое оправданіе на этомъ языкѣ; однако жъ и эта попытка не удалась; крики: Лумлей! Лумлей! раздались въ залѣ еще громче. Лоранъ удалился. Мѣсто его занялъ il signor Рубини. Сей послѣдній заговорилъ съ публи-

кою по-Италіянски. Опять неудача: ему отвѣчали новыми криками, новымъ шумомъ. Рубини призвалъ переводчика. Переводчикъ передалъ зрителямъ слова знаменитаго тенора, но зрители заставили удалиться и тенора и его истолкователя. Наконецъ передъ ними предсталъ самъ Г. Лумлей, и кое-какъ съумѣлъ успокоить пенстовыхъ меломановъ, увѣривъ ихъ, что Г-жа Персіани дѣйствительно не здорова. Однако жъ, возвѣщенная опера не была представлена. Весь тогдашній спектакль состоялъ изъ одного только балета. Лондонскіе денди, нашумѣвъ такимъ образомъ, выставили себя тѣмъ болѣе съ другой стороны, что въ тотъ вечеръ въ театрѣ находились Король и Королева Бельгійцевъ, Герцогиня Кентская и многія другія особы, имѣющія право на общее уваженіе.

ПОЧЕРКЪ ДИРЕКТОРА ТЕАТРА.

Директоръ *** театра, N....., который былъ извѣстенъ тѣмъ, что не умѣлъ ни читать, ни писать, находимся разъ въ одномъ обществѣ, гдѣ вздумали разыграть въ лоттереи золотые часы. Каждый изъ присутствовавшихъ заплатилъ два талера, и написавъ свое имя на клочкѣ бумаги, бросилъ эту записочку въ шляпу, которая служила складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ этихъ импровизированныхъ билетовъ. Дошла, наконецъ, очередь и до директора. Какъ ему быть? Какъ написать свое имя, когда вовсе не умѣешь писать? Однако жъ, онъ вывернулся изъ этого затруднительнаго положенія. Онъ притворился будто пишетъ, и потомъ, свернувъ свой билетецъ, бросилъ его, къ прочимъ, въ шляпу. Стали разыгрывать. Но, о ужасъ! первый вышелъ билетъ несчастнаго директора. Всѣ съ изумленіемъ взглянули на эту бумажку безъ подписи. Директоръ былъ самъ не свой. Но его ожидало еще большее бѣдствіе. Комикъ Б...., также участвовавшій въ лоттереѣ, внимательно посмотрѣлъ на пустой билетецъ, и воскликнулъ во всеуслышаніе: «Э, да я знаю этотъ почеркъ! Это почеркъ нашего Г. директора.»

ОПЕРНЫЙ СЕЗОНЪ, ВЪ ВѢНѢ.

Во время послѣдняго сезона, на Придворномъ Оперномъ Театрѣ въ Вѣнѣ были представлены, въ продолженіе 168 вечеровъ, 33 оперы (въ томъ числѣ четыре новыя). Изъ этихъ 33 оперъ, 13 Нѣмецкихъ (9-ти композиторовъ), 13 Италіянскихъ (4-хъ композиторовъ) и 7 Французскихъ (4-хъ же композиторовъ). Чаще всего давали Гугенотовъ, Мейербера, и Марино Фаліеро, Доницзетти (первыхъ играли 13 разъ, Мар. Фал. 12 разъ); но Фрейшюцъ, Вебера, былъ представленъ только два раза. Сверхъ оперныхъ представленій были даны на упомянутомъ театрѣ три концерта. Изъ числа артистокъ и артистовъ, игравшихъ на немъ гостиныя роли, замѣчательнѣйшіе были: Г-жи Эверсъ, Джентильомо и Шлегель; Гг. Эрль, Бёттхеръ и Гаузеръ.

НѢЧТО О КИНѢ.

Сегодня даютъ Гамлета? спросилъ одинъ господинъ у кассира маленькаго Ватерфордскаго Театра.

— Да, отвѣчалъ кассиръ.

«А кто играетъ Гамлета?»

— Г. Кинъ, одинъ изъ нашихъ лучшихъ арлекиновъ и отличный пѣвецъ.... Онъ тоже ставитъ піесы на сцену, и самъ сочиняетъ удивительныя пантомимы.

— Вотъ что. А много ли онъ получаетъ жалованья?»

«По своему амплуа перваго пѣвца, перваго трагика и перваго мимическаго артиста, онъ получаетъ полторы гинеи въ недѣлю.... Конечно, это не много; но онъ еще учитъ дворянъ фехтованію и боксированію.... Эти уроки ему приносятъ тоже кое-что....

Этому-то бѣдному арлекину, этому-то первому пѣвцу и трагику бѣдной, плохой труппы было суждено сдѣлаться любим-

цемъ Лондона, сдѣлаться славнымъ въ цѣлой Европѣ!

Послѣ первыхъ дебютовъ Кина въ Лондонѣ, многіе порицали его игру, утверждая, что его сценическія нововведенія не могутъ быть терпимы; но Кинъ восторжествовалъ надъ своими противниками: большинство публики приняло его сторону. Вскорѣ онъ низпровергъ старинную школу Кембля. Величіе уступило мѣсто страсти, достоинство—пылкимъ порывамъ, спокойствіе—энергіи. Благодаря его, для любителей театра открылся новый міръ.

Сначала Кинъ получалъ въ Лондонѣ 2 фунт. ст. въ недѣлю; черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, ему платили по 50 ф. ст. за каждое представленіе.

Бейронъ пародировалъ Наполеона; Кинъ пародировалъ Бейрона. Это сближеніе странно, но вѣрно и поразительно. У всѣхъ у нихъ одна и та же лаконическая, гордая рѣчь, одно и то же презрѣніе къ людямъ; одна и та же страсть рисковать всѣмъ противъ всего. Наполеонъ угасъ на своей скалѣ, окруженный славою, но угасъ, страдая, какъ Прометей; смерть Бейрона была несчастлива: онъ покинулъ міръ, не осуществивъ любимой мечты своей; Кинъ умеръ спокойнѣе Наполеона, спокойнѣе Бейрона: онъ умеръ въ объятіяхъ женщины, оскорбленной имъ, но простившей ему это оскорбленіе.

Безпорядочная жизнь и ненасытное, безразсудное тщеславіе, мало по малу, омрачили разсудокъ Кина. Онъ началъ играть роли, для которыхъ вовсе не былъ рожденъ; напримѣръ, онъ явился разъ въ комической роли Абеля Дрюггера, созданной Гаррикомъ. На другой же день послѣ того, онъ получилъ отъ вдовы Гаррика записку слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!

«Вамъ никогда не сыграть роли Абеля Дрюггера.

«Имѣю честь быть и пр.»

На это Кинъ, видно, въ одну изъ оставшихся еще у него свѣтлыхъ минутъ, отвѣчалъ также лаконически:

«Милостивая государыня!

«Совершенная правда!

Имѣю честь быть и пр.»

Въ послѣднее время своего театральнаго каріера, Кинъ позволялъ себѣ, даже на сценѣ, самыя странныя, самыя неприличныя выходки. Разъ, проигравъ въ Бирмингамѣ какое-то дѣло противъ Кокса, игралъ онъ роль раздраженнаго любовника, который уступаетъ свою любовницу сопернику. Любовнику этому, уступая свою милую, слѣдовало сказать: «Возьмите ее, сударь, и пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ, побереть ее самъ чортъ;» а Кинъ къ первой фразѣ присовокупилъ вотъ что: «и пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ, побереть самъ чортъ весь партеръ и всѣ Бирмингамскія ложи!»

Въ другой разъ, сыгравъ серіозную роль, онъ вдругъ перекувырнулся на сценѣ, и потомъ сказалъ публикѣ: «Это было мое первое ремесло, и мнѣ кажется, что я буду вынужденъ опять возвратиться къ нему.» Въ Челтенгамѣ, играя роль офицера, онъ вдругъ остановился на половинѣ своей реплики, погрозилъ хлыстикомъ одному журналисту, которымъ былъ недоволенъ, и сказалъ: «Эту небольшую вещицу я берегу для васъ, Г. редакторъ!»

Наконецъ, совершенно разстроивъ свое состояніе и много повредя своей громкой славѣ, онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ и погибъ его чудный талантъ.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ РАЗСѢЯННОСТЬ.

Авторъ Артаксеркса, Дельріе, въ старости своей, былъ необычайно разсѣянъ. Однажды, находясь въ кофейнѣ, онъ вдругъ потребовалъ театральную газету. «Мнѣ хочется знать, присовокупилъ онъ потомъ, обращаясь къ одному своему знакому, что играютъ сегодня во Французской Комедіи.» Газету подали. Дельріе взглянулъ на нее и сказалъ: «А! нынче даютъ Артаксеркса!... Надо посмотрѣть,

что это за піеса... театръ, вѣрно, будетъ полонъ.... непремѣнно надобно посмотрѣть.... Эй, мальчикъ, давай скорѣе обѣдать!»

СРЕДСТВО ДОСТАТЬ СЕБѢ КОСТЮМЪ.

Въ Женеву съѣзжается теперь весьма много туристовъ. Большинство между ними составляютъ Англичане; но въ числѣ ихъ не мало также Француженокъ и особенно хорошенькихъ Парижанокъ.

Недавно, въ окрестностяхъ этого города, прогуливалась, въ коляскѣ, молодая дама, Парижанка, восхищаясь отъ всей души миловидными деревнями и прелестными виллами.

Дама эта была, какъ и всегда, очаровательно весела. Она вышла изъ экипажа. Вскорѣ потомъ, она замѣтила хорошенькую бѣлокурую, голубоглазую крестьянку, которая была одѣта просто, но чрезвычайно изящно.

— Ахъ, какая хорошенькая! сказала она мужчинѣ и дамѣ, которые сопровождали ее.

Потомъ она подошла къ крестьянкѣ, и спросила у нее, съ улыбкою:

— Куда идешь ты, милая?... Ты живешь далеко отсюда?

«О, вовсе не далеко,» отвѣчала дѣвушка: я живу тамъ.... въ бѣломъ домикѣ.... Вотъ въ этомъ.... видите?»

— Да.... Какъ зовутъ тебя?

«Марьей.»

— Ну, душенька, садись со мной въ коляску..... мы поѣдемъ къ тебѣ.

Дѣвушка повиновалась, съ боязливымъ изумленіемъ.

Передъ бѣлымъ домикомъ коляска остановилась. Отецъ и мать Маріи не знали что подумать, когда увидѣли, что дочь ихъ вышла изъ щегольскаго экипажа, вмѣстѣ съ богато одѣтою дамою. Эти добрые люди были въ самомъ комическомъ безпокойствѣ; они-то подходили къ дамѣ, то опять уходили отъ нея; то какъ будто хотѣли завести рѣчь, но слова замирали на устахъ ихъ.

Наконецъ, дама сказала дѣвушкѣ:

— Марія, ты не знаешь зачѣмъ я пріѣхала къ вамъ?

«Нѣтъ, сударыня,» отвѣчала Марія.

— А вотъ видишь зачѣмъ: мнѣ хочется видѣть, будешь ли ты также хороша въ моемъ платьѣ, какъ въ своемъ.... Ты надѣнешь его, а я надѣну твое....

Дѣвушка согласилась исполнить это желаніе. Онѣ помѣнялись платьями.

— Да къ тебѣ это идетъ чудесно, душечка, сказала дама. Постой, однако жъ, ты еще не надѣла перчатокъ!... Вотъ онѣ.

При этихъ словахъ, она сняла свои бѣлыя перчатки, и подала ихъ Маріи. Дѣвушка начала было надѣвать ихъ, но онѣ были малы для ея рукъ.

— Нейдутъ? сказала дама. Да и не надобно.... Теперь посмотрись въ зеркало.»

Марія повиновалась.

— Довольна ты?

Марія покраснѣла. Мать смотрѣла на нее съ восхищеніемъ.

— Ты въ этомъ платьѣ такъ хороша, что я дарю его тебѣ.... а твое возьму себѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, она простилась съ этими добрыми людьми, и уѣхала, смѣясь какъ полуумная.

На другой день, въ бѣломъ домикѣ явился лакей въ богатой ливреѣ, и подалъ Маріи кошелекъ, въ которомъ находились десять золотыхъ монетъ и надушеная записочка.

Въ этой запискѣ было сказано слѣдующее:

«Посылаю тебѣ, милая Марія, плату за платье, которое я отняла у тебя. Мое платье ты оставь у себя, въ воспоминаніе обо мнѣ. Пожалуйста, надѣвай его иногда. Между тѣмъ, я не забуду тебя... До свиданія!»

Кто же была героиня этого приключенія? быть можетъ спросите вы. На это мы можемъ отвѣчать только въ полови-

ну. Героиней его была одна изъ самыхъ любимыхъ Парижскихъ артистокъ, которая находится теперь въ отпуску и живетъ на берегахъ Женевскаго Озера.

Въ костюмѣ, взятомъ ею у Маріи, или, быть можетъ, въ костюмѣ, сшитомъ по его образцу, онъ явится въ піссѣ, которую начнутъ разучивать, по возвращеніи ея въ Парижъ.

ДАЛЕЙРАКЪ И АЛЕКСАНДРЪ ДЮВАЛЬ.

Далейраку очень хотѣлось работать съ Дювалемъ, и Дюваль, послѣ долгихъ просьбъ, согласился написать для него либретто. Далейракъ нѣсколько разъ напоминалъ ему объ этомъ обѣщаніи, и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ одни только увѣренія, что либретто будетъ начато скоро. Композиторъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе, и сыгралъ съ поэтомъ слѣдующую штуку.

Онъ пригласилъ Дюваля погостить къ себѣ на дачу. Дюваль пріѣхалъ. Вечеромъ, въ день пріѣзда поэта, жена Далейрака предварила его, что утромъ ему принесутъ завтракъ въ занимаемую имъ комнату. Дюваль, не подозрѣвая ничего, счелъ это за особую внимательность, и былъ очень доволенъ гостепріимствомъ композитора. На другой день, къ нему принесли завтракъ и, вслѣдъ за тѣмъ вошла хозяйка съ нѣсколькими дамами.

«Я, въ шутку, спросилъ у нихъ, разсказывалъ потомъ Дюваль, неужели *обладатель замка* требуетъ, чтобы всѣмъ гостямъ его прислуживали дамы и дѣвицы? На это онѣ, также шутя и смѣясь, отвѣчали, что *обладатель замка*, человѣкъ чрезвычайно мстительный, обвиняетъ меня въ измѣнѣ *рыцарскому долгу*, обвиняетъ въ томъ, что будто бы я обѣщалъ ему либретто и не сдержалъ обѣщанія, и что онъ, заманивъ меня въ свой замокъ, будетъ держать въ плѣну, покамѣстъ я не исполню его желанія. Потомъ, указавъ мнѣ на перья, на бумагу, онѣ вышли, и заперли за собою мою дверь.

«Правду сказать, мнѣ было очень досадно, что меня поддѣли такимъ образомъ, и только что я остался одинъ, мнѣ тотчасъ вздумалось выпрыгнуть въ окно. Но когда первый порывъ досады прошелъ, я увидѣлъ, что затѣялъ смѣшное дѣло. Впрочемъ и шутка эта вовсе не выходила изъ ряда тѣхъ мистификацій, которыя позволяютъ себѣ, между собою, артисты. .. Мысль эта успокоила меня совершенно. Я началъ завтракать и вмѣстѣ съ тѣмъ припоминать планъ моего *Maison à vendre* (либретто, обѣщанное имъ Далейраку).... Когда всѣ подробности этого плана воскресли въ моей памяти, піеса моя показалась мнѣ столь забавною, что я рѣшился тогда же начать писать ее. Я принялся за работу съ жаромъ и не замѣтилъ, какъ прошли четыре или пять часовъ.

«Передъ обѣдомъ, явился ко мнѣ Далейракъ, съ тысячью извиненій въ томъ, что онъ называлъ шалостью жены своей. Въ эту минуту я былъ весь преданъ труду моему.... Мистификація уже не сердила меня нисколько, и я, усадивъ подлѣ себя Далейрака, прочелъ ему, что было написано....»

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, піеса была окончена.

МЕЛОЧИ.

Въ Берлинскомъ Придворномъ Театрѣ, во время представленія Гугенотовъ, случилось происшествіе, которое едва не кончилось самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ этотъ вечеръ, по окончаніи третьяго акта Гугенотовъ и по опущеніи уже завѣсы, загорѣлась одна боковая декорація. Театръ на тотъ разъ былъ полонъ съ верху до низу, и когда пламя показалось изъ за завѣсы, всѣ зрители бросились къ выходамъ, у которыхъ, въ одну минуту, сдѣлалась величайшая давка. Къ счастію, тогда же появился передъ занавѣсью одинъ изъ пѣвцовъ, и увѣрилъ публику, что случай, такъ напугавшій ее, ни сколько не опасенъ.

— Гаванскія дамы подарили Фанни Эльслеръ — что бы вы думали? Сигару! Но эта сигара, или, лучше сказать, это подобіе сигары сдѣлано изъ темнаго камня и осыпано брилліантами, которые цѣнятъ въ 700 ф. ст. Мало того: на одномъ концѣ его вставленъ превосходный яхонтъ, изображающій, безъ сомнѣнія, зажженный кончикъ сигары. Подарокъ этотъ былъ завернутъ въ банковый билетъ въ 1000 ф. ст.

— Гг. Ад. Аданъ, Г. Берліозъ, Паисеронъ, Ам. Тома, А. Леборнъ, Батгонъ, Буасело, А. Эльваръ, А. Ж. Буске (Bousquet), Л. Безоцци, Э. Буланже, Деніу и Галеви подали Французскому Министру Внутреннихъ Дѣлъ просьбу объ ускореніи учрежденія третьяго лирическаго театра въ Парижѣ.

— Тальбергъ отправился изъ Лондона, на короткое время, въ Булонь. Оттуда онъ проѣдетъ, черезъ Парижъ, въ Баденъ, гдѣ и проведетъ весь Августъ. Въ Октябрѣ, онъ возвратится въ Англію. Слышно также, что Декабрь и Январь онъ проведетъ въ Голландіи.

— Въ числѣ музыкальныхъ знаменитостей, которыя вознамѣрились посѣтить, во время нынѣшняго сезона, минеральныя воды Германіи, находятся также Арто и Г-жа Даморо. Тотъ и другая будутъ давать концерты въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Баденѣ. Г-жа Даморо, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, восхитила тамъ всѣхъ Русскими пѣснями, которыя она вывезла съ собою отъ насъ.

—Недавно, въ Кенигсбергѣ, одна дама спросила у проходившаго мимо нея разносчика афишъ: «Что играютъ сегодня въ театрѣ?»—«*Она помѣшана!*» отвѣчалъ разносчикъ.—«А ты, грубіянъ, воскликнула, вслѣдъ ему, дама, ты съ ума сошелъ!»

— Въ Бухарестѣ предположено построить театръ, съ тѣмъ, чтобы зданіе это находилось въ связи съ особою танцовальною залою, кофейнею и комнатами для чтенія.

— Въ Меркетъ-Дельфинскомъ Театрѣ, въ Кембриджѣ, обрушилась, во время представленія, галерея. При этомъ случаѣ пострадали весьма многіе зрители, находившіеся въ залѣ.

— Отецъ Альфонса Карра, композиторъ Генрихъ Карръ, и Тальбергъ пожалованы орденомъ Почетнаго Легіона.

— Слышно, что Спонтини вознамѣрился поселиться навсегда въ имѣніи своемъ, находящемся неподалеку отъ Анконы.

НЕКРОЛОГЪ.

Директоръ и талантливый артистъ Адельфійскаго Театра въ Лондонѣ, Фредерикъ Ятсъ (Yates), умеръ недавно.

— Въ Парижѣ умеръ одинъ изъ лучшихъ артистовъ театра Gaité, Франциск старшій.

— Нашъ музыкальный міръ, пишутъ изъ Вѣны, понесъ потерю, чувствительную въ высшей степени: 18 Іюня, скончался, послѣ кратковременной болѣзни, почетный членъ Королевско-Шведской Академіи Музыки въ Стокгольмѣ, а равно членъ многихъ отечественныхъ и заграничныхъ музыкальныхъ обществъ, Т. Гаслингеръ. Онъ родился въ Верхней Австріи, 1-го Марта 1787 года, посвятилъ себя музыкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и въ послѣдствіи основалъ въ Вѣнѣ музыкальный магазинъ, который должно причислить къ лучшимъ изъ числа подобныхъ заведеній, не только въ нашей столицѣ, но и во всей Германіи. Г. Гаслингеръ высылалъ музыкальныя произведенія почти во всѣ Европейскія государства, но всего болѣе въ Россію. Собственныя же его музыкальныя сочиненія пользуются одобреніемъ всѣхъ знатоковъ. За нѣкоторыя изъ изданій, отличающихся вкусомъ и великолѣпіемъ, получилъ онъ отъ коронованныхъ особъ драгоцѣнные подарки.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Отъ 1-го до 15-го Августа театры наши будутъ закрыты, и тогда начнется для нихъ новая жизнь — осенній и зимній періодъ, самый благопріятный для театральныхъ наслажденій. Передъ закрытіемъ театровъ, была замѣтна особенная дѣятельность на Большомъ Театрѣ, на которомъ происходили спектакли почти ежедневно. — На Александринскомъ Театрѣ былъ представленъ *Волшебный носъ*, фантастическій водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго А. И. Писаревымъ; но эта піеса не имѣла успѣха. Въ тотъ же вечеръ, въ бенефисъ Г-на Григорьева 2-го, былъ представленъ водевиль *Барабанщикъ*, въ которомъ очень мило играла и пѣла воспитанница Иванова.

ПАРИЖЪ.

Не желая задерживать выхода въ свѣтъ нынѣшней книжки Репертуара, нѣсколько замедлившейся по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ редакціи, отлагаемъ до 16-го числа перечень новыхъ піесъ, представленныхъ въ послѣднее время на Парижскихъ Театрахъ. Впрочемъ, новостей въ Парижѣ было немного, а именно играны:

На Театрѣ Водевиля: La journée d une folle femme, водевиль въ пяти дѣйствіяхъ.

На Театрѣ Пале Рояля: Du haut en bas, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

На Театрѣ de la Gaité: Emery le négociant, драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

На Театрѣ des Folies-Dramatiques: Une Sainte n'y touche, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

ЛОНДОНЪ

Со временъ Малибранъ, ни одна пѣвица не приводила холодной Лондонской публики въ такой восторгъ, въ какой привела ее нынѣ Г-жа Луцеръ. 15-го Іюня, Г-жа Луцеръ дебютировала въ Лондонѣ въ Робертѣ Діаволѣ (въ роли Изабеллы). Лишь только пропѣла она свою первую арію, въ залѣ театра раздались громкіе, единодушные клики одобренія; въ Dressboxes (ложи перваго яруса) начали махать платками, а въ партерѣ шляпами. На другой день, Лондонскія газеты осыпали ее похвалами. Въ Morning Post назвали ее первою пѣвицею Германіи, въ Sun поставили ее выше Г-жи Зонтагъ, а нѣкоторыя другія газеты, сравнивая Г-жу Луцеръ съ Г-жею Дорюсъ Гра, которая чрезвычайно нравилась Лондонцамъ въ роли Изабеллы, отдаютъ первой изъ этихъ артистокъ преимущество передъ послѣднею. Герцогиня Кентская удостоила Г-жу Луцеръ весьма благосклоннаго пріема.

— Дюпре отправился въ Лондонъ, гдѣ,

согласно заключенному имъ контракту, онъ долженъ сыграть нѣсколько гостиныхъ ролей, на Театрѣ Королевы.

— Въ Лондонѣ, на Театрѣ Королевы, былъ данъ новый балетъ, подъ названіемъ: Alma. Онъ имѣлъ успѣхъ. Слышно, что обстановка его необычайно великолѣпна.

— Бульверъ написалъ недавно драму. Она будетъ представлена на Дрюри-Ленскомъ Театрѣ.

ГЕРМАНІЯ.

На Вѣнскихъ театрахъ, въ послѣднее время, были представлены, въ первый разъ, слѣдующія піесы: *Der Sohn auf Reisen*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Л. Фельдмана. Она имѣла блестящій и заслуженный успѣхъ. Содержаніе ея просто, но она ведена искусно и исполнена самыхъ комическихъ положеній. *Die Europäer in Africa*, «представленіе» въ четырехъ картинахъ, съ маршами, эволюціями и пр. и пр. Это «представленіе» предназначено для тѣхъ зрителей, которые восхищаются «піесами съ великолѣпнымъ спектаклемъ.» Благодаря этому предназначенію и своей великолѣпной обстановкѣ, оно, безъ сомнѣнія, долго удержится на сценѣ *Altamonte, oder: die Arnauten in Calabrien*, драма В. Фогля. Авторъ не говоритъ, подражаніе ли это, или переводъ, но одна Нѣмецкая газета замѣчаетъ, что піеса его крѣпко съ родни одной драмѣ, представленной, года два тому назадъ, въ Парижѣ. *Простолюдье* публики приняло ее съ одобреніемъ. Въ ней игралъ Г. Купстъ.

— На Вѣнскихъ театрахъ были представлены, въ первый разъ, слѣдующія піесы: *Die kranken Doctoren*, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ цѣломъ, піеса эта ведена не довольно искусно, но въ ней есть нѣсколько прекрасныхъ сценъ, а діалогъ ея всюду живъ и богатъ остроумiемъ. Она имѣла успѣхъ. Особенно понравился третій актъ ея. *Das Armband*, «мѣстная характеристическая картина,» Фр. Кайзера. Сюжетъ этой піесы заимствованъ изъ одной Французской повѣсти и обработанъ не совсѣмъ удачно. Впрочемъ, эта піеса эффектная. Ее приняли весьма благосклонно. *Die beiden Schlosser*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, пер. съ Французскаго. Въ этой драмѣ собраны всевозможные ужасы; но она, не смотря на это собраніе, весьма привлекательное для иныхъ зрителей, и не смотря на хорошую игру участвовавшихъ въ ней артистовъ, успѣха не имѣла. *Zriny*, Кернера. Піеса эта была прекрасно сыграна и произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. *Das grüne Band*, романтико-комическое волшебное представленіе въ двухъ дѣйствіяхъ.—бенефисная піеса, написанная нѣсколькими авторами. Благодаря своей музыкѣ и особенно танцамъ, она имѣла успѣхъ. *Marquis Karpenstiefel, oder das Mädchen aus dem Thale*, мѣстная сценическая шутка, Карла Гафнера. Содержаніе шутки Г. Гафнера заимствовано изъ романа Поль-де-Кока: Soeur Anne; но *шутка* его вовсе не изъ отличныхъ шутокъ. Впрочемъ, она была разыграна такъ хорошо, что ее приняли довольно благосклонно.

— Новая опера Доницзетти, *Linda di Chamuniz*, постоянно привлекаетъ въ Вѣнѣ необычайное стеченіе публики. Она такъ нравится въ этомъ городѣ, что многія мелодіи ея уже сдѣлались тамъ народными.

— Новый интендантъ Берлинскихъ театровъ, Г. фонъ Кюстнеръ, весьма дѣятельно производитъ, по своей части, улучшенія, которыя, правда, не очень нравятся иным изъ подчиненныхъ ему артистовъ, но за то, очень нравятся Берлинской публикѣ, потому что дѣлаются для ея пользы. Слышно, что Г. Кюстнеръ предполагаетъ произвести, для удобства зрителей, нѣкоторыя передѣлки въ залѣ Опернаго Театра (Opernhaus).

— Изъ Берлина пишутъ: «Главное управленіе здѣшнихъ театровъ назначило, какъ извѣстно, награду за лучшую Нѣмецкую

комедію. Извѣстно также, что изъ множества комедій, присланныхъ на соисканіе, ни одна не была удостоена полной преміи; но что четыре изъ нихъ были признаны достойными второй преміи, и сверхъ того, три — почетнаго отзыва. Нынѣ, первая изъ четырехъ піесъ удостоенныхъ второй преміи, была представлена. Это: *Doctor Wespe*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Р. Бенедикса. По мнѣнію критики оцѣнившіе піесы поступили очень хорошо, что не присудили этой комедіи полной преміи. Въ ней недостаетъ многаго, что составляетъ существенную принадлежность комедіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней столько хорошаго, что было бы несправедливо оставить ее вовсе безъ вниманія.

— Въ Берлинѣ гоститъ теперь и очень нравится Штутгардская пѣвица, Катерина Эверсъ.

— Кенигштедтскій Театръ закрытъ на два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ будутъ произведены въ немъ значительныя передѣлки.

— Въ Мюнхенѣ имѣла успѣхъ комедія: *Ein frohes Tag*, соч. Г. Бауернфельда. Она, какъ слышно, богата самыми неожиданными положеніями, и ведена, отъ начала до конца, весьма искусно.

— Въ Лайбахѣ была дана, съ большимъ успѣхомъ, новая опера, подъ названіемъ *Гризельда*. Либретто ея заимствовано изъ Гризельды, Гальма, а музыка написана Ф. Мюллеромъ.

— Г-жа Бишопъ и Г. Бокса теперь даютъ концерты въ Линцѣ.

— Въ Аугсбургѣ было дано три спектакля, въ пользу Гамбургскихъ погорѣвшихъ. Первый изъ этихъ спектаклей (драма) доставилъ 480 гульд. чистой прибыли; второй (опера и балетъ) 841 гульд. валоваго сбора; а третій (опера и балетъ) 427 гульд.

ИТАЛІЯ.

Въ Генуѣ, на Театрѣ Carlo Felice, была представлена давно ожиданная тамъ опера Кемби: *Cleopatra*. Однако жъ, по причинѣ своей слишкомъ шумной инструментовки, она большаго успѣха не имѣла.

— Г-жа Таліони ангажирована, на шесть представленій, въ Виченцу. Она будетъ танцовать въ этомъ городѣ во время предстоящей тамъ ярмарки.

— Въ Генуѣ, по случаю пріѣзда туда двора Сардинскаго, послѣ бракосочетанія Наслѣднаго Принца Сардинскаго, была дана аллегорическая піеса, подъ названіемъ: *Felicita*. Текстъ этой піесы, отличающейся и обычайно великолѣпною постановкою, написанъ Г-мъ Романи, а музыка ея сочинена композиторомъ Риччи.

ИСПАНІЯ.

Г-жа Полина Гарсіа-Віардо очаровала Мадритскихъ меломановъ своимъ чуднымъ талантомъ. Недавно, послѣ втораго представленія *Отелло*, Россини, которое доставило ей обильную дань рукоплесканій и цвѣтовъ, публика изъявила желаніе еще разъ услышать ея прелестное пѣніе. Г-жа Гарсія-Віардо немедленно появилась на сценѣ, и пропѣла финальное рондо изъ *Ченерентолы*. Но публика не удовольствовалась этимъ, и артистка, покоряясь ея требованію, спѣла еще три пѣсни, одну Французскую и двѣ Испанскія.

VI. АФИША.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Іюль.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
3 Пятн.	Больш.	Луція де Ламмермуръ, оп.	1118	140	80
	Мих.	Werner, oder Herz und Welt, Schsp.;	442	18	27
4 Суб.	Мих.	La Colomnie, com.	270	44	29
5 Воскр.	Алекс.	Школа женщинъ; ком.; Архиваріусъ, вод.			
6 Пон.	Больш.	Морской разбойникъ, бал.	455	35	13
	Мих.	Rubens in Madrid, Lstsp.	540	32	12
7 Втори.	Алекс.	Эсмеральда, др.; Два отца и два купца, ком.-вод.	525	55	18
	Мих.	Les Jeux de l'amour et du hasard, com.; Carmagnole, vaud.	570	47	24
8 Среда.	Больш.	Велисарій, оп.	455	40	20
	Мих.	Der Spieler, Schsp.; Die Benefiz-Vorstellung, Vaud.	540	29	15
9 Четв.	Больш.	Die Jüdin, Op.	411	35	19
10 Пятн.	Мих.	Hamlet, Trsp.	440	24	15
11 Суб.	Мих.	L'école des vieillards, com.	550	90	7
12 Воскр.	Алекс.	Клевета, ком.; Комедія съ дядюшкой, вод.	450	16	20
13 Понед.	Больш.	Гитана, бал.	441	55	18
	Алекс.	Мать Испанска. др.; Учитель, ком.-вод.; Выборы, или за споромъ дѣло стало, вод. (*Бенефисъ г-жи Сосницкой*).	750	57	40
14 Втори.	Мих.	Les Mémoires du diable, vaud.	397	74	23
15 Сред.	Алекс.	Мать Испанка, др.; Учитель, ком. вод. Выборы, вод.	745	48	37
	Мих.	Die Mündel, Schsp.	432	26	31
16 Четверт.	Больш.	Жидовка, оп.	231	23	17
	Мих.	Estelle, ou le père et la fille, com.-vaud.; La Tante mal gardée, vaud.; Le caporal et la payse, vaud.	185	15	8
17 Пятн.	Больш.	Возстаніе въ сералѣ, бал.	475	29	17
	Мих.	König Enzio, Tr.-Sp.	280	11	9
18 Суб.	Больш.	Fenella, Op.	240	15	15
	Мих.	Elle est folle, dr.-vaud.; Un Monsieur et une Dame, vaud.; Le commis et la grisette, vaud.	280	40	8
19 Воск.	Алекс.	Барышня крестьянка, вод.; Боярское слово, др.; Покойная ночь, шутка-вод.	575	16	27
	Больш.	Озеро волшебникъ, бал.	555	59	20
20 Понед.	Мих.	Der Majoratserbe, Lstsp.; Der hundertjährige Greis, Vaud.	750	65	75
21 Втор.	Алекс.	Школа злословія, ком.; Влюбленный Шекспиръ, ком.; Купцы, вод.	465	18	20
	Мих.	Les fées de Paris, com.-vaud.; Une faute, vaud.	220	22	15
22 Сред.	Больш.	Аскольдова могила, оп.	275	20	15
23 Четв.	Больш.	Die Familien Kapuletti und Montechi, Op.	175	23	7
	Мих.	L'une pour l'autre, com.; Madame de Croustignac, vaud.; En pénitence, vaud.	220	23	15
24 Пятн.	Алекс.	Уголино, драм. предст.	750	15	12

1842. Іюль.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
25 Суб.	Мих.	Une chaine, com.	250	24	16
26 Воскр.	Алекс.	Мать Испанка, драм. представ.; Хороша и дурна, и глупа и умна, вод.	360	10	20
27 Понед.	Больш.	Бронзовый конь, оп.	425	35	35
28 Втор	Алекс.	L'une pour l'autre; com.; Le roi de 15 ans, vaud.; Sous clé, vaud.	425	49	25
29 Сред.	Алекс.	Волшебный носъ, опера-вод.; Барабанщикъ, вод.; Ложа 1-го яруса, анекдотъ-водев.	825	20	15
	Больш.	Гитана, бал.	535	25	17
30 Четв.	Больш.	Робертъ, оп.	325	22	12
	Алекс.	Гамлетъ, драм. предст.; Купцы, вод.	350	12	20
31 Пяти.	Алекс.	Волшебный носъ, опера-водев.; Барабанщикъ, водев.; Барышня крестьянка, орпг.-водев.; Жена кавалериста, ком.-вод.	327	18	27
	Больш.	Донъ Жуанъ, опера; Воспитанница Амура	421	30	25